ДЕНИ

ДИДРО

Нескромные сокровища

АЗБУКА-КЛАССИКА

Нескромные сокровища
Дени Дидро

Аннотация
Дени Дидро. НЕСКРОМНЫЕ СОКРОВИЩА
К Зиме
Глава первая. Рождение Мангогула
Глава вторая. Воспитание Мангогула
Глава третья,. которую можно рассматривать как первую в этой книге
Глава четвертая. Вызов гения
Глава пятая. Опасное искушение Мангогула
Глава шестая. Первая проба кольца. Альсина
Глава седьмая. Вторая проба кольца. Алтари
Глава восьмая. Третья проба кольца. Интимный ужин
Глава девятая. Положение Академии наук в Банзе
Глава десятая,. менее ученая и менее скучная, чем предыдущая. Продолжение заседания Академии
Глава одиннадцатая. Четвертая проба кольца. Эхо
Глава двенадцатая. Пятая проба кольца. Картежницы
Глава тринадцатая. Шестая проба кольца. Опера

в Банзе
Глава четырнадцатая. Опыты Оркотома
Глава пятнадцатая. Брамины
Глава шестнадцатая. Видение Мангогула
Глава семнадцатая. Намордники
Глава восемнадцатая. Путешественники
Глава девятнадцатая. О наружности островитян и о женском туалете
Глава двадцатая. Две лицемерки
Глава двадцать первая. Возвращение ювелира
Глава двадцать вторая. Седьмая проба кольца. Задыхающееся сокровище
Глава двадцать третья. Восьмая проба кольца. Истерики
Глава двадцать четвертая. Девятое испытание кольца. Потерянное и найденное. (Дополнение к ученому трактату Пансироля и к «Мемуарам» Академии надписей)
Глава двадцать пятая. Образчик морали Мангогула
Глава двадцать шестая. Десятая проба кольца. Болонки
Глава двадцать седьмая. Одиннадцатое испытание кольца. Пенсии
Глава двадцать восьмая. Двенадцатое испытание кольца. Вопросы права

Глава двадцать девятая. Метафизика Мирзозы. Души
Глава тридцатая. Продолжение предыдущей беседы
Глава тридцать первая. Тринадцатая проба кольца. Маленькая кобыла
Глава тридцать вторая,. быть может, нелучшая и наименее читаемая в этой книге. Сон Мангогула, или путешествие в страну гипотез
Глава тридцать третья. Четырнадцатая проба кольца. Немое сокровище
Глава тридцать четвертая. Прав ли был Мангогул?
Глава тридцать пятая. Пятнадцатая проба кольца. Альфана
Глава тридцать шестая. Шестнадцатая проба кольца. Петиметры
Глава тридцать седьмая. Семнадцатая проба кольца. Театр
Глава тридцать восьмая. Беседа о литературе
Глава тридцать девятая. Восемнадцатая и девятнадцатая пробы кольца. Сплющенный Сфероид и путаная болтовня Жиржиро. Разумей, кто может
Глава сороковая. Сон Мирзозы
Глава сорок первая. Двадцать первая и двадцать вторая пробы кольца. Фрикамона и Калипига

Глава сорок вторая. Сновидения
Глава сорок третья. Двадцать третья проба кольца. Фанни
Глава сорок четвертая. История путешествий Селима
Глава сорок пятая. Двадцать четвертая и двадцать пятая пробы кольца. Бал-маскарад и его последствия
Глава сорок шестая. Селим в Банзе
Глава сорок седьмая. Двадцать шестая проба кольца. Сокровище-путешественник
Глава сорок восьмая. Сидализа
Глава сорок девятая. Двадцать седьмая проба кольца. Фульвия
Глава пятидесятая. Занимательные события в царствование Каноглу, деда Мангогула
Глава пятьдесят первая. Двадцать восьмая проба кольца. Олимпия
Глава пятьдесят вторая. Двадцать девятая проба кольца. Зулейман и Заида
Глава пятьдесят третья. Платоническая любовь
Глава пятьдесят четвертая. Тридцатая и последняя проба кольца. Мирзоза

Аннотация

В романе «Нескромные сокровища» старый колдун дарит императору Конго серебряный перстень, наделенный таинственной силой вызывать на откровение любую женщину. И вот «нескромные» женские сокровища, ко всеобщему удивлению, принимаются публично разглагольствовать о любовных приключениях своих владелиц. «Вы собираетесь внести в отчаяние любовников, погубить женщин, обесчестить девушек и натворить тысячи других бед», – сокрушается фаворитка султана, узнав о волшебных свойствах перстня.

Дени Дидро
НЕСКРОМНЫЕ СОКРОВИЩА

К Зиме

Зима, воспользуйтесь удобной минутой. Ага Наркис беседует с вашей матерью, а ваша гувернантка подстерегает на балконе возвращение вашего отца; берите, читайте, не бойтесь ничего Но если найдут у вас «Нескромные сокровища», спрятанные за туалетным столом, вы думаете, это удивит кого-нибудь? Нет, Зима, нет, — известно, что «Софа», «Танзай» и «Исповедь»[1] были под вашим изголовьем. Вы еще колеблетесь? Узнайте же, что Аглая не побрезговала приложить руку к труду, который вы принимаете, краснея. «Аглая, — говорите вы, — добродетельная Аглая» Она самая. В то время как Зима скучала, а может быть, и впадала в соблазн наедине с молодым бонзой Аллелуйа, Аглая, невинно забавляясь, посвящала меня в приключения Заиды, Альфаны, Фанни и т.д., снабдила кое-какими черточками, которые мне нравятся в «Истории» Мангогула, пересмотрела ее и указала, как ее улучшить. И

[1] Примечания: 1

«Софа» (1745) и *«Танзай и Неадарне»* (1732) — романы французского писателя Клода Кребийона-сына (1707-1777); «Исповедь» — «Исповедь графа де ***» (1762) — роман Шарля Дюкло (1704-1772)

если Аглая, одна из самых добродетельных и наименее склонных к назиданиям женщин Конго, она также одна из наименее претендующих на остроумие и наиболее остроумных. Неужели Зиме теперь вздумается разыгрывать скромницу? Еще раз, Зима, берите, читайте, читайте все: я не делаю исключения даже для речей странствующего «Сокровища», которые вам истолкуют так, что это не нанесет ущерба вашей добродетели, если только истолкователем его не будет ни ваш духовник, ни ваш любовник.

Глава первая
Рождение Мангогула

Гяуф Зелес Танзай долго царствовал над великой Чечней; и пока этот сластолюбивый государь предавался наслаждениям, Акажу, короля Минутии, постиг жребий, предсказанный ему отцом его. Зульмис отжил свой век. Граф де… еще был жив. Великолепные Ангола, Мизапуф и другие властители Индии и Азии умерли внезапно. Народы, уставшие повиноваться безмозглым государям, сбросили иго их власти, и потомки этих несчастных монархов бродили, никому не ведомые, почти позабытые, по областям своих империй. Только внук знаменитой Шехерезады утвердился на троне. Он правил в Моголе под именем Шахбагама, когда Мангогул родился в Конго. Как мы видим, гибель нескольких государей печально ознаменовала его рождение. Эргебзед, отец его, не созывал фей к колыбели сына, так как заметил, что большинство государей того времени, воспитание которых было поручено этим женским умам, оказались глупцами. Он удовольствовался тем, что заказал гороскоп

некоему Кодендо, личности, которую приятнее изображать, чем знать в жизни.

Кодендо, стоял во главе коллегии гаруспиков[2] Банзы, бывшей исстари столицей империи. Эргебзед назначил ему большую пенсию и пожаловал ему и его потомкам за заслуги его двоюродного деда, превосходного повара, великолепный замок на границе Конго. Кодендо был обязан следить за полетом птиц и состоянием неба и сообщать об этом двору, что он исполнял довольно плохо. Если правда, что в театрах Банзы шли самые лучшие пьесы, а театральные залы были самыми скверными во всей Африке, то, наоборот, местная коллегия жрецов была наилучшей в мире, а предсказания ее наихудшими.

Кодендо, узнав о том, чего хотели от него во дворце Эргебзеда, отправился туда, весьма удрученный, так как бедняга умел читать по звездам не лучше, чем мы с вами. Его поджидали с нетерпением. Первые сановники двора собрались в апартаментах великой султанши. Богато наряженные женщины окружали колыбель младенца. Придворные спешили поздравить Эргебзеда с великой судьбой его сына, о которой

---

[2] Примечания: 2

Гаруспики — жрецы Древнего Рима, предсказывавшие будущее по внутренностям животных.

он, без сомнения, узнает. Эргебзед был отцом и находил естественным, чтобы в неясных чертах ребенка читали то, чем он некогда будет.

Наконец, Кодендо явился.

— Подойдите, — сказал ему Эргебзед. — Как только небо даровало мне принца, которого вы видите, я велел со всей бдительностью отнестись к минуте его рождения, о чем вас должны были уже уведомить. Говорите искренно с вашим повелителем и смело возвестите ему судьбы, уготованные небом его сыну.

— Великодушный султан, — отвечал Кодендо, — принц, рожденный от родителей столь же знаменитых, сколь и счастливых, не может иметь иных судеб, кроме великих и благоприятных. Но я ввел бы в заблуждение ваше величество, если бы украсил себя наукой, которой не владею. Звезды восходят и заходят для меня так же, как и для других людей, и для меня будущее не яснее, чем для самых невежественных из ваших подданных.

— Но, — прервал его султан, — разве вы не астролог?

— Великодушнейший государь, — отвечал Кодендо, — я не имею чести им быть.

— Но кто же вы, черт возьми? — воскликнул старый, но горячий Эргебзед.

— Гаруспик.

— Тьфу, пропасть! Мне и в голову не приходило, что вы этим занимаетесь. Слушайте, господин Кодендо, оставьте вы в покое ваших цыплят и определите судьбу моего сына, как вы определили недавно бронхит у попугая моей жены.

В ту же минуту Кодендо вытащил из кармана лупу, взялся за левое ушко ребенка, протер глаза, повертел в руках очки, стал разглядывать левое ухо, потом правое и произнес:

— Царствование молодого принца будет счастливо, если только оно будет продолжительным.

— Я понимаю вас, — сказал Эргебзед, — мой сын совершит прекраснейшие деяния в мире, если у него будет на это время. Но, черт побери, я именно и хочу, чтобы мне сказали, хватит ли у него на это времени. Но если ему суждено умереть, не все ли мне равно, был ли бы он величайшим государем, останься он в живых… Я вас призвал для того, чтобы получить гороскоп моего сына, а вы читаете над ним надгробную речь.

Кодендо выразил сожаление об ограниченности своих познаний, но умолял его величество принять во внимание, что и этого вполне достаточно, так как он лишь недавно сделался гадателем. И в самом деле, кем был до того вре-

мени Кодендо?

Глава вторая
Воспитание Мангогула

Я не буду останавливаться на первых годах жизни Мангогула. Детство у принцев такое же, как и у других людей, вплоть до того, что принцам дано изрекать множество прекрасных вещей, прежде чем они научатся говорить. Так, сын Эргебзеда, когда ему едва исполнилось четыре года, дал уже материал для целой «Мангогулиады». Эргебзед, будучи умным человеком и не желая, чтобы воспитание его сына велось так же небрежно, как его собственное, заранее созвал к своему двору и удержал при нем значительными пенсиями всякого рода выдающихся людей, какие только нашлись в Конго: художников, философов, поэтов, музыкантов, архитекторов, учителей танцев, математиков, историков, преподавателей военных наук и т.д. Благодаря своим счастливым способностям и продолжительным урокам наставников, Мангогул не упустил ничего из тех познаний, какие молодой принц обычно приобретает в первые пятнадцать лет своей жизни, и умел к двадцати годам пить, есть и спать не хуже

всякого властелина его возраста.

Эргебзед, обремененный тяжестью лет, начал чувствовать и тяжесть короны: устав держать бразды правления, напуганный народными волнениями, ему угрожавшими, полный доверия к необыкновенным способностям Мангогула и движимый религиозным чувством, этим верным симптомом близкой смерти, или просто бессмысленной прихотью, свойственной великим мира сего, покинул трон, чтобы посадить на него сына. Этот добрый государь считал своим долгом замолить в своем уединении грехи правления самого справедливого из тех, о которых сохранилась память в анналах Конго.

Мангогул начал царствовать в 1500000003200001 году от сотворения мира, в 3900000700003 году от основания государства Конго; он был 1234500-м представителем своего рода по прямой линии.

Частые совещания с министрами, ведение войн, управление делами научили его в очень короткий срок тому, что ему еще оставалось узнать, выйдя из рук педагогов, — а это вещи немаловажные.

Меньше чем в десять лет Мангогул приобрел репутацию великого человека. Он выигрывал сражения, брал города, увеличил свою импе-

рию, усмирил провинции, привел в порядок финансы, содействовал расцвету наук и искусств, воздвигал здания, обессмертил себя полезными учреждениями, утвердил и исправил законы, учредил даже академии и, чего никогда не могли понять ученые его университета, осуществил все это, не зная ни слова по-латыни.

Мангогул был так же любезен в своем серале, как велик на троне. Он не руководился в своем поведении смешными обычаями родной страны. Он раскрыл двери дворца, где жили его жены, он выгнал оскорбительных стражей их добродетели, он благоразумно доверил их верность им же самим: в их апартаменты был такой же свободный доступ, как в какой-нибудь монастырь фландрских каноннес, и нравы там были, конечно, такие же строгие. И это было, без сомнения, очень мудро. Что это был за добрый султан! Не было ему подобных, разве только в некоторых французских романах. Он был мягок, приветлив, весел, галантен, красив собой; созданный для удовольствий, он любил их и обладал таким умом, какого не было у всех его предшественников, вместе взятых.

Вполне понятно, что при стольких редких достоинствах многие женщины желали победы над

ним; некоторые из них в этом успели. Те, которые упустили его сердце, постарались утешиться с сановниками его двора. Молодая Мирзоза была из числа первых. Я не стану забавляться подробным описанием качеств и прелестей Мирзозы, мой труд оказался бы бесконечным, а я хочу, чтобы он имел конец.

Глава третья, которую можно рассматривать как первую в этой книге

Мирзоза владела сердцем Мангогула уже несколько лет. Любовники говорили и повторяли друг другу тысячу раз все, что необузданная страсть внушает самым умным людям. Они дошли до полной откровенности и сочли бы преступлением утаить друг от друга самое незначительное событие своей жизни. Не раз они высказывали друг другу странные предположения:

«Если бы небо, возведшее меня на трон, осудило меня родиться в низком положении, снизошли бы вы до меня? Увенчали бы вы меня, Мирзоза?»

«Если бы Мирзоза утратила те незначительные прелести, какие в ней находят, продолжал бы Мангогул любить ее до конца?»

Такие предположения, — говорю я, — которые по вкусу изобретательным любовникам, приводят к ссоре наиболее нежных и часто заставляют лгать наиболее искренних, — были у них в ходу.

Фаворитка, в высокой степени обладавшая ред-

ким и ценным талантом хорошо рассказывать, исчерпала всю скандальную хронику Банзы. Так как она не отличалась большим темпераментом, она не всегда была расположена к ласкам султана, да и султан не всегда бывал расположен их оказывать. Бывали дни, когда Мангогул и Мирзоза не знали, о чем говорить, что делать, и, хотя они по-прежнему любили друг друга, ничто их не забавляло. Такие дни выпадали редко. Но все же они бывали. И вот однажды наступил такой день.

Султан лежал, небрежно раскинувшись на кушетке, против фаворитки, которая занималась вязанием, не говоря ни слова. Погода не позволяла гулять. Мангогул не решался предложить партию пикета. Около четверти часа длилось это угрюмое молчание, наконец, султан, зевнув несколько раз, заговорил:

— Надо признать, что Желиот[3] пел, как ангел.

— И что ваше высочество умираете от скуки, — прибавила фаворитка.

— Нет, мадам, — возразил Мангогул, полузевая, — минуты, когда видишь вас, не могут быть

---

[3] Примечания: 3

Желиот Пьер (1711-1782) — оперный певец, исполнитель главных партий в операх Жана Филиппа Рамо (1683-1764), Жана Жозефа Кассанеа де Мондонвиля (1711-1772) и др.

минутами скуки.

— От вас ничего нельзя ждать, кроме галантности, но вы задумчивы, рассеянны, зеваете. Что с вами, государь?

— Сам не знаю, — сказал султан.

— А я догадываюсь, — продолжала фаворитка. — Мне было восемнадцать лет, когда я имела счастье вам понравиться. Уже четыре года, как вы любите меня. Восемнадцать да четыре — двадцать два. Я уже порядком состарилась.

Это вычисление заставило Мангогула улыбнуться.

— Но если я уже не гожусь для наслаждений, — прибавила Мирзоза, — я хочу вам, по крайней мере, поставить на вид, что я очень хороша как советчица. Разнообразие удовольствий, которыми наполнены ваши дни, не избавило вас от насыщения. Вы пресыщены. Вот ваша болезнь, государь.

— Я не согласен с вашими предположениями, — сказал Мангогул, — но если бы это была правда, знаете ли вы какие-нибудь лекарства от этого?

Подумав с минуту, Мирзоза ответила султану, что его высочеству, как ей показалось, очень пришлись по душе рассказы о галантных похождениях в их городе, а потому она очень жалеет,

что у нее нет их больше в запасе, что она недостаточно осведомлена о приключениях при дворе, но что прибегла бы и к этому средству в ожидании чего-нибудь лучшего.

— Я нахожу это средство хорошим, — сказал Мангогул, — но кто знает историю всех этих сумасбродок? И если бы они были известны, кто расскажет мне их так, как вы?

— И все же давайте познакомимся с ними, — сказала Мирзоза. — Кто бы их ни рассказывал, я уверена, что Вы, ваше высочество, выиграете в отношении содержания то, что проиграете в смысле формы.

— Нам с вами, если захотите, нетрудно вообразить, что у моих придворных дам могут быть очень забавные приключения, — сказал Мангогул, — но как бы они ни были забавны, что толку, раз невозможно с ними познакомиться?

— Здесь могут встретиться затруднения, — ответила Мирзоза, — но я думаю, что нет ничего невозможного. Гений Кукуфа, ваш родственник и друг, делал вещи еще более трудные.

— О радость моего сердца, — воскликнул султан, — вы восхитительны! Я не сомневаюсь, что гений обратит все свое могущество мне на пользу. Я сейчас же запрусь в моем кабинете и

призову его.

Затем Мангогул встал, поцеловал фаворитку, по обычаям Конго, в левый глаз и удалился.

Глава четвертая
Вызов гения

Гений Кукуфа, старый ипохондрик, опасаясь, как бы светская сутолока и общение с другими гениями не помешали его спасению, укрылся в уединении, чтобы всласть заняться усовершенствованием Великой Пагоды, щипать, царапать себя, выкидывать разные шутки, скучать, беситься и издыхать с голоду. Там он лежит на циновке, зашитый в мешок, бока его стиснуты веревкой, руки скрещены на груди, голова закрыта капюшоном, из-под которого выглядывает только кончик бороды. Он спит, но можно подумать, что он созерцает. У него нет другого общества, кроме совы, дремлющей у его ног, нескольких крыс, грызущих его подстилку, и летучих мышей, кружащихся над его головой; его вызывают, произнося под звуки колокола первый стих ночного богослужения браминов. Тогда он подымает свой капюшон, протирает глаза, надевает сандалии и отправляется в путь.

Представьте себе старого камальдула[4], который летит по воздуху, держась за ноги двух больших сов. В таком виде Кукуфа появился перед султаном.

— Благословение Брамы да будет с нами, — сказал он, спускаясь на землю.

— Аминь, — отвечал государь.

— Чего вы хотите, мой сын?

— Очень простую вещь, — сказал Мангогул. — Дайте мне возможность потешиться над моими придворными дамами.

— Э, сын мой, — возразил Кукуфа, — у вас одного больше аппетита, чем у целого монастыря браминов. Что вы думаете делать с этим стадом сумасбродок?

— Узнать от них, какие у них теперь похождения и какие были раньше. Это — все.

— Но это невозможно, — сказал гений, — бесполезно желать, чтобы женщины исповедовались в своих приключениях, — этого никогда не было и не будет.

— Нужно, однако, чтобы это было, — добавил

---

[4] Примечания: 4

Камальдул — камальдулы или камальдолиты — члены монашеского ордена со строгим уставом, основанного в начале XI в. бенедиктинским монахом св. Ромуальдом (ум. в 1027) в камальдольской долине близ итальянского города Ареццо.

султан.

Гений задумался, почесывая за ухом и рассеянно перебирая пальцами длинную бороду. Его размышление было непродолжительным.

— Сын мой, — сказал он Мангогулу, — я люблю вас, вы будете удовлетворены.

Через минуту он опустил правую руку в свой глубокий карман под мышкой, с левой стороны платья, и вытащил оттуда, вместе с иконками, освященными зернами, маленькими свинцовыми пагодами и заплесневелыми конфетами, серебряный перстень, который Мангогул принял сначала за кольцо св. Губерта[5].

— Видите вы это кольцо? — спросил он султана. — Наденьте его себе на палец, мой сын. Все женщины, перед которыми вы повернете его камень, поведают вам свои похождения громко, ясно и понятно, но не думайте, что они будут говорить с вами ртом.

— Но чем же, черт возьми, будут они говорить?

— Самой откровенной частью, какая у них есть, и наиболее осведомленной о вещах, какие вы желаете знать, — сказал Кукуфа, — своим сокровищем.

---

[5] Примечания: 5

…кольцо св. Губерта. — Согласно поверью, кольцо и ключ святого Губерта, епископа Льежского (ум. в 727), предохраняли от бешенства.

— Своим сокровищем! — подхватил султан, разразившись смехом. — Говорящее сокровище! Это неслыханная вещь!

— Сын мой, — сказал гений, — я делал много чудес ради вашего деда: полагайтесь на мои слова, идите, и да благословит вас Брама. Воспользуйтесь как следует своим секретом и помните о том, что любопытство может повести к худу.

Сказав это, ханжа покачал головой, надвинул капюшон, уцепился за ноги сов и исчез в вышине.

Глава пятая
Опасное искушение Мангогула

Как только Мангогул завладел таинственным перстнем Кукуфы, у него явилось искушение сделать первый опыт над фавориткой. Я забыл сказать, что, кроме способности заставлять говорить сокровище женщин, на которых направляли драгоценный камень перстня, у последнего было еще другое свойство — он делал невидимым человека, носившего его на мизинце. Таким образом, Мангогул в мгновение ока мог перенестись в сотню мест, где его не ожидали, и видеть своими глазами много таких вещей, какие обыкновенно происходят без свидетелей: ему стоило только надеть кольцо и произнести: «Хочу быть там-то», — в то же мгновение он туда переносился. И вот он у Мирзозы.

Мирзоза, не ожидавшая султана, была уже в постели. Мангогул тихонько приблизился к ее изголовью и увидел при свете ночника, что она уснула.

— Отлично, — сказал он, — она спит. Живо наденем кольцо на другой палец, примем прежний

вид, направим камушек на спящую красавицу и разбудим ее сокровище... Но что останавливает меня? Я дрожу... Возможно ли, что Мирзоза... Нет, это невозможно. Мирзоза мне верна. Удалитесь, оскорбительные сомнения! Я не хочу, я не должен вас слушать! — Сказав это, он поднес руку к перстню, но сейчас же отдернул ее, как от огня, и мысленно воскликнул: — Что я делаю, несчастный! Я пренебрегаю советом Кукуфы. Чтобы удовлетворить глупое любопытство, я рискую потерять возлюбленную и жизнь. Если ее сокровище понесет какой-нибудь вздор, я не смогу ее больше видеть и умру от печали. А кто знает, что скрывается в душе сокровища?

Волнение Мангогула не позволяло ему следить за собой, он произнес последние слова довольно громко, и фаворитка проснулась.

— Ах, государь, — сказала она, более обрадованная, чем удивленная его присутствием. — Это вы? Почему меня не известили о вашем приходе? Вам ли ожидать моего пробуждения?

Мангогул сообщил фаворитке об успешности свидания с Кукуфой, показал ей полученный от него перстень и не скрыл ни одного из его свойств.

— О, какой дьявольский секрет вручил он

вам! — вскричала Мирзоза. — Но, государь, думаете ли вы пустить его в ход?

— Как, черт возьми! Думаю ли я пустить его в ход? Я начну с вас, если вы мне позволите.

Фаворитка при этих ужасных словах побледнела, задрожала, потом овладела собой и стала заклинать султана Брамой и всеми пагодами Индии и Конго не подвергать ее испытанию, что было бы недостатком доверия к ее верности.

— Если я всегда была благоразумна, — продолжала она, — сокровище мое промолчит, а вы нанесете мне оскорбление, которого я вам никогда не прощу. Если оно заговорит, я потеряю ваше уважение, ваше сердце, и вы будете от этого в отчаянии. До сих пор, как мне кажется, наша связь приносила вам только радость. Зачем же подвергать ее опасности разрыва? Государь, поверьте мне, последуйте совету гения; у него большой опыт, а следовать советам гениев всегда полезно.

— Это самое я себе говорил, когда вы проснулись, — ответил Мангогул. — Однако, если бы проспали двумя минутами дольше, я не знаю, что бы из этого вышло.

— Вышло бы то, — сказала Мирзоза, — что мое сокровище ничего бы вам не сказало, а вы потеряли бы меня навсегда.

— Может быть, — отвечал Мангогул, — но теперь, когда я вижу, какой опасности я избежал, клянусь вам вечным божеством, что вы будете исключены из числа тех, на которых я направлю перстень.

Мирзоза успокоилась и начала подшучивать над сокровищами, какие государь собирался подвергнуть испытанию.

— Сокровище Сидализы, — говорила она, — может очень много рассказать. И если оно так же нескромно, как его обладательница, оно не заставит себя долго просить. Сокровище Гарии уже удалилось от света, и ваше высочество услышит от него только старушечью болтовню. Что касается сокровища Глосеи, его стоит порасспросить, она кокетлива и красива.

— И, вероятно, по этой причине, — сказал султан, — ее сокровище будет немо.

— Тогда обратитесь к сокровищу Федимы, — сказала султанша, — она проказлива и безобразна.

— Да, — продолжал султан, — настолько некрасива, что надо быть такой злой, как вы, чтобы обвинить ее в проказах. Федима добродетельна; это говорю вам я, так как знаю кое-что об этом.

— Может быть, если вам угодно, она и добро-

детельна, — возразила фаворитка, — но ее серые глаза говорят обратное.

— Глаза ее ввели вас в заблуждение, — резко возразил султан. — Вы меня выводите из терпения вашей Федимой. Можно подумать, что нет других сокровищ для испытания.

— Можно ли, не оскорбляя ваше высочество, — сказала Мирзоза, — спросить, кого бы вы почтили своим выбором?

— Это мы вскоре увидим, — отвечал Мангогул, — в кругу Манимонбанды (так называют в Конго старшую султаншу). Их хватит на долгое время, и когда нам наскучат сокровища моего двора, мы сможем сделать обход Банзы; может быть, сокровища у буржуазок окажутся более благоразумными, чем у герцогинь.

— Государь, — возразила Мирзоза, — я немного знаю первых и могу вас уверить, что они только более осмотрительны.

— Скоро мы все про них узнаем. Но я не могу удержаться от смеха, — продолжал Мангогул, — когда представляю изумление и смущение этих женщин при первых словах их сокровищ. Ха-ха-ха! Имейте в виду, услада моего сердца, что я буду ждать вас у старшей султанши и что я не пущу в ход перстня, пока вы не придете.

— Во всяком случае, государь, я рассчитываю на ваше слово, — сказала Мирзоза.

Ее тревога заставила Мангогула улыбнуться. Он подтвердил свое обещание и, приласкав ее, удалился.

Глава шестая
Первая проба кольца. Альсина

Мангогул пришел первый к старшей султанше. Он застал женщин за игрой в каваньолу[6], пробежал глазами по всем, чья репутация была установлена, решив остановиться на одной из них, и только затруднялся в выборе. Он не знал, с кого начать, когда заметил в нише молодую даму из дворца Манимонбанды. Она шутила со своим супругом. Это показалось странным султану, так как прошла уже неделя, как они поженились. Они показывались в одной ложе в опере, в одной коляске на проспекте или в Булонском лесу, они закончили визиты, и обычай освобождал их от любви и даже от встреч.

— Если это сокровище так же легкомысленно, как его обладательница, — сказал про себя Мангогул, — мы услышим очень забавный монолог. — В этом месте его собственного монолога появилась фаворитка.

---

[6] Примечания: 6

Каваньола — азартная игра, напоминающая бириби и лото.

— Добро пожаловать, — шепнул султан ей на ухо. — Я сделал выбор в ожидании вас.

— На кого же он пал? — спросила Мирзоза.

— На этих людей, которые забавляются в нише, — ответил ей Мангогул, мигнув в их сторону.

— Хорошее начало, — сказала фаворитка.

Альсина (так звали молодую даму) была жизнерадостна и красива. При дворе султана не было женщины более приветливой и большей проказницы, чем она. Один из эмиров султана влюбился в нее. Его не оставили в безызвестности о том, что говорила скандальная хроника. Он был встревожен, но последовал обычаю: спросил у своей возлюбленной, что он должен о ней думать. Альсина поклялась ему, что это была клевета со стороны некоторых фатов, которые молчали бы, если бы у них не было о чем говорить; что, наконец, она с эмиром еще ничем не связана и он волен думать все, что ему угодно. Этот уверенный ответ убедил влюбленного эмира в невинности его возлюбленной. Он принял окончательное решение и титул супруга Альсины со всеми его прерогативами.

Султан направил кольцо на нее. Громкий взрыв смеха Альсины над двусмысленными шутками мужа был сразу оборван действием кольца. И

сейчас же послышался шепот из-под ее юбок:

— Вот я, наконец, титулованная особа. Поистине, это меня чрезвычайно радует. Прежде всего надо создать себе положение в свете. Если бы вняли моим первым желаниям, нашли бы, что я стою большего, чем эмир. Но лучше эмир, чем ничего.

При этих словах все женщины оставили игру и стали прислушиваться, откуда исходит голос. Это движение произвело большой шум.

— Тише, — сказал Мангогул, — это заслуживает внимания.

Воцарилась тишина, и сокровище продолжало:

— Вероятно, супруга надо почитать за очень важного гостя, если судить по мерам, какие были приняты перед его приходом. Сколько приготовлений! Какое обилие миртовой воды! Еще недели две такого режима, и меня не стало бы, я исчезло бы, и господин эмир должен был бы искать себе другого помещения или отправить меня на остров Жонкиль[7].

Здесь автор говорит, что все женщины побледнели, молча переглянулись и приняли серьезный

---

[7] Примечания: 7

...остров Жонкиль. — Топоним романа Кребийона-сына «Танзай и Неадарне».

вид, который он приписывает боязни, чтобы беседа не завязалась и не сделалась общей.

— Однако, — продолжало свою речь сокровище Альсины, — мне казалось, что эмиру вовсе не было нужно, чтобы ради него пускались на такие ухищрения; но я узнаю в этом осторожность моей обладательницы, она все доводит до крайности; но меня готовили для эмира так, словно предназначали для его стремянного.

Сокровище хотело продолжать свои несуразные речи, когда султан, заметивший, что стыдливая Манимонбанда скандализирована этой странной сценой, прервал оратора, повернув кольцо. Эмир исчез при первых словах сокровища его жены. Альсина, не растерявшись, сделала вид, будто впала в обморочное состояние. Женщины шептались о том, что у нее припадок.

— Да, это припадок, — сказал петиметр. — Сиконь называет такие припадки истерическими. Это, так сказать, явления, которые исходят из нижней области. У него есть против этого божественный эликсир, — это первоначальное, первополагающее, первополагаемое, которое оживляет, которое… Я предложу его сударыне.

Все улыбнулись этой шутке, а наш циник продолжал:

— Это сущая правда, сударыня. Я, говорящий с вами, употреблял его вследствие убыли субстанции.

— Убыли субстанции?

— Господин маркиз, — отозвалась одна молодая особа, — что же это такое?

— Сударыня, — отвечал маркиз, — это один из тех маленьких неожиданных случаев, которые бывают. Ну, да это известно всем на свете.

Между тем симулированный обморок пришел к концу. Альсина присоединилась к игре без тени смущения, как если бы ее сокровище ничего не говорило или сказало бы что-нибудь очень приятное. И только она одна играла без рассеянности. Эта партия принесла ей значительную сумму. Другие не отдавали себе отчета, что делают, не узнавали фигур, забывали цифры, не обращали внимания на выигрыш, платили, где не нужно, и совершали тысячу других оплошностей, которыми Альсина пользовалась. Наконец, игра кончилась, и все разошлись.

Это происшествие наделало много шуму при дворе, в городе и во всем Конго. Появились эпиграммы: речь сокровища Альсины была опубликована, просмотрена, исправлена, дополнена и комментирована придворными любезниками.

Сложили песенку про эмира. Обессмертили его жену. Указывали на нее в театрах, бегали вслед за нею на прогулках. Теснились вокруг нее, и она слышала шепот со всех сторон: «Вот она! Она самая. Ее сокровище говорило больше двух часов подряд».

Альсина выносила свою новую репутацию с удивительным хладнокровием. Она слушала все эти замечания и еще многие другие с таким спокойствием, какого не было ни у одной из женщин. Они ожидали каждую минуту какой-нибудь нескромности со стороны своих сокровищ. Но происшествие, описываемое в следующей главе, усилило их тревогу.

Когда гости разошлись, Мангогул подал руку фаворитке и отвел ее в апартаменты. У Мирзозы не было радостного оживления, которое обыкновенно не покидало ее. Она основательно проигралась, и ужасное действие перстня погрузило ее в задумчивость, из которой она не успела выйти. Она знала любопытство султана и не рассчитывала на обещания человека, чья влюбленность была менее сильна, чем его деспотизм, — и это продолжало ее беспокоить.

— Что с вами, услада души моей? — спросил Мангогул. — Я нахожу, что вы очень задумчивы.

— Мне исключительно не везло в игре, — отвечала Мирзоза. — Я упустила свой шанс: я ставила на двенадцать табло, а они, кажется, и трех раз не выиграли.

— Это очень прискорбно, — сказал Мангогул. — Но что вы скажете о моем секрете?

— Государь, — отвечала фаворитка, — я продолжаю считать его дьявольщиной: без сомнения, он позабавит вас, — но эти забавы будут иметь гибельные последствия. Вы собираетесь внести смуту во все дома, раскрыть глаза мужьям, привести в отчаяние любовников, погубить женщин, обесчестить девушек и натворить тысячи других бед… Ах, государь, я заклинаю вас…

— Э, полноте, — сказал Мангогул, — вы морализируете, как Николь[8]. Я очень хотел бы знать, почему интересы ваших ближних сегодня вас так близко затрагивают. Нет, сударыня, нет. Я сохраню свой перстень. Что мне до этих прозревших мужей, до отчаявшихся любовников, погубленных женщин и обесчещенных девушек, раз меня это забавляет? Султан я или нет? До завтра, сударыня. Будем надеяться, что следующие

[8] Примечания: 8

Николь Пьер (1625 или 1628-1695) — французский теолог и моралист, автор трактатов «Опыты о морали» и «Логика Пор-Рояля»; последний написан в соавторстве с янсенистом Антуаном Арно (1612-1694).

сцены будут более комичны, чем первая, и что незаметно вы войдете во вкус.

— Я не думаю этого, государь, — сказала Мирзоза.

— А я ручаюсь вам, что вы встретите занимательные сокровища, настолько занимательные, что не откажетесь выслушать их. А что бы с вами было, если бы я отрядил их к вам в качестве посланниц? Я вас избавлю, если хотите, от скуки их напыщенных речей. Но о похождениях сокровищ вы услышите из их уст — или из моих. Это решено. Я ничего не могу изменить. Возьмите на себя труд свыкнуться с этими новыми собеседницами.

С этими словами он поцеловал ее и прошел в свой кабинет, размышляя об опыте, который только что произвел, и принося благочестивую благодарность гению Кукуфа.

Глава седьмая
Вторая проба кольца. Алтари

На другой день Мирзоза давала интимный ужин. Приглашенные рано собрались в ее апартаменты. До вчерашнего чуда они охотно сходились у нее, — в этот вечер все пришли только из приличия, у женщин был принужденный вид, они говорили односложно. Все были начеку и ждали с минуты на минуту, что чье-нибудь сокровище вмешается в беседу.

Несмотря на сильнейшее желание посудачить насчет скандального приключения с Альсиной, ни одна из присутствующих не решалась заговорить о нем первая. Не потому, что их удерживало ее присутствие; хотя имя ее было вписано в лист приглашенных, она не появилась на вечере. Легко было угадать, что ей помешала мигрень. Однако, потому ли, что уменьшилось чувство опасности, так как целый день говорили только рты, или потому, что пришла на помощь напускная смелость, беседа, бывшая вначале в полном упадке, понемногу оживилась. Женщи-

ны, наиболее внушавшие подозрение, приняли вид, полный достоинства и уверенности в себе. Мирзоза обратилась к придворному Зегрису с вопросом, нет ли чего интересного.

— Сударыня, — ответил Зегрис, — вы слышали о предстоящем браке аги Шазура с молодой Сибериной. Было бы вам известно, что все уже рухнуло.

— Из-за чего же? — прервала его фаворитка.

— Из-за странного голоса, — продолжал Зегрис, — который Шазур, по его словам, слышал во время туалета своей повелительницы. Со вчерашнего дня двор султана полон людьми, которые ходят, навострив уши, в надежде услыхать, не знаю каким образом, признания, которых, без сомнения, ни у кого нет охоты делать.

— Но это безумие, — возразила фаворитка. — Позор Альсины, если можно говорить о позоре, ничуть не доказан; это дело еще не расследовано…

— Сударыня, — прервала ее Зельмаида, — я слышала ее совершенно ясно: она говорила, не открывая рта: факты были изложены вполне отчетливо, и было нетрудно догадаться, откуда исходил этот странный голос Уверяю вас, на ее месте я бы умерла.

— Умерла! — сказал Зегрис. — Не умирают и при худших обстоятельствах.

— Как! — воскликнула Зельмаида. — Что может быть ужаснее нескромности сокровища? Тут нет середины: нужно либо отказаться от легкомысленных забав, либо пойти на то, чтобы прослыть легкомысленной.

— В самом деле, — сказала Мирзоза, — альтернатива ужасна.

— Нет, нет, сударыня, — отозвалась одна из присутствующих, — вы увидите, что женщины примирятся с этим. Сокровищам будет предоставлено болтать сколько им угодно, и все пойдет своим чередом, что бы ни говорил свет. И в конце концов, не все ли равно, сокровище ли женщины или ее любовник окажется нескромным? Разве от этого больше будет огласки?

— По зрелом обсуждении, — продолжала другая, — надо признать, что если похождения женщины должны быть разглашены, то лучше, чтобы это сделало ее сокровище, чем ее любовник.

— Странная мысль, — заметила фаворитка.

— Но верная, — прибавила та, которая осмелилась ее высказать. — Потому что, примите во внимание, обыкновенно любовник бывает чем-

то недоволен прежде, чем стать нескромным, и, чтобы отомстить, он все преувеличивает, между тем как сокровище говорит бесстрастно и ничего не привирает.

— Что касается меня, я держусь другого мнения, — сказала Зельмаида, — виновного губит не столько важность обвинений, сколько вескость показаний. Любовник, который бесчестит своими речами алтарь, на котором он священнодействовал, — нечестивец, не заслуживающий никакого доверия; но когда свидетельствует сам алтарь, что можно ему возразить?

— Что алтарь сам не знает, что говорит, — сказала вторая собеседница.

Тут Монима прервала молчание, которое хранила до сих пор, и медленно произнесла небрежным тоном:

— Ах, пускай мой алтарь, раз уж он алтарь, говорит или молчит, я не боюсь его речей.

В это мгновение вошел Мангогул, и от него не ускользнули последние слова Монимы. Он повернул свое кольцо над нею, и все услышали, как ее сокровище закричало:

— Не верьте этому: она лжет.

Соседки ее переглянулись и стали спрашивать одна другую, кому принадлежит сокровище,

только что издавшее голос.

— Не мне, — сказала Зельмаида.

— Не мне, — сказала вторая собеседница.

— Не мне, — сказала Монима.

— Не мне, — сказал султан.

Все упорно отнекивались, не исключая фаворитки.

Воспользовавшись этой невыясненностью, султан обратился к дамам:

— Вы обладаете алтарями, — сказал он. — Хорошо, какие же совершались в них службы?

Говоря это, он стал быстро направлять перстень в последовательном порядке на всех женщин, исключая Мирзозу. И каждое сокровище отзывалось по очереди; слышались различные голоса:

— Меня посещают слишком часто…

— Меня истерзали…

— Меня покинули…

— Меня надушили.

— Меня утомили.

— Меня плохо обслуживают…

— Мне докучают… и т.д.

Все произнесли свое слово, но так быстро, что нельзя было понять, кому оно принадлежит. Их болтовня, то глухая, то визгливая, сопровождаемая хохотом Мангогула и придворных, произвела

небывалый шум.

Женщины признавались с самым серьезным видом, что это очень забавно.

— Ну, что же, — сказал султан, — мы очень счастливы, что сокровища удостоили говорить нашим языком и принять участие в наших беседах. Общество бесконечно выиграет от такого удвоения органов речи. Может быть, и мы, мужчины, заговорим иначе, чем ртом. Кто знает! Тому, что так тесно связано с сокровищем, может быть, предназначено спрашивать его и отвечать ему Однако мой анатом думает иначе.

Глава восьмая
Третья проба кольца. Интимный ужин

Сервировали ужин, уселись за стол; все начали подшучивать над Монимой; женщины единодушно обвиняли ее сокровище в том, что оно заговорило первым. И она не сумела бы противостоять этой лиге, если бы султан не взял ее под свою защиту.

— Я не утверждаю, — сказал он, — что Монима менее легкомысленна, чем Зельмаида, но я думаю, что сокровище у нее скромнее. И вообще, если уста и сокровище женщины противоречат друг другу, кому из них следует верить?

— Государь, — сказал придворный, — я не знаю, что сокровища будут говорить дальше, но до сих пор они говорили лишь о предмете, в высшей степени им близком. До тех пор, пока у них хватит благоразумия говорить лишь о том, что они знают, я буду верить им, как оракулу.

— Можно было бы, — сказала Мирзоза, — вопросить более надежных оракулов.

— Сударыня, — возразил Мангогул, — какой ин-

терес был бы у них искажать истину? Что могло бы побудить их на это, кроме химеры чести? Но у сокровища нет этой химеры: здесь нет места для предрассудков.

— Химера чести! — воскликнула Мирзоза. — Предрассудки! Если бы ваше высочество подвергались таким неприятностям, как мы, вы поняли бы, что то, что касается добродетели, — далеко не химера.

Все женщины, осмелев после ответа султанши, поддержали ее и нашли излишним, чтобы их подвергали дальнейшим испытаниям, а Мангогул прибавил, что эти испытания почти всегда бывают опасны.

От этих разговоров перешли к шампанскому, выпито было немало, и настроение пирующих очень повысилось. Сокровища разгорячились. Пришла минута, когда Мангогул решил снова начать свои козни. Он направил кольцо на сильно развеселившуюся молодую женщину, сидевшую близко от него, напротив своего супруга. Тогда все услышали из-под стола какие-то жалобные звуки, и слабый замирающий голос заговорил:

— Как я измучено! Я больше не могу. Я в совершенном изнеможении.

— Как! Во имя бога Понго Сабиам! — вскричал

Гуссейн, — сокровище моей жены говорит… Но что оно может рассказать?..

— Мы это сейчас услышим, — ответил султан.

— Государь, разрешите мне не быть в числе слушателей, — попросил Гуссейн. — И если у него вырвутся какие-нибудь глупости, надеюсь, ваше высочество, не подумайте…

— Я думаю, что вы глупец, — сказал султан, — если вас волнует болтовня сокровища. Разве не известна большая часть того, что оно может сказать, и разве не легко предугадать остальное? Садитесь же и постарайтесь позабавиться.

Гуссейн сел на место, и сокровище его жены принялось стрекотать, как сорока.

— Отделаюсь ли я когда-нибудь от этого верзилы Валанто! — воскликнуло оно. — Я знаю людей, у которых страсть остывает, но он…

При этих словах Гуссейн вскочил, как безумный, схватился за нож, бросился на другой конец стола и пронзил бы грудь своей жены, если бы его не удержали соседи.

— Гуссейн, — обратился к нему султан, — вы делаете слишком много шуму. Ничего не слышно. Разве только сокровище вашей жены лишено здравого смысла? Что бы сталось с этими дамами, если бы их мужья, подобно вам, выходили из

себя? Как! Вы приходите в отчаяние из-за несчастного приключения какого-то Валанто, у которого страсть не остывает. Сядьте на место, будьте благовоспитанным человеком, не распускайтесь и не поступайте столь дерзко по отношению к государю, который приобщает вас к своим удовольствиям.

В то время, как Гуссейн, стараясь подавить ярость, откинулся на спинку стула, закрыв глаза и опершись лбом на руку, султан опять повернул кольцо, и сокровище продолжало:

— Я хорошо бы приспособилось к молодому пажу Валанто. Но я не знаю, когда он воспламенится. В ожидании, когда один воспламенится, а другой остынет, я набираюсь терпения с брамином Эгоном. Надо сознаться, что он безобразен, но у него есть талант остывать и вновь воспламеняться. О брамин — великий человек!

При этом восклицании сокровища Гуссейн покраснел, устыдившись мысли о том, что так опечалился из-за женщины, которая этого не стоила, и принялся хохотать вместе со всеми. Но он затаил злобу на супругу. Когда ужин кончился, все разошлись по домам, кроме Гуссейна, который проводил свою жену в монастырь и запер ее там. Мангогул, узнав о ее злоключении, навестил

ее. Когда он явился, все сестры утешали ее, но, главным образом, старались выпытать причину ее изгнания.

— Я здесь из-за пустяка, — сказала она. — Вчера за ужином у султана хватили шампанского, хлебнули и токайского, никто уже не понимал, что кругом говорилось, как вдруг моему сокровищу вздумалось болтать. Я не знаю, что это были за речи, но мой супруг разгневался на них.

— Без сомнения, мадам, он был неправ, — отвечали монахини — Нельзя так гневаться из-за пустяков.

— Как! Неужели ваше сокровище говорило? А не может ли оно снова заговорить? О, как нам было бы приятно его послушать! Его выражения, должно быть, полны изящества и ума.

Они были удовлетворены, так как султан направил кольцо на бедную узницу и ее сокровище достойно отблагодарило их за любезность, заявив, впрочем, что как ни очаровательно их общество, общество брамина было бы еще приятнее.

Султан воспользовался случаем узнать некоторые особенности жизни этих девушек. Его перстень вызвал признанье у сокровища одной молоденькой затворницы по имени Клеантиса. И сокровище той, которую считали девственницей,

назвало двух садовников, брамина и трех кавалеров и рассказало, как с помощью снадобья и двух выкидышей ей удалось избежать скандала.

Зеферина созналась устами своего сокровища, что она обязана юному приказчику, служившему у них, почетным званием матери. Но больше всего удивило султана, что, хотя сокровища употребляли очень непристойные выражения, девственницы, которым они принадлежали, слушали их, не краснея.

Это навело его на мысль, что если в такого рода убежищах не хватает практики, зато много теоретических познаний. Чтобы убедиться в этом, он направил перстень на послушницу пятнадцати-шестнадцати лет.

— Флора, — сказало сокровище, — не раз заглядывалась через решетку на молодого офицера. Я уверено, что он ей по вкусу. Ее мизинчик сказал мне это.

Плохо пришлось после этого Флоре.

Старшие сестры присудили ее к двухмесячной епитимий и велели всем молиться о том, чтобы сокровища всей общины хранили молчание.

Глава девятая
Положение Академии наук в Банзе

Едва Мангогул покинул затворниц, среди которых мы его оставили, как в Банзе распространился слух, что все девушки конгрегации копчика Брамы говорили посредством сокровищ.

Этот слух, подтвержденный жестоким поступком Гуссейна, подстрекнул любопытство ученых. Явление было установлено, и мыслители начали искать в свойствах материи объяснения тому, что раньше они считали невозможным. Болтовня сокровищ породила бесконечное число превосходных работ, и эта важная тема обогатила изыскания Академии несколькими трудами, которые можно считать предельным достижением человеческого ума.

Чтобы создать и обессмертить Академию наук Банзы, были призваны и беспрестанно призывались все просвещенные люди Конго,

Моноэмуги[9], Белеганцы и окрестных государств. Она заключала в своих стенах, под различными наименованиями, всех выдающихся ученых в области естественной истории, физики и математики и большую часть тех, какие обещали стать когда-нибудь выдающимися.

Этот улей неутомимых пчел работал без остановки в поисках истины, и каждый год читающая публика вкушала в томе, наполненном открытиями, плоды их трудов.

Ученые разделились на две партии — на вихревиков[10] и на притяженцев[11]. Олибри — великий геометр и талантливый физик — основал секту вихревиков. Чирчино — великий физик и талантливый геометр был первым притяженцем.

Олибри и Чирчино, оба взялись объяснить природу вещей. Основные положения Олибри

---

[9] Примечания: 9

Моноэмуги — На географических картах XVIII в. королевство Моноэмуги располагалось к северо-востоку от Конго. В романе Дидро ему соответствуют Северная Германия и Англия.

[10] Примечания: 10

Вихревики — сторонники космогонической концепции Р.Декарта, считавшего, что солнечная система возникла в результате вихревого движения космических частиц. Геометр Олибри — Декарт.

[11] Примечания: 11

Притяженцы — сторонники физики Ньютона, открывшего закон всемирного тяготения. Чирчино — Ньютон.

отличаются на первый взгляд соблазнительной простотой. В общих чертах они удовлетворительно объясняют главные феномены. Но они неосновательны в деталях. Что касается Чирчино, его исходный пункт кажется нелепым, но ему не удался только первый шаг. Мельчайшие подробности, ниспровергающие теорию Олибри, подтверждают его систему. Он идет путем, вначале темным, но чем дальше, тем все более ясным. Наоборот, Олибри, ясный вначале, постепенно становится темнее. Его философия требует не столько изучения, сколько умственной силы: последователем второго нельзя стать без значительного ума и серьезного изучения. В школу Олибри можно войти без подготовки, ключ к ней имеется у каждого. Школа Чирчино открыта только для лучших геометров. Вихри Олибри понятны для всех умов. Основные силы Чирчино доступны лишь первоклассным математикам. Всегда на одного притяженца будет приходиться сотня вихревиков. И один притяженец всегда будет стоить сотни вихревиков. Таково было положение дел в Академии наук Банзы, когда она рассматривала вопрос о нескромных сокровищах.

К этому явлению было трудно приступиться.

Здесь не было места тяготению; сюда не было доступа тонкой материи. Напрасно президент просил высказаться всех, у кого были какие-нибудь мысли на этот счет, — глубокое молчание царило в аудитории.

Тогда вихревик Персифло, выпустивший в свет трактаты о бесконечном количестве предметов, ему неизвестных, встал с места и сказал:

— Этот факт, господа, вероятно, находится в связи со всей системой мироздания: я подозреваю, что причина его та же, что у приливов и отливов. В самом деле, заметьте, что у нас сегодня как раз полнолуние, совпадающее с равноденствием. Но, прежде чем принять мою догадку, надо послушать, что скажут сокровища в следующем месяце.

Кругом пожимали плечами: не смели поставить ему на вид, что он рассуждает, как сокровище; но так как он обладал проницательностью, то сразу догадался, что о нем это подумали.

Притяженец Ресипроко взял слово и сказал:

— Господа, у меня есть таблицы, составленные на основании вычисления высоты морских приливов во всех портах государства. Правда, наблюдениями некоторых мои вычисления опровергаются, но я надеюсь, что это неудобство будет

возмещено полезностью, какую из них извлекут, если болтовня сокровищ будет согласовываться с приливами и отливами.

Третий встал, приблизился к доске, начертил геометрическую фигуру и сказал:

— Пусть это будет сокровище АВ и т.д.

Здесь невежество переводчиков лишило нас объяснений, какие африканский автор, наверное, приводит. Дальше, после пропусков около двух страниц, мы читаем:

Доказательства Ресипроко показались убедительными, и все согласились на основании выводов, сделанных из его теории, согласно которой он предполагал рано или поздно доказать, что отныне женщины должны говорить посредством сокровища все, когда-либо сказанное им на ухо.

После этого доктор Оркотом, из касты анатомов, сказал:

— Господа, я полагаю, что лучше оставить какое-нибудь явление без рассмотрения, чем искать причин с помощью гипотез, ни на чем не основанных. Что до меня, я бы молчал, если бы мне нечего было вам сказать, кроме вздорных предположений, но я исследовал, изучал, размышлял. Я видал сокровища во время припад-

ков и я пришел, с помощью опытного изучения органа, к уверенности, что то, что мы называем по-гречески delphus, имеет все свойства трахей, и что есть субъекты, которые могут так же хорошо говорить при помощи сокровища, как и ртом. Да, господа, delphus — инструмент струнный и в то же время духовой, но скорее струнный, чем духовой. Наружный воздух, в него входящий, производит действие смычка на сухожилия губ, которые можно назвать лентами или голосовыми связками. Легкое прикосновение воздуха к голосовым связкам заставляет их вибрировать, и своими вибрациями, более или менее частыми, они производят разнообразные звуки. Человек видоизменяет эти звуки, говорит, может даже петь. Так как здесь имеются только две ленты или две голосовых связки и так как они приблизительно одной длины, меня, без сомнения, спросят, почему этого достаточно, чтобы производить множество звуков, низких и высоких, и сильных и слабых, на какие только способен человеческий голос.

Продолжая сравнивать этот орган с музыкальным инструментом, я ручаюсь, что растяжение и сокращение связок может производить этот эффект.

Что эти части способны к сокращению и к растяжению — излишне демонстрировать в собрании таких ученых мужей, как вы. Но что вследствие этих сокращений и растяжений delphus может издавать звуки, более или менее высокие, иными словами, передавать все оттенки человеческого голоса и все тона пения, — это факт, который я льщу себя надеждой установить вне всяких сомнений. Я предлагаю проверить это на опыте. Да, господа, я обязуюсь заставить рассуждать, говорить и даже петь перед вами delphus и сокровище.

Так разглагольствовал Оркотом, ставя себе целью не более, не менее, как заставить сокровища играть ту же роль, какую играла трахея у одного из его собратьев, который, завидуя его успеху, напрасно старался ему повредить.

Глава десятая, менее ученая и менее скучная, чем предыдущая. Продолжение заседания Академии

Судя по возражениям, какие делались Оркотому в ожидании опытов, его идеи находили более остроумными, чем серьезными.

— Если сокровища, — возражали ему, — обладают прирожденной способностью говорить, то отчего они так долго не пользовались ею? Если это была милость Брамы, внушившего женщинам столь сильное желание говорить и по доброте своей удвоившего органы их речи, странно, что они не знали этого и так долго пренебрегали таким драгоценным даром природы. Почему одно и то же сокровище говорило только однажды? Почему все они говорили только об одном и том же? Какой механизм заставляет один из ртов молчать, когда другой говорит? Кроме того, — прибавляли возражающие, — если судить о болтовне сокровищ по обстоятельствам, при которых большая часть из них говорила, и по

вещам, какие они произносили, можно думать, что это была непроизвольная речь и что эти части тела продолжали бы быть немыми, если бы было во власти их носительниц принудить их к молчанию.

Оркотом счел своим долгом ответить на эти возражения и подтвердить, что сокровища говорили всегда, но так тихо, что их было едва слышно даже тем, кому они принадлежали; что нет ничего удивительного, если они повысили тон в наши дни, когда вольность речи достигла таких пределов, что без всякого стыда говорят о самых интимных вещах; что быть немым и хранить молчание — не одно и то же; что если они говорили только однажды, это не значит, что они больше не будут говорить; что они все говорили об одном и том же оттого, что, по-видимому, ни о чем другом у них не было представления; что те, которые еще не говорили, заговорят; что если они молчат, это потому, что им нечего сказать, или потому, что они плохо сложены, или же, наконец, потому, что им не хватает мыслей и терминов.

— Одним словом, — продолжал он, — утверждать, что милосердие Брамы дало женщинам возможность удовлетворить ненасытное желание говорить, удвоив орган их речи — значит

признать, что если бы это благодеяние вело к неприятным последствиям, то верховная мудрость должна была бы их предотвратить, — она это и делает, принуждая один из ртов молчать, когда другой заговорит. Для нас в высшей степени неприятно, когда женщина с минуты на минуту меняет мнение; что же это было бы, если бы Брама дал им возможность в одно и то же время иметь два противоположных мнения? Кроме того, нам дано говорить для того, чтобы нас выслушивали; ну, а в каком положении очутились бы женщины, имея два рта, когда и с одним они не умеют друг друга слушать?

Оркотом отвечал на множество вопросов; он думал, что удовлетворил всех, но он ошибся. Его продолжали осуждать, и он уже готов был сдаться, когда физик Чимоназ поддержал его. Тогда диспут сделался бурным: от вопроса удалились, потеряли нить, нашли ее и снова потеряли, ожесточились, дошли до криков, потом до взаимных оскорблений, и заседание Академии на этом закончилось.

Глава одиннадцатая
Четвертая проба кольца. Эхо

В то время как болтовня сокровищ занимала Академию, она на долгое время стала новостью дня и предметом обсуждения во всех кругах общества; это была неисчерпаемая тема. Все сходило с рук. К истинным происшествиям прибавляли выдуманные. Принимали на веру все, что угодно. В беседах об этом прошло более полугода.

Султан только три раза пользовался своим кольцом. Тем не менее в кругу дам, приближенных Манимонбанды, обсуждалась речь сокровища, принадлежащего жене одного председателя, затем сокровища маркизы; потом раскрылись благочестивые секреты некоей ханжи, наконец, секреты многих других отсутствующих дам; бог знает, какие слова приписывались их сокровищам, непристойными выражениями не стеснялись; от фактов переходили к рассуждениям.

— Нужно признать, — говорила одна из дам, — что колдовство, направленное на сокровища,

держит нас в ужасном состоянии. Как! — вечно со страхом ожидать, что из твоих недр раздастся дерзкий голос!

— Но, сударыня, — возражала ей другая, — нас удивляет такой страх с вашей стороны. Когда сокровище не может сказать ничего постыдного, не все ли равно, молчит оно или говорит?

— Совсем не все равно, — отвечала первая, — я отдала бы без сожаления половину моих драгоценностей, если бы знала наверное, что мое сокровище будет молчать.

— Поистине, — заметила вторая, — нужно иметь веские причины опасаться людей, чтобы такой ценой покупать молчание.

— Они у меня не более веские, чем у других, — возразила Сефиза, — во всяком случае, я их не отрицаю. Двадцать тысяч экю за спокойствие — это совсем не дорого; потому что, откровенно говоря, я не более уверена в моем сокровище, чем в моем языке: ведь у меня вырывалось немало глупостей в моей жизни. — Я слышу ежедневно, какие невероятные похождения разоблачаются, подтверждаются и подробно рассказываются сокровищами; если откинуть от них три четверти, остатка хватит, чтобы обеспечить женщину. Если бы мое сокровище солгало только наполовину,

я уже погибла бы. Не достаточно ли того, что сокровища руководят нашим поведением, неужели необходимо, чтобы наша репутация зависела от их болтовни?

— Что до меня, — с живостью вмешалась Исмена, — я предоставляю событиям идти своим чередом, не пускаясь в бесконечные рассуждения. Если, как утверждает мой брамин, Брама заставил сокровища говорить, то он не потерпит, чтобы они лгали. И нечестиво думать иначе. Мое сокровище может говорить, когда ему угодно и сколько захочет. В конце концов, что может оно рассказать.

Тут послышался глухой голос, как бы выходящий из-под земли и отозвавшийся подобно эхо:

— Очень многое.

Исмена, не представляя себе, откуда раздался ответ, вспыхнула, выбранила соседок, чем позабавила весь кружок. Султан, в восторге от того, что она попалась на удочку, отошел от министра, с которым беседовал в сторонке, приблизился к ней и сказал:

— Берегитесь, сударыня; если вы некогда избрали одну из этих дам своей наперсницей, то как бы их сокровища не вздумали предательски напомнить о тех историях, которые ваше собственное

уже позабыло.

В ту же минуту Мангогул, повертывая перстень, вызвал между дамой и ее сокровищем довольно странный диалог. Исмена, которая хорошо обделывала свои делишки и никогда не имела наперсниц, отвечала, что самые искусные злые языки не могли бы ей повредить.

— Может быть, — раздался незнакомый голос.

— Как, может быть! — воскликнула Исмена, уязвленная обидным сомнением. — Чего же мне бояться с их стороны?

— Весьма многого, если они знают столько, сколько я.

— А что вы знаете?

— Очень многое, будьте уверены.

— Очень многое? Это обещает немало, но не означает ничего. Можете ли вы привести какие-нибудь подробности?

— Без всякого сомнения.

— В каком же они роде? Есть у меня сердечные дела?

— Нет.

— Интриги? Похождения?

— Вот именно.

— С кем же, соблаговолите сказать — с петиметрами? С военными? С сенаторами?

— Нет.

— С артистами?

— Нет.

— Вы увидите, что это окажутся мои пажи, мои лакеи, мой духовный отец или духовник моего мужа.

— Нет.

— Господин лжец, вы кончили?

— Не совсем.

— Однако я не знаю больше никого, кто бы мог участвовать в моих похождениях. Было ли это до моего замужества или после него? Отвечайте же, наглец!

— Ах, сударыня, довольно браниться; прошу вас, не доводите лучшего вашего друга до плохих поступков.

— Говорите, говорите, милейший, я не ценю вашего расположения и не боюсь вашей нескромности. Разъясните, в чем дело, я разрешаю вам это; я вам это приказываю.

— К чему вы принуждаете меня, Исмена? — отозвалось сокровище с глубоким вздохом.

— Воздать должное добродетели.

— Хорошо же, добродетельная Исмена, не припоминаете ли вы молодого Османа, санджака Зегриса, вашего учителя танцев Алазиэля, учите-

ля музыки Альмура?

— Какой ужас! — вскричала Исмена. — Моя мать была слишком бдительна для того, чтобы я могла позволить себе такие проказы. И мой муж, если бы он был здесь, заверил бы вас, что он нашел меня такой, какой желал найти.

— Ну да, — отвечало сокровище, — благодаря секрету Альсины, вашей близкой подруги.

— Это нелепость, такая смешная и такая грубая, — сказала Исмена, — что ее незачем даже опровергать. Я не знаю, — продолжала она, — сокровище какой из этих дам обнаруживает такую осведомленность в моих делах. Но оно рассказало такие вещи, о которых мое не знает ничего.

— Сударыня, — сказала Сефиза, — уверяю вас, что мое сокровище ограничилось тем, что слушало.

Другие женщины повторили то же самое, и все принялись за игру, так и не дознавшись, кто был собеседником Исмены в разговоре, который я только что передал.

Глава двенадцатая
Пятая проба кольца. Картежницы

Большая часть партнерш Манимонбанды играла с остервенением, и не нужно было иметь проницательности Мангогула, чтобы это заметить. Страсть игроков труднее всего скрыть. Она обнаруживается и при выигрыше, и при проигрыше резкими симптомами.

«Откуда у них это неистовство? — спрашивал он себя. — Решаются они проводить целые ночи за столом, увлекаясь фараоном и трепеща в ожидании туза или семерки? Это безумие портит их здоровье и красоту, если она у них есть. Не говоря уже о распутстве, на которое, я уверен, оно их толкает».

— У меня сильное желание, — тихо шепнул он Мирзозе, — выкинуть сейчас одну шутку.

— Что же это за шутка, которую вы задумали? — спросила фаворитка.

— Направить перстень на самую яростную из картежниц, допросить ее сокровище и при помощи этого органа дать добрый совет безмозглым

мужьям, которые позволяют своим женам рисковать честью и состоянием за карточным столом или за игрой в кости.

— Мне очень нравится эта мысль, — сказала Мирзоза, — но знайте, государь, что Манимонбанда поклялась своими пагодами, что у нее не будет больше собраний, если она еще раз будет терпеть бесстыдство энгастримиток.

— Как вы сказали, услада моего сердца? — прервал ее султан.

— Я привела, — ответила фаворитка, — название, какое стыдливая Манимонбанда дает всем, чьи сокровища умеют говорить.

— Это придумал глупец брамин, который хвастается тем, что знает греческий язык и не знает конгского языка, — сказал султан. — Тем не менее нравится ли это или нет Манимонбанде и ее капеллану, я хотел бы допросить сокровище Маниллы, и было бы уместно составить на этот раз протокол допроса в назидание ближним.

— Государь, если вы меня послушаетесь, — сказала Мирзоза, — вы избавите от неприятностей старшую султаншу, — это вам легко сделать без того, чтобы пострадало ваше или мое любопытство. Почему не перенестись вам к Манилле?

— Я отправляюсь туда, раз вы этого хотите, —

сказал Мангогул.

— Но в котором часу? — спросила фаворитка.

— В полночь, — ответил султан.

— В полночь она играет, — заметила фаворитка.

— Тогда я подожду до двух часов, — сказал Мангогул.

— Государь, — возразила Мирзоза, — вы не подумали о том, что сказали. Это самое прекрасное время для игры. Поверьте, ваше высочество, вы застанете Маниллу только что уснувшей между семью и восемью часами утра.

Мангогул последовал совету Мирзозы и посетил Маниллу в семь часов. Прислужница собиралась уложить ее в постель. Он увидел, судя по ее печальному лицу, что она проигралась; она ходила взад и вперед, останавливалась, подымала глаза к небу, топала ногой, прижимала кулаки к глазам и что-то бормотала сквозь зубы, чего султан не мог расслышать. Прислужницы, которые ее раздевали, с трепетом следили за ее движениями. Наконец, они ее уложили, но это не обошлось без грубостей и даже худших вещей с ее стороны.

И вот Манилла в постели; вместо вечерней молитвы она произнесла несколько проклятий тузу, который вышел семь раз, отчего она и про-

играла.

Она только что сомкнула глаза, когда Мангогул направил на нее кольцо. В ту же минуту ее сокровище горестно воскликнуло:

— Вот так раз! У меня девяносто и ни одной взятки.

Султан улыбнулся, увидя, что в Манилле все дышит картежной игрой, даже ее сокровище.

— Нет, — продолжало оно, — я никогда не буду играть против Абидула; он вечно плутует. Не говорите мне о Даресе: с ним рискуешь всегда сделать несчастный ход. Измаил — сносный игрок, но его не так легко залучить. Мазулиму не было цены, пока он не попался в руки Криссы. Я не знаю более капризного игрока, чем Зульмис. Рика менее капризен, но бедный мальчик проигрался в пух и прах. С Лазули ничего не поделаешь. Самая прекрасная женщина в Банзе не заставит его играть по большой. Неважный игрок и Молли. В самом деле, игрокам есть от чего прийти в отчаяние, и скоро не будешь знать, с кем составить партию.

После этой иеремиады сокровище перешло к тем особым случаям, свидетелем которых оно было, и начало изливаться относительно стойкости его хозяйки и средств, какими она пользовалась

в трудных обстоятельствах.

— Не будь меня, — сказало оно, — Манилла уже двадцать раз была бы разорена. Все богатства султана не могли бы покрыть долгов, какие уплатило я. Однажды, играя в брелан, она проиграла финансисту и аббату больше десяти тысяч дукатов. Ей оставалось только прибегнуть к своим драгоценностям. Но они совсем недавно были выкуплены ее мужем из заклада, и было рискованно пускать их в ход. Тем не менее она взялась за карты, и ей выпала такая соблазнительная игра, какие посылает судьба, когда хочет вас погубить. От нее ждали ответа. Манилла посмотрела на свои карты, опустила руку в кошелек, откуда — она это хорошо знала — ничего нельзя было вынуть, снова обратилась к игре и стала в нее всматриваться, не зная, на что решиться.

«Ставит ли сударыня, наконец?» — спросил ее финансист.

«Да, ставлю… ставлю, — пролепетала она, — мое сокровище».

«В какую сумму?» — спросил Тюркарес.

«В сто дукатов», — сказала Манилла.

Аббат не стал играть, — сокровище показалось ему слишком дорогим. Тюркарес согласился на ставку; Манилла проиграла и уплатила.

Тюркареса соблазнило тщеславное желание обладать титулованным сокровищем; он предложил моей хозяйке снабжать ее деньгами для игры, при условии, чтобы я служило его удовольствиям. Дело было тут же улажено. Но так как Манилла играла по большой, а средства финансиста не были неисчерпаемы, мы скоро увидели дно его сундуков.

Моя хозяйка затеяла у себя блистательный вечер с игрой в фараон; вся ее компания была приглашена, предполагались ставки не ниже дуката. Мы рассчитывали на кошелек Тюркареса, но утром знаменательного дня этот плут написал нам, что у него не осталось ни гроша, и поверг нас в полное замешательство: нужно было как-нибудь выпутаться, и нельзя было терять ни минуты. Мы снизошли до старого главы браминов, и за весьма дорогую плату оказали несколько любезностей, которых он домогался целый век. Этот сеанс стоил ему двухгодового дохода от его бенефиций.

Однако Тюркарес вернулся через несколько дней; он был в отчаянии, говорил он, что сударыня поймала его врасплох, все же он рассчитывал на ее доброту.

«Но вы ошиблись в расчете, — отвечала Манил-

ла, — я никак не могу вас принять. Когда вы были в состоянии давать взаймы, свет знал, почему я вас терпела. Теперь же, когда вы никуда не годны, вы нанесли бы ущерб моей чести».

Тюркарес был задет этой речью, и я тоже, потому что он был, может быть, наилучший из молодых людей Банзы. Он потерял обычную сдержанность и сказал Манилле, что она ему обошлась дороже трех оперных актрис, которые доставили бы ему удовольствий больше, чем она.

«Ах, — воскликнул он печально, — почему я не держался за мою маленькую белошвейку! Она безумно любила меня. Сколько радостей я доставлял ей каким-нибудь куском тафты!»

Манилла, которой не понравилось это сравнение, прервала его так резко, что его бросило в дрожь, и велела ему сейчас же выйти вон. Тюркарес знал ее и предпочел мирно спуститься по лестнице, чем вылететь в окно.

Манилла сделала после этого заем у другого брамина, который пришел, по ее словам, утешить ее в горе; святой муж занял место финансиста, и мы заплатили ему за утешение той же монетой, что и первому. Она проигрывала меня еще несколько раз. Известно, что игорные долги единственные,

какие уплачиваются в свете.

Когда Манилле везет в игре, это самая добропорядочная женщина в Конго. Если не считать игры, ее поведение не выходит из должных рамок. Никто не слышит ее проклятий, она платит модистке, прислуге, одаряет прислужниц, выкупает из заклада тряпки и ласкает своего дога и мужа. Но она рискует тридцать раз в месяц хорошими наклонностями и деньгами, ставя их на пикового туза. Вот жизнь, какую она вела и какую будет вести. И бог знает, сколько раз еще я буду ставкой в ее игре.

Тут сокровище умолкло, и Мангогул пошел спать. Его разбудили в пять часов вечера, и он отправился в оперу, где обещал фаворитке встретиться с нею.

Глава тринадцатая
Шестая проба кольца.
Опера в Банзе

Из всех театров Банзы на высоте был только оперный.

Утмиутсоль[12] и Уремифасолясиутутут[13], знаменитые музыканты, один из которых уже начал стареть, а другой только что народился, поочередно владели сценой. Каждый из этих двух оригинальных авторов имел своих приверженцев. Невежды и хрычи стояли за Утмиутсоля: молодежь и виртуозы — за Уремифасолясиутутута; люди же со вкусом, и молодые и старые, высоко ценили их обоих.

Уремифасолясиутутут, говорили последние, превосходен, когда он на высоте, но время от времени он засыпает. С кем же этого не случает-

---

[12] Примечания: 12

Утмиутсоль — Жан Батист Люлли (1632-1687), французский композитор, приближенный Людовика XIV; писал музыку к придворным балетным спектаклям.

[13] Примечания: 13

Уремифасолясиутутут — Жан Филипп Рамо (1683-1764), французский придворный композитор; развил созданный Ж.Б.Люлли жанр лирической трагедии. Первый серьезный успех пришел к Рамо в 1738 г. после удачной постановки оперы «Ипполит и Арисия».

ся? Утмиутсоль более выдержан, более ровен; у него много прелести. Но у него нет ничего такого, чего нельзя найти, и даже в более совершенной форме, у его соперника, у которого есть черты, только ему свойственные и какие можно встретить лишь в его трудах. Старый Утмиутсоль прост, естественен, однообразен, даже слишком иногда, — это его недостаток. Молодой Уремифасолясиутутут причудлив, блестящ, сложен, учен, даже слишком учен иногда, но это, быть может, надо поставить в вину его слушателям. У первого — только одна увертюра, действительно превосходная, но возглавляющая каждую из его пьес; у второго — столько увертюр, сколько пьес. И все они слывут шедеврами. Природа вела Утмиутсоля путями мелодии. Изучение и опыт открыли Уремифасолясиутутуту источники гармонии. Кто так владел искусством декламации и будет владеть, как старые авторы? Кто, как не современные авторы, создают легкие арии, полные сладострастия, и оригинальные симфонии? Утмиутсоль один знает толк в партитурах. До Уремифасолясиутутута никто не различал тонких оттенков, которые отделяют нежность от сладострастия, сладострастие от страсти, страсть от томности. Некоторые приверженцы его утвер-

ждали даже, что, если партитуры Утмиутсоля выше, чем у него, то это объясняется не столько неравенством талантов, сколько различием поэтических текстов, какими они пользовались.

— Прочтите, прочтите, — кричали они, — сцену из «Дардануса»[14], и вы убедитесь, что, если дать хороший текст либретто Уремифасолясиутутуту, он создаст не менее очаровательные сцены, чем в операх Утмиутсоля.

Что бы там ни было, в мое время весь город сбегался на оперы одного и задыхался от смеха на балетах другого.

В Банзе ставилось превосходное произведение Уремифасолясиутутута, которое исполняли бы спустя рукава, если бы фаворитка не заинтересовалась им: периодическое нездоровье, которому подвержены сокровища, было на руку мелким сошкам, завистникам композитора, и вызвало отсутствие главной примадонны; у той, которая заменяла ее, голос был хуже, но, так как она возмещала его недостатки игрой, ничто не помешало султану и фаворитке почтить спектакль своим присутствием.

Мирзоза уже пришла. Султан входит. Занавес

---

[14] Примечания: 14

«Дарданус» — опера Ж.Ф.Рамо, слова Лабрюйера, премьера которой состоялась 19 ноября 1739 г.

поднят, спектакль начался. Все шло великолепно. Шевалье заставила забыть Мор, и шел уже четвертый акт, когда во время пения хора, которое затянулось настолько долго, что фаворитка уже два раза зевнула, султану вздумалось направить кольцо на хористок. Никогда театр не видел более странной и комической картины. Тридцать девушек сразу онемели; широко раскрыв рот, они сохраняли свои прежние театральные позы. В то же время их сокровища надрывали глотку, распевая, одно — простонародную песню, другое — шаловливую уличную песенку, третье — какие-то фривольные куплеты. Все эти сумасбродства соответствовали их характерам. С одной стороны слышалось: «Да, да, милая кума!», с другой: «Как, неужели двенадцать раз?..» Здесь: «Кто меня поцеловал? Ах, нахал!» Там: «Вам проход свободный дан, добрый дядя Киприан!..»

Голоса эти, становясь все громче и безумнее, образовали чудовищный хор, самый шумный и самый смешной, какой когда-либо слышали с тех пор, как… да… но… (рукопись оказалась в этом месте испорченной).

Между тем оркестр продолжал играть свое, и хохот партера, амфитеатра и лож, присоединившись к его музыке и к пению сокровищ, дополнял

какофонию.

Некоторые из актрис, боясь, что их сокровища устанут напевать глупости и начнут их рассказывать, бросились за кулисы, но они отделались одним страхом. Мангогул, убедившись, что публика не услышит уже ничего нового, повернул кольцо в обратную сторону. В то же мгновение сокровища смолкли, смех прекратился, спектакль вошел в рамки, пьеса продолжалась и благополучно дошла до конца. Занавес опустился; султан и султанша удалились, и сокровища актрис отправились туда, где их ожидали для иных занятий, — отнюдь не пением.

Это происшествие наделало много шуму. Мужчины смеялись, женщины были встревожены, бонзы — скандализованы, у академиков голова шла кругом. Что же говорил об этом Оркотом? Оркотом торжествовал. Он предсказывал в одном из своих докладов, что сокровища непременно запоют. Они запели, и это явление, сбившее с толку его собратьев, было для него новым лучом истины и блестяще подтверждало его теорию.

Глава четырнадцатая
Опыты Оркотома

15 числа, месяца… Оркотом делал в Академии доклад, в котором он высказывал свой взгляд на болтовню сокровищ. Так как он сообщал весьма уверенно о непогрешимых опытах, повторенных неоднократно, и каждый раз с тем же успехом, большинство слушателей было ошеломлено. Некоторое время публика сохраняла благоприятное впечатление о его докладе, и в течение целых полутора месяцев считали, что Оркотом сделал замечательные открытия.

Для полноты его триумфа нужно было только на заседании Академии повторить опыты, которыми он так гордился. Собрание, созванное по этому случаю, было блестящим. На нем присутствовали министры, и сам султан соблаговолил явиться туда, оставаясь, однако, невидимым.

Мангогул был большим искусником в монологе, пустота болтовни его современников развила в нем привычку говорить с самим собой, — и вот как он рассуждал:

«Одно из двух — или Оркотом продувной шар-

латан, или гений, мой покровитель, — набитый дурак. Если академик, который, конечно, не колдун, может заставить говорить мертвые сокровища, то гений, который мне покровительствует, сделал большую ошибку, заключив договор с дьяволом и продав ему душу, с тем чтобы наделить душой сокровища, полные жизни».

Погруженный в размышления, Мангогул не заметил, как очутился среди академиков. Аудиторию Оркотома, как мы видели, составляли все обитатели Банзы, сколько-нибудь сведущие в вопросах о сокровищах. Он мог бы вполне быть довольным своей аудиторией, если бы смог ее удовлетворить; но опыты его не имели ни малейшего успеха. Оркотом брал сокровище, приближал его ко рту, дул в него до потери дыхания, оставлял его и снова брался за него, потом начинал производить опыт над другим, ибо он принес сокровища всех возрастов, всех размеров, всевозможных состояний и цветов; но тщетно он дул на них, слышались только нечленораздельные звуки, совсем не похожие на те, какие он обещал.

Вокруг поднялся ропот, который на минуту смутил его, но он овладел собой и заявил, что такие опыты не проходят удачно перед столь

большим количеством публики, и был прав.

Мангогул в негодовании встал, вышел и в ту же минуту очутился у своей любимой султанши.

— Ну что ж, государь, — спросила она, как только увидела его, — кто прав — вы или Оркотом? Ведь его сокровища творили чудеса. В этом нет сомнения.

Султан прошелся несколько раз по комнате, не отвечая ей.

— Мне кажется, — сказала фаворитка, — ваше высочество чем-то недовольны.

— Ах, мадам, — ответил султан, — дерзость этого Оркотома ни с чем не сравнима. Я не хочу слышать о нем. Что скажете вы, будущие поколения, когда узнаете, что великий Мангогул выдавал пенсию в пять тысяч экю таким людям, в то время как храбрые офицеры, которые орошали своей кровью лавры, увенчавшие его чело, не получали больше четырехсот ливров пенсии! Ах, черт возьми, я прихожу в ярость! Я потерял расположение духа на целый месяц.

Тут Мангогул замолчал и продолжал шагать по апартаментам фаворитки. Он ходил с опущенной головой взад и вперед, останавливался и по временам топал ногой. На минуту он присел, но тотчас же вскочил, простился с Мирзозой, забыл

ее поцеловать и удалился в свои покои.

Африканский автор, обессмертивший себя историей возвышенных и чудесных деяний Эргебзеда и Мангогула, продолжает в следующих выражениях:

Судя по плохому настроению Мангогула, все думали, что он изгонит всех ученых из своего царства. Отнюдь нет. На другой день он встал веселый, утром покатался на карусели с кольцами, вечером ужинал со своими фаворитками и с Мирзозой в великолепном шатре, разбитом в садах сераля, и казался ничуть не озабоченным государственными делами.

Умы, настроенные пессимистически, фрондеры Конго и новаторы Банзы, не преминули осудить его поведение. К чему только не придерутся эти люди!

— И это называется, — говорили они на прогулках и в кафе, — управлять государством! Целый день не выпускает копья из рук, а ночи проводит за столом.

— Ах, если бы я был султаном! — вскричал маленький сенатор, разоренный игрой, расставшийся с женой и давший своим детям прескверное воспитание. Если бы я был султаном, я гораздо лучше него привел бы Конго в цветущее

состояние. Я хотел бы быть грозой моих врагов и любимцев подданных. Меньше, чем в полгода, я восстановил бы во всей силе полицию, законы, армию и флот. У меня было бы сто линейных кораблей; наши ланды превратились бы в плодородные поля, и дороги были бы исправлены. Я уничтожил бы или, по крайней мере, уменьшил наполовину налоги. Что касается пенсий, господа остроумцы, даю слово, вы не получали бы и на понюшку табаку. Бравые офицеры, Понго Сабиам! — бравые офицеры, старые солдаты, судьи, вроде нас, посвятившие труды и досуг на то, чтобы чинить правосудие — вот люди, которых я осыпал бы милостями!

— Разве вы не помните, господа, — прибавил тоном знатока старый беззубый политик с прилизанными волосами, в камзоле с протертыми локтями и в обтрепанных манжетах, — нашего великого императора Абдельмалека из абиссинской династии, который царствовал две тысячи триста восемьдесят пять лет тому назад? Разве вы не помните, как он велел посадить на кол двух астрономов за то, что они ошиблись на три минуты в предсказании солнечного затмения, и четвертовал своего хирурга и придворного врача, предписавшего ему некстати манную кашу?

— А затем, — продолжал другой, — спрашивается, на что нужны все эти праздные брамины, эти черви, жиреющие от нашей крови? Разве несметные богатства, в которых они утопают, не больше подошли бы таким честным людям, как мы?

С другой стороны слышалось:

— Разве имели понятие сорок лет тому назад о новой кухне и о лотарингских ликерах? Все окунулись в роскошь, которая возвещает близкую гибель империи, естественное последствие пренебрежения к пагодам и развращения нравов. В те времена, когда за столом великого Каноглу ели только одно мясо и пили только шербет, разве ценили модные фасоны, лаки Мартена[15] и музыку Рамо? Оперные актрисы были так же несговорчивы, как и в наши дни, но их можно было получить за более сходную цену. Государь, как видите, вносит большую порчу во все. Ах, если бы я был султаном!

— Если бы ты был султаном, — с живостью отозвался старый вояка, который вышел живым из битвы при Фонтепуа и потерял руку, сражаясь

---

[15] Примечания: 15

...лаки Мартена. — Лаки — декоративные изделия из дерева, папье-маше, металла и т.п., покрытые лаком. Во Франции XVIII в. большим успехом пользовались украшенные миниатюрами лаки фирмы «Мартен».

рядом с государем в битве при Лоуфельте, — ты наделал бы глупостей больше, чем их наговорил. Эх, дружище, ты не умеешь придержать язык, а хочешь управлять империей! У тебя не хватает ума управлять собственной семьей, а между тем ты хочешь привести в порядок государство. Замолчи, несчастный! Уважай властителей земли и благодари богов за то, что ты родился в империи, в царствование государя, мудрость которого озаряет путь его министрам, храбрость которого восхищает солдат, который наводит трепет на врагов и возбуждает любовь подданных и которого можно упрекнуть лишь в терпимости, с какой он относится к тебе и тебе подобным.

Глава пятнадцатая
Брамины

Когда ученые истощили все, что могли сказать о сокровищах, за них взялись брамины. Религия объявила болтовню сокровищ предметом своей компетенции, и представители духовной власти утверждали, что в этом явлении ясно виден перст Брамы.

Было созвано всеобщее собрание жрецов, и было решено обязать всех, хорошо владеющих пером, доказать, что событие было сверхъестественным и, в ожидании впечатления, какое произведут их труды, подготовить его изложением тезисов, частными беседами, влиянием духовников и публичными речами. Но хотя все брамины единодушно признали, что событие было сверхъестественным, однако, поскольку в Конго веровали в два божественных начала и существовало нечто вроде манихейства, они разделились на две партии по вопросу: какому из двух начал они обязаны болтовней сокровищ.

Те, кто никогда не покидал своей кельи и не перелистывал других книг, кроме священных,

приписывали чудо Браме.

— Лишь он один, — говорили они, — может нарушить порядок природы, и время покажет, что во всем этом у него были свои глубочайшие цели.

Наоборот, те, которые посещали альковы и которых чаще встречали в подозрительных переулочках, чем в их кабинетах, боясь, что какие-нибудь нескромные сокровища изобличат их лицемерие, приписывали их болтовню Кадабре, злому божеству, заклятому врагу Брамы и его служителей.

Это вероучение подвергалось ожесточенным нападкам и не имело непосредственной целью улучшение нравов. Сами ее защитники не обманывались на этот счет. Но нужно было замести следы: чтобы добиться этого, любой служитель религии сто раз пожертвовал бы идолами и алтарями.

Мангогул и Мирзоза пунктуально присутствовали в установленное время в пагоде на службах Брамы, и газеты извещали об этом по всей империи. Однажды они пришли в большую мечеть, где совершалось очередное торжественное служение. Брамин, на котором лежала обязанность изъяснять закон, поднялся на кафедру и стал рас-

сыпаться в пустых фразах, приветствуя султана и фаворитку и наводя на них скуку.

Он красноречиво разглагольствовал о способе ортодоксально держаться в обществе, подкрепляя необходимость этого бесчисленными авторитетами, и вдруг, охваченный священным энтузиазмом, разразился тирадой, которая произвела тем большее впечатление, что ее никто не ожидал.

— Что слышу я во всех кругах общества? Смутный ропот, молва о неслыханных происшествиях поразила мой слух. Все извращено, и способность речи, которой милосердный Брама до сих пор наделял язык — как знамение его гнева, — дана другим органам. И каким органам? Вы знаете их, господа. Нужны ли еще чудеса, чтобы пробудить тебя от усыпления, неблагодарный народ? И не достаточно ли было свидетелей грехов твоих? Нужно было еще, чтобы главные орудия подали голос. Без сомнения, мера их беззаконий переполнена, ибо гнев небесный наслал на вас новые наказания. Напрасно ты прятался в темноте, напрасно избирал ты немых соучастников; слышишь ты их ныне? Со всех сторон раздаются их голоса, обличающие твое нечестие перед лицом вселенной. О ты, мудро управляющий нами

Брама, справедлив суд твой. Закон твой карает вора, клятвопреступника, лжеца и прелюбодея. Он осуждает и низость клеветников, и происки честолюбцев, и ярость ненавистников, и козни обманщиков. Верные твои служители не перестают возвещать эти истины чадам твоим и грозить им наказанием, какое ты уготовил в праведном гневе твоем нарушителям закона. Но тщетно! Безумцы предались неистовству страстей: они понеслись по течению. Они презрели наши предостережения, они посмеялись над нашими угрозами, они сочли за ничто наши проклятия. И пороки их возросли, укрепились и умножились, голос их нечестия достиг и тебя, и мы не могли предвидеть ужасного бича, каким ты покарал их. После того как мы долго молили тебя о милосердии, будем теперь прославлять твою справедливость. Под твоими ударами они, несомненно, вернутся к тебе и познают руку, которая легла на них своей тяжестью. Но, о неслыханное ожесточение! О верх ослепленности! Они приписали силу твоего могущества слепому механизму природы. Они сказали в сердце своем: «Нет Брамы. Не все свойства материи нам известны. И новое доказательство бытия божества — лишь доказательство невежества и легковерия тех,

которые его нам противопоставляют». На этом основании они возвели целые системы, придумали гипотезы, производили опыты. Но с высоты своего вечного чертога Брама смеялся над их бесплодными измышлениями. Он посрамил дерзостную науку, и сокровища разбили, как стекло, преграду, которая сдерживала их болтливость. Пусть признают, наконец, эти горделивые черви слабость своего разума и тщету своих усилий! Пусть перестанут отрицать бытие Брамы или ставить пределы его всемогуществу! Брама существует, и он всемогущ, и он так же ясно явлен нам в своих ужасных карах, как и в своих несказанных милостях. Но кто же навлек кару на эту несчастную страну? Не твои ли злые деяния, мужчина алчный и безбожный? Не твое ли порочное кокетство и безумные любовные утехи, светская женщина, лишенная стыда? Не твое ли бесстыдное распутство, сладострастный нечестивец? Не твое ли бессердечие к монахам, скряга? Не твой ли неправый суд, продажный, пристрастный судья? Не твое ли лихоимство, ненасытный торговец? Не твоя ли распущенность и безверие, изнеженный нечестивый придворный?

И вы, на ком в особенности тяготеет эта кара, женщины и девушки, впавшие в распутство!

Если бы даже изменив долгу, налагаемому нашим законом, мы сохранили молчание о вашем распутстве, при вас всегда находится голос еще более настойчивый, чем наш. Он следует за вами повсюду и везде будет укорять вас за ваши нечистые желания, за ваши двусмысленные привязанности, за ваши преступные связи, за чрезмерные заботы о том, чтобы нравиться, за ухищрения, на какие вы пускаетесь, чтобы привлекать поклонников, за ловкость, с какой их удерживаете, за чрезмерность ваших страстей и за ярость вашей ревности. Чего же вы еще ждете? Почему не сбросите иго Кадабры и не вернетесь под кроткую власть законов Брамы? Но возвратимся к нашей теме. Я говорил уже, что светские люди держат себя как еретики по девяти причинам: первая… и т.д.

Эта речь произвела различное впечатление. Мангогул и султанша, которые одни знали секрет перстня, нашли, что брамин так же удачно объяснил болтовню сокровищ с помощью религии, как Оркотом с помощью науки. Женщины и придворные петиметры говорили, что проповедь соблазнительна и что проповедник — юродивый. Остальная часть аудитории смотрела на него как на пророка, проливала слезы, прибегала к

молитвам и слегка даже к бичеваниям, но ничего не изменила в своей жизни.

Слух об этом докатился до всех кафе. Один из остроумцев решил, что брамин лишь поверхностно коснулся вопроса и что его выступление было холодной и скучной декламацией. Но, по мнению ханжей и кликуш, это была самая красноречивая и внушительная проповедь из всех, какие были произнесены в храме за целое столетие. По-моему же, остроумец и ханжи одинаково были правы.

Глава шестнадцатая
Видение Мангогула

В то время как все были заняты болтовней сокровищ, в государстве возникли новые волнения Они были вызваны употреблением «пенума», т.е. маленького кусочка сукна, который накладывали на умирающих. Старинный ритуал требовал, чтобы его клали на рот Реформаторы утверждали, что его следует класть на зад. Страсти разгорелись. Дело готово было дойти до драки, когда султан, к которому взывали обе партии, разрешил в своем присутствии диспут между самыми учеными из их главарей. Вопрос подвергся тщательному обсуждению. Ссылались на традицию, на священные книги и на комментарии к ним. И у той и у другой стороны имелись веские доводы и крупные авторитеты. Мангогул, не зная, к чему склониться, отложил решение вопроса на неделю. По истечении этого срока сектанты и их противники вновь появились перед султаном.

Султан

— Жрецы и священники, — обратился он к ним, — садитесь. Проникнутые сознанием всей

важности пункта из учения, вызвавшего между вами разногласия, мы после диспута, происходившего у подножия нашего трона, не перестали взывать к небесам о ниспослании нам озарения. Прошлую ночь, в час, когда Брама открывает свою волю любимцам, мы имели видение. Мнилось, мы слышали беседу двух важных лиц, из которых одно считало, что у него посреди лица два носа, а другое, что у него две дыры на заду. Вот что они говорили. Первым высказалось лицо с двумя носами:

«То и дело ощупывать себе зад рукой — вот смешной тик…»

«Правда».

«Не можете ли вы от него избавиться?»

«С неменьшим трудом, чем вы от двух носов…»

«Но мои два носа вполне реальны. Я вижу их, я их ощупываю. И чем больше я рассматриваю и трогаю, тем больше убеждаюсь в их реальности… А вот вы уже десять лет, как ощупываете себя и всякий раз обнаруживаете, что зад у вас такой же, как и у всех. И вам уже давно следовало бы излечиться от вашей мании»…

«Моей мании? Нет, двуносый человек, безумец — это вы».

«Довольно споров! Оставим это. Я уже сказал

вам, каким образом у меня появился второй нос. Расскажите и вы мне историю вашего второго отверстия, если только помните…»

«Еще бы мне не помнить! Такие вещи не забываются. Это было тридцать первого числа, между часом и двумя ночи».

«Ну, и что же?»

«Постойте… Простите… Я боюсь, что… Нет, нет… Как ни мало я знаю арифметику, но, кажется, правильно вычислил».

«Это очень странно. Итак, в эту ночь?»

«В эту ночь я услыхал знакомый мне голос, кричавший: „Помогите! Помогите!“ Я осмотрелся и увидел молодое создание, перепуганное и растрепанное, которое бежало ко мне со всех ног. Его преследовал угрюмый, свирепый старик. Судя по его одежде и по инструменту, которым он был вооружен, это был столяр. На нем была рубаха и короткие штаны. Рукава рубахи были засучены до локтей, руки жилисты, лицо смугло, лоб покрыт морщинами; щеки одутловатые, на подбородке растительность, глаза сверкающие, грудь волосатая; на голове — остроконечный колпак».

«Представляю себе его».

«Женщина, которую он уже настигал, про-

должала кричать: „Помогите! Помогите!“, а преследовавший ее столяр твердил: „Не удерешь! Я тебя поймал! Теперь уж не скажут, что у одной тебя его нет. Клянусь всеми дьяволами, ты тоже его получишь!“ В этот момент несчастная оступилась и упала ничком, все еще крича: „Помогите! Помогите!“, а столяр прибавил: „Ори, ори, сколько хочешь, но у тебя оно будет все равно, маленькое или большое, — уж за это я ручаюсь!“ Тотчас же он задирает ей юбку и обнажает зад.

Этот зад, белый как снег, жирный, упругий, круглый, пухлый, толстый, как две капли воды походил на зад жены верховного жреца».

Жрец

Моей жены?

Султан

А почему бы и нет?

Человек с двумя дырами прибавил: «Это была, в самом деле, она, я узнал ее. Старый столяр поставил ногу ей на крестец, наклонился, провел руками по ее бедрам до самого места расхождения ног, пригнул ей колени к животу и приподнял ей зад так, что я вдоволь мог его разглядеть; созерцание доставляло мне удовольствие, хотя из-под юбок раздавался голос, кричавший: „Помогите! Помогите!“ Вы подумаете, вероятно, что я жесто-

кий, безжалостный человек, но я не хочу казаться лучше, чем я есть, и признаюсь, к моему стыду, что в эту минуту испытывал больше любопытства, чем сострадания, смотрел во все глаза и не думал ей помогать».

Великий жрец снова прервал султана:

— Государь, уже не я ли — один из собеседников?

— А почему бы и нет?

— Человек с двумя носами?

— Почему бы и нет?

— А я, — прибавил глава новаторов, — человек с двумя дырами?

— Почему же нет?

«Мерзавец столяр взял свой инструмент, который он перед тем положил на землю. Это был коловорот. Он взял терку в рот, чтобы ее увлажнить, затем уперся рукояткой себе в живот, и, наклонившись перед несчастной, все еще кричавшей: „Помогите! Помогите!“, собирался проделать ей отверстие там, где их должно быть два и где у нее было только одно».

Жрец

Это не моя жена.

Султан

«Внезапно столяр прервал свою операцию и,

словно одумавшись, сказал: „Каких дел я чуть было не натворил! Но она сама виновата. Почему не согласиться добровольно? Сударыня, минуточку терпения“. Он положил на землю коловорот и вытащил из кармана бледно-розовую лету. Большим пальцем левой руки он приложил ее к кончику дамы и, сделав из ленты желобок, ребром другой руки уложил между ягодицами, доведя до низа живота. Дама продолжала кричать: „Помогите! Помогите!“, барахталась, отбивалась, вертелась во все стороны, пытаясь сбросить ленту и расстроить приготовления столяра. А он говорил: „Сударыня, погодите кричать. Ведь я вам еще не причинял боли. Невозможно действовать осторожнее моего. Если вы будете тормошиться, получится черт знает что, и вся вина ляжет на вас. Все должно быть на своем месте. Надо соблюдать известные пропорции. Это важнее, чем вы думаете. Еще минута, и уже ничего нельзя будет поделать, вы сами будете в отчаянии“.

Жрец

И вы все это слышали, государь?

Султан

Да, как слышу вас.

Жрец

А что же женщина?

Султан

«Мне показалось, — прибавил говоривший, — что ему почти удалось ее уломать; судя по расстоянию между ее пятками, я думал, что она уже решается на операцию. Не знаю, что она говорила столяру, но вот что он ей отвечал: „Как, только из-за этого? Ах, как трудно уговорить женщину!“ Закончив свои приготовления, мастер Анофор разостлал бледно-розовую ленточку на линейке и, взяв карандаш, спросил даму: „Какое вы хотите?“

«Я вас не понимаю».

«В античных пропорциях или в современных?»

Жрец

О глубина небесных велений! Это было бы безумием, если бы не было откровением. Да покорится наш разум и да преклонимся благоговейно.

Султан

«Не помню, что ответила дама, но столяр возразил ей: — Честное слово, она порет чушь. Это будет ни на что не похоже. Скажут: „что за осел продырявил ей зад?“

Дама

«Довольно болтать, метр Анофор. Делайте, что я вам говорю…»

Анофор

«Делайте, что я вам говорю. Но каждому человеку дорога честь, мадам.»

Дама

«Я этого хочу, говорю вам. Хочу, хочу…»

Столяр хохотал во всю глотку, и я, как вы думаете, сохранял ли я серьезность? Между тем Анофор начертил на ленте какие-то линии, поместил ее там, где прежде, и воскликнул: «Мадам, это невозможно, это противоречит здравому смыслу. Всякий кто увидит ваш зад, если только он понимает в этом деле, станет насмехаться над вами и надо мной. Всем известно, что между этим и тем должен быть известный промежуток, но он никогда не бывает так велик. Что слишком, то слишком. И вы все-таки этого хотите…»

Дама

«Ну да, хочу, и давайте кончать…»

В тот же миг метр Анофор берет карандаш, наносит на ягодицы дамы линии, соответствующие тем, что он начертил на ленте. Он чертит квадрат, пожимая плечами и бормоча себе под нос: «Что за дурацкий вид это будет иметь. Но такова ее фантазия. И вооружившись снова коловоротом он спросил: „Итак, сударыня хочет, чтобы оно было там?“

«Да, там. Делайте же…»

«Послушайте, сударыня».

«Что еще?»

«В чем дело? Дело в том, что это невозможно.»

«Почему же?» — «Да потому, что вы дрожите и сжимаете ягодицы. Я упустил чертеж и сделаю отверстие чересчур высоко или чересчур низко. Мужайтесь, сударыня!»

«Вам легко говорить. Покажите мне вашу перку… Господи помилуй!»

«Клянусь вам, что это самая маленькая в моей мастерской. Пока мы с вами разговариваем, я успел бы уже проделать полдюжины отверстий. Раздвиньте же ноги, сударыня. Хорошо. Еще немножко, еще немножко. Великолепно. Еще, еще!» И вот я увидал, как коварный столяр тихонько приблизил к ней свой коловорот. Он уже собирался, когда внезапно мной овладела ярость, смешанная с жалостью. Я рванулся вперед, хотел прийти на помощь пациентке, но почувствовал, как чьи-то могучие руки связали меня по рукам и ногам, и, не в силах пошевельнуться, я крикнул столяру: «Разбойник, злодей, стой!» Мой крик сопровождался таким отчаянным усилием, что связывавшие меня узы порвались. Я бросился на столяра и схватил его за горло. «Кто ты, —

спросил он меня, — чего тебе надо? Разве ты не видишь, что у нее нет отверстия в заду? Узнай же: я великий Анофор, я делаю отверстия тем, у кого их нет. Я должен сделать ей отверстие, такова воля пославшего меня. За мною придет другой, могущественнее меня. У него не будет коловорота. У него будет долото, и он восстановит то, чего ей недостает. Изыди, оглашенный. Или, клянусь моим коловоротом или долото моего преемника, я тебе…»

«Что — мне?»

«Тебе, да, тебе!..» — В этот момент он левой рукой с шумом потряс в воздухе своим инструментом.

Тут человек с двумя отверстиями, которого вы до сих пор слушали, сказал человеку о двух носах:

«Что с вами? Вы удаляетесь?»

«Я боюсь, как бы вы, жестикулируя, не сломали один из моих носов. Продолжайте».

«Не помню, на чем я остановился».

«Вы упомянули об инструменте, которым столяр производил шум в воздухе…»

«Он ударил меня наотмашь правой рукой по плечу, — с такой силой, что я упал ничком. Вот моя рубашка задрана, обнажен зад, и ужасный

Анофор угрожает мне острием своего инструмента и говорит: „Проси пощады, бездельник. Проси пощады, или я тебе сделаю второе“…

Тотчас же я ощутил холод от прикосновения перки коловорота. Меня охватил ужас, и я проснулся. С тех пор я считаю, что у меня две дыры в заду.»

— Тут оба собеседника, — прибавил султан, — принялись насмехаться друг над другом.

«Ха, ха, ха. У него две дыры в заду!»

«Ха, ха, ха. Это футляры для твоих двух носов!»

Затем, важно повернувшись к собранию, султан прибавил:

— И вы, жрецы, и вы, служители алтарей, вы тоже смеетесь. А между тем, как часто считают люди, что у них два носа на лице, и смеются над теми, которые утверждают, что у них две дыры в заду.

Он помолчал с минуту, лицо у него посветлело, и, обращаясь к главарям секты, он спросил, что они думают о его видении.

— Клянемся Брамой, — отвечали они, — таких глубоких истин небо не открывало еще ни одному из пророков.

— Поняли вы что-нибудь?

— Нет, государь.

— Что вы скажете об этих собеседниках?

— Что они безумцы.

— А что, если бы им пришла фантазия сделаться вождями партии и если бы секта, признающая две дыры в заду, стала преследовать секту, признающую два носа?

Жрецы и священники опустили глаза, а Мангогул продолжал:

— Я хочу, чтобы мои подданные жили и умирали, как им заблагорассудится. Я хочу, чтобы пенум клали или на уста, или на зад, смотря по их желанию, и чтобы меня больше не беспокоили такой ерундой.

Жрецы удалились, и на соборе, собравшемся несколько месяцев спустя, было объявлено, что видение Мангогула будет включено в состав канонических книг, к украшению которых оно и послужило.

Глава семнадцатая
Намордники

В то время как брамины вещали от лица Брамы, устраивали шествия с идолами и призывали народ к покаянию, многие в Банзе стали придумывать, какие бы извлечь выгоды из болтовни сокровищ. Большие города кишат людьми, которых нищета делает изобретательными. Они не воруют, не мошенничают, но являются по отношению к мелким ворам тем же, чем те к заправским мошенникам. Они знают все, умеют все, разрушают все. Они шмыгают взад и вперед, всюду умеют прокрасться. Их можно встретить в городе, в суде, в церкви, в театре, у куртизанок, в кафе, на балу, в опере, в академиях. Они будут всем, чем вы захотите. Если вы хлопочете о пенсии, у них есть ход к министру; если вы ведете тяжбу, они будут хлопотать за вас; любите играть — они станут вашими банкометами; любите хороший стол — они станут вашими поставщиками; любите женщин — они проведут вас к Амине или Акарисе. У какой из этих двух вы предпочтете купить болезнь? Выбирайте. Когда

вы ее схватите, они озаботятся о вашем выздоровлении. Их главное занятие — подстерегать смешные стороны у обывателей и пользоваться их глупостью. По их наущению раздают на углах улиц, у дверей храмов, у входа в театр бумажки, которые бесплатно осведомляют вас, что некто, живущий в Лувре, в Сен-Жан, в Тампле или в аббатстве под такой-то вывеской, на таком-то этаже, дурачит людей у себя дома от девяти часов утра до полудня, а остальное время дня в городе.

Как только сокровища заговорили, один из этих пройдох наполнил все дома Банзы маленькими печатными листками следующего вида и содержания.

Заглавие, напечатанное крупными буквами, гласило:

К СВЕДЕНИЮ ДАМ

Внизу мелким шрифтом стояло:

С разрешения монсеньора великого сенешала и с одобрения гг. членов Королевской академии наук.

А дальше следовало:

«Господин Эолипиль, член Королевской академии Банзы, королевского общества Моноэмуги, Императорской академии Биафары, Общества любителей Лоанго, общества Камюра в Мономотапе, института Эрекко и королевских академий Белеганцы и Анголы, который в течение нескольких лет читает лекции по эрундистике и стяжавший одобрение двора, города и провинций, изобрел для удобства прекрасного пола намордники или портативные кляпы, которые лишают сокровища возможности говорить, не стесняя их естественных функций. Они чисты и удобны; имеются – всех размеров, на все возрасты, на все цены. Он имел уже честь снабдить ими особ, занимающих высокое положение».

Самое главное — принадлежать к какой-нибудь корпорации; как бы ни было нелепо изобретение, его расхвалят, и оно будет иметь успех.

Так случилось и с выдумкой Эолипиля. К нему ринулись целые толпы. Легкомысленные женщины приезжали в собственных экипажах; благоразумные воспользовались фиакрами;

ханжи послали своего духовника или лакея; среди этих лиц видели даже монастырских привратниц. Всем хотелось иметь намордник. От герцогини до буржуазки не осталось ни одной женщины, которая не приобрела бы его, следуя моде или по серьезным основаниям.

Брамины, объявившие болтливость сокровищ наказанием свыше и ожидавшие от этого исправления нравов и всяких благ для себя, не могли без содрогания смотреть на орудие, которое отвращало небесную кару и обманывало их Надежды.

Не успели они сойти с кафедр, как снова взобрались на них, разразились молниями и громами, заставили вещать оракулов и провозгласили намордник адским изобретением, прибавив, что нет спасения той, которая к нему прибегнет.

— Светские женщины, бросьте ваши намордники, — вопияли они, — покоритесь воле Брамы! Предоставьте голосу ваших сокровищ быть голосом вашей совести и не стыдитесь сознаться в проступках, которые совершали без стыда.

Но тщетно вопили они: намордники продолжали существовать, как и платья без рукавов и стеганые шубы. На этот раз брамины понапрасну простуживались в церквах. Все покупали клятвы и расставались с ними только тогда, когда

убеждались в их бесполезности или когда они надоедали им.

Глава восемнадцатая
Путешественники

Таково было положение дел, когда после долгого отсутствия, сопровождавшегося значительными издержками и неслыханными трудами, появились при дворе путешественники, которых Мангогул посылал в отдаленные страны стяжать мудрость. Он держал в руках их дневник и на каждой строчке разражался хохотом.

— Что это вы читаете такое забавное? — спросила Мирзоза.

— Если это, — отвечал он, — такие же врали, как другие, то, по крайней мере, они забавнее других. Присядьте на эту софу, я хочу угостить вас рассказом о таком употреблении термометров, о каком вы не имеете понятия.

«Я обещал вам вчера, — сказал мне Сиклофил, — занимательное зрелище»…

Мирзоза

Кто этот Сиклофил?

Мангогул

Это житель острова.

Мирзоза

Какого острова?

Мангогул

Не все ли равно?

Мирзоза

Но к кому он обращается?

Мангогул

К одному из моих путешественников.

Мирзоза

Значит, ваши путешественники вернулись?

Мангогул

Конечно. А вы этого не знали?

Мирзоза

Не знала.

Мангогул

Давайте договоримся, моя королева: иногда вы корчите из себя невинность. Я разрешаю вам уйти, как только мое чтение смутит вашу стыдливость.

Мирзоза

А если я уйду сейчас?

Мангогул

Как вам угодно.

Я не знаю, осталась ли Мирзоза или ушла. Но Мангогул, возвращаясь к речи Сиклофила, прочел следующее:

«Говоря о занимательном зрелище, я имел в

виду наши храмы и то, что в них происходит. Продолжение рода — предмет, на котором политика и религия у нас сосредоточивают свое внимание; и способ, каким это у нас делается, достоин вашего внимания. У нас также есть рогоносцы. Не так ли называются и на вашем языке те, чьи жены позволяют другим мужчинам ласкать себя. Итак, у нас имеются рогоносцы, их столько же и даже больше, чем в других странах, хотя мы принимаем бесконечные предосторожности, чтобы супруги хорошо подходили друг к другу.

— Значит, вам известен секрет, — сказал я, — какого мы не знаем или каким мы пренебрегаем, а именно хорошо подбирать супругов?

— Не совсем так, — возразил Сиклофил. — Наши островитяне созданы для счастливых браков, если неукоснительно следуют установленным законам.

— Я не совсем понимаю вас, — заметил я, — потому что в нашем мире ничто так не согласуется с законами, как браки; а между тем, они часто бывают неразумны и несчастливы.

— Хорошо, — прервал Сиклофил, — я сейчас поясню. Но как! Вы живете среди нас больше двух недель и не знаете еще, что сокровища мужское и женское у нас бывают разнообразного вида? На

что употребили вы свое время? Эти сокровища от начала века были предназначены действовать совместно. Женское сокровище в форме гайки предназначено мужскому — в форме винта. Вы меня понимаете?

— Понимаю, — ответил я, — это соответствие форм может до известной степени играть роль. Но я не считаю его достаточным для соблюдения брачной верности.

— Чего же вы хотели бы еще?

— Я хотел бы, чтобы в стране, где управляют по законам геометрии, было обращено внимание на соответствие температуры у брачущихся. Неужели вы хотите, чтобы брюнетка восемнадцати лет, живя, как бесенок, крепко держалась за шестидесятилетнего, холодного как лед, старика? Это невозможно, хотя бы у этого старика сокровище было бы в форме бесконечного винта…

— Вы не лишены проницательности, — сказал Сиклофил. — Знайте же, что мы это предвидели…

— Каким образом?

— Благодаря долгим и хорошо проверенным наблюдениям над рогоносцами.

— И к чему привели вас эти наблюдения?

— К определению необходимого соотношения

температур у супругов.

— А когда оно было установлено, что было дальше?

— Дальше — приготовили термометры для женщин и для мужчин. Формы их различны. Женский термометр похож по виду на мужское сокровище около восьми дюймов длины и полутора дюйма в диаметре. А мужской термометр в главной своей части напоминает полый сосуд таких же размеров. Вот они, — сказал он, вводя меня в храм, — эти искусно придуманные аппараты, действие которых вы сейчас увидите, так как стечение народа и присутствие жрецов возвещают, что настал момент священных испытаний.

Мы с трудом пробрались сквозь толпу и вошли в святилище, где вместо алтарей стояли два ложа, покрытых шелковой узорчатой тканью и ничем не завешенных. Жрецы и жрицы стояли в молчании, держа термометры, вверенные им, как священный огонь весталке. Под звуки гобоев и волынок приблизились две четы любящих в сопровождении родителей. Они были обнажены, и я увидел, что сокровище одной из девушек было круглой формы, а у ее жениха — цилиндрической.

— В этом нет ничего необыкновенного, — ска-

зал я Сиклофилу.

— Посмотрите на двух других, — ответил он мне.

Я перенес на них взгляд. Сокровище молодого человека имело форму параллелепипеда, а у девушки — квадрата.

— Будьте внимательны к священнодействию, — прибавил Сиклофил.

Затем двое жрецов положили одну из девушек на алтарь; третий приладил к ней сакральный термометр; верховный жрец внимательно наблюдал, до какого градуса поднимется жидкость в течение шести минут. В то же время молодой человек был положен на другую постель двумя жрицами. А третья приспособила к нему термометр. Верховный жрец, заметив, что термометры у обоих поднялись в одно и то же время, объявил брак прочным и отослал супругов соединиться в родительский дом. Женское четырехугольное сокровище и мужской параллелепипед были испытаны с неменьшей строгостью и точностью. Но верховный жрец, внимательно следивший за поднятием температуры, заметил, что она у юноши на несколько градусов меньше, чем у девушки: этим нарушалась установленная норма, потому что законом были указаны известные

пределы. Он поднялся на кафедру и объявил, что испытуемые негодны к супружескому акту. Брачный союз им воспрещен светскими и церковными законами, карающими кровосмешение. Кровосмешение на этом острове не считается пустячной вещью. Настоящий грех против природы — сближение сокровищ разного пола, фигуры которых не могут быть вписаны одна в другую или описаны одна около другой.

Предстояла еще одна свадьба. Это была девушка, сокровище которой оканчивалось равноугольной фигурой с нечетным числом сторон, и молодой человек с пирамидальным сокровищем, так что основание пирамиды могло быть вписано в многоугольник девицы. Им были поставлены термометры, и после того как несоответствие температур было признано незначительным, верховный жрец объявил случай имеющим право на льготу и разрешил брак. Так же он поступил, когда дело шло о женском сокровище с нечетным числом сторон, которого домогалось мужское — призматической формы, причем температура оказалась почти одинаковой.

При самом малом знании геометрии легко понять, что на этом острове достигли высокого совершенства в измерении поверхностей и объ-

емов, и все, что известно о фигурах различных типов, применялось там весьма тщательно, в то время как у нас все эти открытия еще ждут своего приложения. Девушки и юноши с круглыми и цилиндрическими сокровищами считаются счастливо рожденными, потому что из всех фигур круг заключает в себе наибольшее пространство при той же длине замыкающей линии.

Между тем жрецы продолжали совершать обряды. Глава их вызвал меня из толпы, сделав мне знак приблизиться. Я повиновался.

— О чужеземец! — обратился он ко мне. — Ты был свидетелем наших священных мистерий. И ты видишь, какую тесную связь имеет у нас религия с общественным благом. Если бы твое пребывание здесь продлилось, ты, без сомнения, познакомился бы с более редкостными и своеобразными случаями. Но, может быть, неотложные обстоятельства призывают тебя в твое отечество. Поезжай и поведай о нашей мудрости твоим согражданам.

Я сделал глубокий поклон, а он продолжал в таких выражениях:

— Если случится, что сакральный термометр будет таких размеров, что не подойдет для молодой девушки (редкостный случай, хотя за

двенадцать лет их было пять), тогда один из моих сослужителей приготовляет ее к таинству, и в это время весь народ молится. Ты должен угадать без моего объяснения те качества, какие необходимы для вступления в сан жреца и на основании чего совершается посвящение.

Чаще случается, что термометр не подходит для юноши, потому что его нерадивое сокровище не поддается испытанию. Тогда все взрослые девушки острова могут приблизиться для воскрешения мертвеца. Это называется говеть. Девушку, которая проявляет при этом способе усердие, считают благочестивой, и она подает остальным пример. Поистине, о чужеземец, — продолжал он, пристально вглядываясь в меня, — все на свете условно — мнения так же, как и предрассудки. Преступлением называете вы то, что у нас считается поступком, приятным для божества. У нас считалась бы достойной порицания девушка, которая достигла бы тринадцати лет, не приблизившись к алтарям, и ее родители осыпали бы ее за это справедливыми упреками.

Если перезрелая или плохо сложенная девушка подвергает себя испытанию термометром и жидкость в нем не подымается, она может идти в монастырь. Но в нашей стране случается так

же часто, как и в других странах, что девушки потом раскаиваются, и, если б их вновь привели к термометру, жидкость в нем поднялась бы так же скоро и так же высоко, как при испытании любой женщины. А потому некоторые даже умирали от отчаяния. На этой почве возникали тысячи злоупотреблений и скандалов, о которых я не упоминаю. Чтобы прославить свой понтификат, я опубликовал норму, где определяется время, возраст и количество раз, какое девушка может быть термометризирована, прежде чем произнести обет, и где указаны кануны и дни, благоприятные для произнесения обетов. Я встречаю много женщин, которые благодарят меня за мудрость моих постановлений и чьи сокровища вследствие этого принесены мне в жертву; но эти незначительные права я предоставляю своему духовенству.

Девушка, которая заставляет жидкость термометра подниматься на такую высоту и с такой быстротой, какая недоступна ни одному мужчине, признается куртизанкой, — положение весьма почтенное и очень на нашем острове чтимое. Нужно тебе знать, что у каждого из наших сановников есть своя куртизанка, как и у каждой знатной женщины — свой геометр. Обе эти моды

одинаково благоразумны, хотя последняя начала уже проходить. Если молодой человек, потасканный, слабый от рождения или испорченный колдовством, оставляет жидкость термометра недвижной, он осуждается на безбрачие. Напротив, если жидкость поднимается до такой высоты, какая недоступна ни одной женщине, он принужден стать монахом, вроде кармелита или францисканца. Они служат прибежищем некоторых лицемерок, которых не могут удовлетворить услуги мирян.

— О, как много, — воскликнул он, поднимая глаза и руки к небу, — утратила церковь из своего прежнего великолепия!

Он хотел продолжать, но священник, заведующий подаяниями, прервал его:

— Монсеньор, ваше великожречество не замечает, что служба кончена и что ваше красноречие остудит обед, на который вы приглашены.

Прелат остановился, дал мне поцеловать свой перстень; мы вышли из храма вместе с остатком народа, и Сиклофил, развивая ту же тему, сказал мне:

— Великий жрец не все вам открыл, он не упомянул ни о замечательных случаях, происшедших в нашей стране, ни о занятиях ученых

женщин. Однако эти вещи достойны вашего любопытства.

— По-видимому, вы можете удовлетворить его, — отвечал я. — Ну, какие же это случаи и какие занятия? Касаются они также браков и сокровищ?

— Вот уже тридцать пять лет, — отвечал он, — как на острове замечается недостаток мужских цилиндрических сокровищ. Все женские сокровища круглого типа стали жаловаться на это и подали в государственный совет докладные записки и прошения, в которых излагали свои нужды. Совет, всегда руководящийся высшими соображениями, не отвечал в течение месяца. Вопли сокровищ стали подобны тем, какими голодный народ требует хлеба. Сенаторы назначили, наконец, депутатов для того, чтобы расследовать дело и доложить о нем собранию. Это длилось еще месяц. Вопли удвоились. И близок уже был открытый бунт, когда в Академию явился один ювелир, человек очень искусный. Были произведены опыты, увенчавшиеся успехом, и после отзыва членов комиссии, с разрешения начальника полиции, ювелир был снабжен грамотой, дающей ему привилегию в течение двадцати лет обслуживать сокровища

круглого типа.

Следующий случай заключался в недостатке женских сокровищ многоугольного типа. Были приглашены все художники для устранения этого бедствия. Были объявлены премии. Было изобретено множество аппаратов, некоторые из которых удостоились наград.

— Вы видели, — прибавил Сиклофил, — что сокровища наших женщин бывают различной формы. Но они сохраняют неизменной ту форму, которую получили при рождении. Так ли обстоит дело у вас?

— Нет, — отвечал я, — женское сокровище, европейское, азиатское или африканское, имеет форму, изменяющуюся до бесконечности — cujus libet figurae capax, nullius tenax.[16]

— Значит, объяснение, какое дали наши физики явлению этого рода, правильно, — сказал он, — двадцать лет тому назад появилась на острове одна молодая брюнетка, очень любезного нрава. Никто не понимал ее языка; но когда она изучила наш, она ни за что не хотела открыть, где ее отечество. Между тем, ее грация и привлекательные свойства ума очаровали многих из нашей знат-

---

[16] Примечания: 16
Может принимать любую форму, но не сохраняет ни одной.

ной молодежи. Некоторые из богачей предлагали ей вступить с ними в брак. Она остановила свой выбор на сенаторе Колибри. В назначенный день, следуя обычаю, их повели в храм. Прекрасная чужеземка, распростертая на алтаре, представила глазам изумленных зрителей сокровище, не имевшее никакой определенной формы; в термометре, ей поставленном, жидкость поднялась сразу на сто девяносто градусов. Верховный жрец тут же объявил, что ее сокровище ставит обладательницу его в разряд куртизанок, и влюбленному Колибри было отказано в женитьбе на ней. Не имея возможности обладать ею, как женой, он взял ее в любовницы. Однажды, когда она почувствовала себя вполне удовлетворенной, она призналась ему, что родилась в столице вашей империи. Это очень возвысило наше мнение о ваших женщинах».

На этом месте рассказа вошла Мирзоза.

— Ваша стыдливость, всегда неуместная, — сказал Мангогул, — лишила вас очаровательного рассказа. Я хотел бы, чтобы вы мне сказали, к чему это лицемерие, свойственное вам всем — и добродетельницам и распутницам. Смущают ли вас известного рода факты? Нет, так как вы с ними хорошо знакомы. Или здесь дело в словах?

По правде сказать, это уж совсем непонятно. Если смешно краснеть от поступка, не бесконечно ли смешнее краснеть от слов, его обозначающих? Я без ума от островитян, о которых идет речь в этом драгоценном дневнике. Они все называют своими именами, язык их прост, и понятия о честном и бесчестном гораздо определеннее.

Мирзоза

Женщины там ходят одетые?

Мангогул

Конечно. Но не из приличия, а из кокетства. Они прикрываются для того, чтобы возбуждать любопытство и желания.

Мирзоза

И это, по-вашему, вполне соответствует хорошим нравам?

Мангогул

Несомненно.

Мирзоза

А я сомневаюсь.

Мангогул

О, вы всегда во всем сомневаетесь!

Беседуя таким образом, он небрежно перелистывал дневник:

— Есть тут обычаи в высшей степени странные, — говорил он. — Смотрите, вот глава о

наружности туземцев. Тут нет ничего, чего бы вы не могли слышать при вашей исключительной стыдливости. Вот другая — о туалете женщин: она совсем в вашей компетенции и могла бы послужить вам на пользу. Вы не отвечаете! Вы никогда не доверяете мне.

— Разве я не права?

— Надо будет отдать вас в руки Сиклофила, чтобы он вас отвез к своим островитянам. Клянусь, вы вернетесь оттуда совершенством.

— Мне кажется, что я и теперь совершенство.

— Вам так кажется! А между тем я не могу сказать ни одного слова, которое вы выслушали бы внимательно. Однако вы были бы гораздо лучше, и я бы гораздо лучше чувствовал себя, если бы я всегда мог говорить, а вы всегда меня слушали.

— А зачем вам нужно, чтобы я вас слушала?

— В конце концов, вы правы. Ну, хорошо, отложим до сегодняшнего вечера, до завтра или до другого дня главу о наружности наших островитян и о туалете их женщин.

Глава девятнадцатая
О наружности островитян и о женском туалете

Это было после обеда. Мирзоза сидела с вязаньем, а Мангогул, растянувшись на софе, с полузакрытыми глазами, молча занимался пищеварением. Прошел добрый час в молчании и покое, когда, наконец, султан обратился к фаворитке:

— Расположена ли сударыня выслушать меня?

— Смотря по тому, о чем вы будете говорить.

— Но, в конце концов, не все ли мне равно, слушаете вы меня или нет, как вы изволили разумно и справедливо заметить?

Мирзоза улыбнулась, а Мангогул продолжал:

— Пусть принесут дневник моих путешественников и пусть не вынимают моих закладок или, клянусь бородою…

Ему принесли дневник, он открыл его и стал читать:

«Островитяне созданы совсем иначе, нежели другие люди. Каждый от рождения несет на себе знак своего призвания, поэтому в большинстве

случаев все бывают тем, чем должны быть. Те, кому природа судила быть геометрами, обладают удлиненными пальцами, похожими на циркуль. Мой хозяин принадлежал к их числу. Субъект, рожденный быть астрономом, отличается глазами в форме улитки. Географы имеют голову, похожую на глобус. У музыкантов или изучающих акустику уши в форме рожка. У межевщиков ноги похожи на шесты, у гидравликов»…

Тут султан остановился, и Мирзоза спросила его:

— Ну, что же у гидравликов?

Мангогул ответил:

— Вы спрашиваете? Так узнайте же: «Сокровище в форме трубки, пускающей струю. У химиков нос — как перегонный куб. У анатома указательный палец — как скальпель. У механиков руки — как подпилки или как пилы».

Мирзоза прибавила:

— У этого народа все не так, как в нашей стране, где люди, получившие от Брамы мускулистые руки, казалось бы, предназначенные управлять плугом, стоят у кормила государства, заседают в судах или председательствуют в академиях; у нас человек, который видит не лучше крота, проводит всю свою жизнь в наблюдениях и весь

занят профессией, требующей рысьих глаз.

Султан продолжал читать:

«Между обитателями острова можно заметить таких, пальцы которых схожи с циркулем, голова с глобусом, глаза с телескопом, уши с рожком. „Эти люди, — сказал я моему хозяину, — по-видимому виртуозы, из числа тех универсальных существ, которые обладают всеми талантами“.

Мирзоза перебила султана:

— Бьюсь об заклад, что я угадала ответ хозяина.

Мангогул

Каков же он?

Мирзоза

Он ответил, что эти люди, которых природа, казалось бы, одарила всем, не годны ни к чему.

Мангогул

Клянусь Брамой, именно так. Поистине, султанша, вы очень умны. Мой путешественник прибавляет, что такое строение островитян придает всему народу вид автоматов; когда они ходят, кажется, что они занимаются измерением; когда они жестикулируют, они как будто чертят геометрические фигуры; а их пенье — исполненная пафосом декламация.

Мирзоза

В таком случае музыка у них должна быть очень плохой.

Мангогул

Но почему же?

Мирзоза

Потому, что музыка у них, по-видимому, стоит ниже декламации.

Мангогул

«Не успел я несколько раз пройтись по главной аллее общественного сада, как сделался предметом разговоров и объектом всеобщего любопытства.

— Он упал с луны, — говорил один.

— Вы ошибаетесь, — возразил другой, — он явился с Сатурна.

— Я думаю, что это обитатель Меркурия, — говорил третий.

Четвертый приблизился ко мне и сказал:

— Чужеземец, разрешите узнать, откуда вы.

— Из Конго, — ответил я.

— А где же Конго?

Я собирался удовлетворить его любопытство, когда кругом поднялся гул множества мужских и женских голосов, повторявших:

— Он из Конго! Конго… Конго…

Оглушенный, я заткнул уши и поспешил уйти

из сада. Между тем они остановили моего хозяина, спрашивая у него, кто такие конго: люди или звери. На другой день моя дверь была осаждена толпой, которая добивалась увидеть конго. Я показался им, говорил с ними, и они удалились с презрительным смехом, восклицая:

— Фи! Это человек!

Мирзоза принялась хохотать. Потом спросила:

— А туалет?

Мангогул отвечал:

— Припоминает ли сударыня одного черного брамина, очень оригинального, полубезумца, полуразумного?

— Да, я помню. Это был чудак, который всюду совался со своим умом и которого другие черные брамины, его собратья, затравили до смерти.

— Отлично. Вероятно, вы слышали, а может быть, и видели, особого рода клавесин, где он расположил цвета сообразно с лестницей тонов, намереваясь исполнять для наших глаз сонату, аллегро, престо, адажио, кантабиле — столь же приятные для зрения, как и мастерски выполнен-

ные произведения для слуха.[17]

— Я сделала лучше: однажды я предложила ему перевести звуковой менуэт на цветовой, и он справился с этим превосходно.

— И это вас очень позабавило?

— Очень, потому что я тогда была ребенком.

— Ну вот, мои путешественники нашли такой же инструмент у островитян, но исполняющий свое прямое назначение.

— Должно быть, служить туалету?

— Верно. Но каким образом?

— Каким? Вот каким. Взяв какой-нибудь предмет нашего туалета, достаточно тронуть известное количество клавиш, чтобы найти гармонию этой вещи и определить соответствующие цвета других предметов туалета.

— Вы невозможны! Вас нечему учить, вы все угадываете.

— Я даже думаю, что есть в этой музыке диссонансы, которых можно избегнуть, предвидя заранее.

— Вот именно.

---

[17] Примечания: 17

...произведения для слуха — Иезуит Луи Бертран Кастель (1688-1757) заставил говорить о себе благодаря изобретению цветового клавесина, принцип работы которого основывался на аналогии между звуком и цветом. Вольтер в шутку называл Кастеля «Дон Кихотом от математики».

— Поэтому я и думаю, что для горничной нужно столько же таланта, опыта и глубины познаний, сколько и для капельмейстера.

— А вы знаете, что из этого следует?

— Нет.

— Что мне остается закрыть дневник и приняться за щербет. Ваша мудрость, султанша, приводит меня в дурное настроение.

— Другими словами, вы хотели бы, чтобы я была поглупее?

— Почему же нет? Это сблизило бы нас, и мы приятнее проводили бы время. Нужно быть охваченным неистовой страстью, чтобы терпеть унижения, которым не видно конца. Я охладею к вам, берегитесь!

— Государь, соблаговолите взять дневник и продолжать чтение.

— Очень охотно. Сейчас будет говорить мой путешественник.

«Однажды, выйдя из-за стола, мой хозяин бросился на софу, на которой и не замедлил погрузиться в сон, а я направился вместе с дамами в их апартаменты. Пройдя ряд комнат, мы вошли в большой, хорошо освещенный покой, посередине которого стоял клавесин. Хозяйка дома села перед ним, провела пальцами по клавишам, заглянула

в ящик и сказала с довольным видом:

— Я думаю, что он хорошо настроен.

Я же сказал себе:

— Кажется, она бредит, так как я не слыхал ни звука.

— Сударыня играет и, без сомнения, аккомпанирует себе?

— Нет.

— Что же это за инструмент?

— Сейчас увидите.

И, обернувшись к старшей дочери, она сказала:

— Позвоните, чтобы пришли прислужницы.

Их пришло три, и она обратилась к ним приблизительно с такой речью:

— Милые мои, я очень недовольна вами. Уже полгода, как я и мои дочери не одеваемся со вкусом. В то же время вы тратите огромные деньги. Я наняла вам лучших учителей, но, кажется, вы не знаете основных принципов гармонии. Я хочу, чтобы сегодня мой головной убор был зеленый с золотом. Найдите все остальное.

Младшая из прислужниц нажала клавиши одной рукой, и перед нами появились белый, желтый, малиновый и зеленый лучи; нажала другой, и появились голубой и фиолетовый.

— Это не то, что нужно, — нетерпеливо сказала хозяйка, — смягчите эти оттенки.

Прислужница тронула клавиши снова и вызвала белый, лимонно-желтый, ярко-синий, пунцовый, цвет розы, цвет зари и черный.

— Еще хуже, — сказала госпожа. — Вы выводите меня из терпения, — возьмите тоном выше.

Прислужница повиновалась. В результате появились — белый, оранжевый, бледно-голубой, телесный, бледно-желтый и серый.

Хозяйка вскричала:

— Это невыносимо!

— Если сударыне угодно выслушать меня, — сказала одна из двух других прислужниц, — то с этими пышными фижмами и с маленькими туфельками…

— Да, пожалуй, это может сойти.

После этого хозяйка удалилась в свой кабинет, чтобы одеться согласно такому подбору красок.

Между тем старшая из дочерей попросила третью прислужницу дать тона для причудливого наряда, прибавив:

— Я приглашена на бал и хочу быть легкой, оригинальной и блестящей. Я устала от ярких цветов.

— Ничего нет легче, — сказала служанка.

Вызвав жемчужно-серый луч своеобразного среднего оттенка между светлым и темным, она прибавила:

— Вы увидите, мадемуазель, как это будет хорошо с вашей китайской прической, с накидкой из павлиньих перьев, с бледно-зеленой юбочкой, вышитой золотом, с чулками цвета корицы и черными, как агат, башмачками. Особенно при темно-коричневом головном уборе с рубиновой эгреткой.

— Ты дорого стоишь, милая! — сказала молодая девушка. — Тебе остается только самой выполнить твои замыслы.

Когда пришла очередь младшей, третья из прислужниц сказала ей:

— Ваша старшая сестра пойдет на бал. А вы пойдете в храм?

— Да, непременно. Вот почему я хочу, чтобы ты придумала мне что-нибудь особенно кокетливое.

— Хорошо, — отвечала служанка, — наденьте ваше газовое платье огненного цвета, и я поищу к нему аккомпанемент. Это не то… вот оно… вот… вот это… да, это… вы будете очаровательны. Смотрите, мадемуазель: желтый, зеленый, черный, огненный, голубой, белый и синий. Это будет

чудесно гармонировать с вашими серьгами из богемского топаза, с румянами, двумя «злодейками», тремя «полумесяцами» и семью мушками.

Они вышли, сделав мне глубокий реверанс. Оставшись один, я сказал себе:

— Они такие же сумасбродки здесь, как и у нас, но этот клавесин все-таки избавляет людей от лишних хлопот».

Мирзоза, прервав чтение, обратилась к султану:

— Ваш путешественник должен был привезти нам, по крайней мере, ноты какой-нибудь ариетты для наряда с шифрованным басом.

Султан

Он это и сделал.

Мирзоза

Кто же нам сыграет ее?

Султан

Кто-нибудь из учеников черного брамина. Тот, в чьих руках остался его цветовой клавесин. Но, может быть, вам надоело слушать?

Мирзоза

Много там еще осталось?

Султан

Нет. Всего несколько страничек, и вы будете свободны.

Мирзоза

Прочтите их.

Султан

«При этих моих словах, — говорится в этом дневнике, — дверь кабинета, в который удалилась мать, приоткрылась, и передо мной предстала фигура в таком странном наряде, что я не узнал ее. Прическа в форме пирамиды и светло-серые туфли на высоченных каблуках увеличили ее рост фута на полтора. На ней был белый палантин, оранжевая накидка, бледно-голубое платье из гладкого бархата, телесного цвета юбка, бледно-желтые чулки и туфельки с беличьей опушкой. Но что меня особенно поразило, это пятиугольные фижмы, с выдающимися и вдающимися углами. Можно было подумать, что это ходячая крепость с пятью бастионами. Вслед за нею появилась одна из дочерей.

— Боже милосердный, — вскричала мать, — кто вас так нарядил? Уйдите, вы меня приводите в ужас! Если бы не нужно было так скоро ехать на бал, я заставила бы вас переодеться. Я надеюсь, что вы, по крайней мере, будете в маске.

Потом, оглядев младшую дочь с головы до ног, она прибавила:

— Вот это вполне благопристойно.

В это время появился в дверях ее муж, который успел уже нарядиться после полуночного ужина: он был в шляпе цвета увядших листьев, в пышном парике с буклями, в костюме плотного сукна, с длинными прямоугольными позументами, в полтора фута каждый, с четырьмя карманами и пятью пуговицами спереди, но без складок и фалд, в коротких штанах и чулках светло-коричневого цвета и в зеленых сафьяновых туфлях, — все это вместе составляло шутовской наряд».

Тут Мангогул остановился и сказал сидевшей рядом Мирзозе:

— Эти островитяне вам кажутся очень смешными…

Мирзоза перебила его:

— Можете не кончать. На этот раз, султан, вы правы. Но я прошу вас не делать отсюда выводов. Если вы захотите стать благоразумным, все пропало. Без сомнения, мы показались бы такими же странными островитянам, как они нам. А в области моды безумцы издают законы для умных, куртизанки для честных женщин, и ничего лучшего не придумаешь, как следовать им. Мы смеемся, глядя на портреты наших предков, не думая о том, что наши потомки будут смеяться, глядя на наши портреты.

Мангогул

Итак, хоть раз в жизни я обнаружил здравый смысл.

Мирзоза

Я прощаю вам. Но довольно об этом.

Мангогул

Однако, несмотря на всю проницательность, вам не догадаться, что гармония, мелодия и цветовой клавесин…

Мирзоза

Постойте, я продолжаю… — Все это вызвало раскол между мужчинами, женщинами и вообще между всеми гражданами. Школа пошла войной на школу, один научный авторитет на другой: разгорелись диспуты, начались взаимные оскорбления, вспыхнула ненависть.

— Прекрасно, но это еще не все.

— Потому что я не все сказала.

— Кончайте.

— Подобно тому, как недавно у нас в Банзе в споре о звуках глухие оказались самыми непримиримыми спорщиками, в стране, описанной вашими путешественниками, именно слепые громче всех и больше всех кричали о цветах.

Тут раздосадованный султан взял дневники путешественников и разорвал их на куски.

— Ах, что вы сделали!

— Я уничтожил бесполезные труды.

— Может быть, бесполезные для меня, но не для вас.

— Мне безразлично все, что не содействует вашему счастью.

— Значит, я вам действительно дорога?

— Вот вопрос, который может раз навсегда отвадить от женщин. Нет, они ничего не чувствуют, они думают, что все должны им служить. Что бы ни делали для них, им все мало. Минута раздражения — и год служения пошел насмарку. Я ухожу.

— Нет, вы останьтесь. Подите сюда и поцелуйте меня.

Султан поцеловал ее и сказал:

— Не правда ли, мы только марионетки?

— Иной раз, да.

Глава двадцатая
Две лицемерки

Султан оставил сокровища в покое на несколько дней. Он был занят важными делами, и таким образом действие его перстня было приостановлено. В это самое время две женщины в Банзе заставили смеяться весь город.

Это были завзятые лицемерки. Они вели свои интриги с величайшей осмотрительностью, и репутация их была так безупречна, что их щадило даже злословие им подобных. В мечетях только и говорили, что об их добродетели. Матери ставили их в пример дочерям, мужья — женам. Обе они придерживались того руководящего принципа, что скандал — величайший из грехов. Общность убеждений, а главное трудность втирать очки проницательному и хитрому ближнему, — превозмогли разницу их характеров, — они были близкими подругами.

Зелида принимала у себя брамина Софии, а сама у Софии совещалась со своим духовным отцом. Разбираясь друг в друге, каждая, конечно, не могла не знать всего, что касалось сокровища

другой. Но сокровища их были так прихотливы и нескромны, что обе они находились в непрестанной тревоге. Им казалось, что их вот-вот разоблачат, и они потеряют репутацию добродетели, ради которой притворялись и хитрили целых пятнадцать лет и которая им была теперь в тягость.

В иные моменты они, — по крайней мере, Зелида, — казалось, были готовы пожертвовать жизнью, чтобы о них так же злословили, как и о большинстве их знакомых.

— Что скажет свет? Как поступит мой муж?.. Как! Эта женщина, такая сдержанная, такая скромная, такая добродетельная, — эта Зелида… Она такая же, как и все… Ах, эта мысль приводит меня в отчаяние! Да, я хотела бы, чтобы у меня вовсе не было сокровища, никогда его не было!

Она сидела со своей подругой, которую тоже занимали подобные размышления, но не так беспокоили. Последние слова Зелиды вызвали у нее улыбку.

— Хохочите, сударыня, не стесняйтесь. Хохочите вовсю, — сказала с досадой Зелида. — Право, есть от чего.

— Я знаю не хуже вас, — хладнокровно ответила София, — какая опасность нам угрожает. Но

как ее избегнуть? Ведь вы же согласитесь, что нет шансов, чтобы ваше пожелание осуществилось.

— Так придумайте какое-нибудь средство, — заметила Зелида.

— О, — продолжала София, — я устала ломать голову, ничего не могу придумать… Заживо похоронить себя в провинциальной глуши, — это, конечно, выход; но покинуть все городские развлечения, отказаться от жизни, — нет, я этого не сделаю. Я чувствую, что мое сокровище никогда с этим не примирится.

— Но как же быть?..

— Как быть? Предаться на волю провидения и смеяться, по моему примеру, над тем, что будут о нас говорить. Я все испробовала, чтобы примирить доброе имя и удовольствия. Но раз выходит, что надо отказаться от доброго имени, — сохраним, по крайней мере, удовольствия. Мы были единственными в своем роде. Ну, что же, моя дорогая, теперь мы будем такие же, как сотни тысяч других. Неужели это вам кажется таким ужасным?

— Ну, конечно, — отвечала Зелида, — мне кажется ужасным походить на тех, которых мы презирали с высоты своего величия. Чтобы избежать такой пытки, я, кажется, убежала бы на

край света.

— Отправляйтесь, моя дорогая, — продолжала София, — что касается меня, я остаюсь. Но, между прочим, я советую вам запастись каким-нибудь тайным средством, чтобы помешать вашему сокровищу болтать в дороге.

— Честное слово, — заметила Зелида, — ваша шутка неуместна, и ваша неустрашимость…

— Вы ошибаетесь, Зелида, — тут нет и речи о неустрашимости. Предоставлять событиям идти их неотвратимым ходом — это тупая покорность. Я вижу, что мне не миновать лишиться чести. Ну, что же! Если уж это неизбежно, — я, по крайней мере, постараюсь избавиться от лишних волнений.

— Лишиться чести! — воскликнула Зелида, заливаясь слезами. — Лишиться чести! Какой удар! Я не могу его вынести!.. Ах, проклятый бонза! Это ты меня погубил. Я любила своего мужа; я родилась добродетельной; я и теперь бы еще любила его, если бы ты не злоупотребил своим саном и моим доверием. Лишиться чести! Дорогая София…

Она не могла продолжать. Ее душили рыдания, и она упала на кушетку почти в полном отчаянии. Когда к ней вернулся дар речи, она воскликнула

с тоской в голосе:

— Моя дорогая София, я умру от этого!.. Я должна умереть. Нет, я не переживу моего доброго имени…

— Слушайте Зелида, моя дорогая Зелида, — говорила София, — не торопитесь умирать. Может быть…

— Ничего не может быть. Я должна умереть…

— Но, может быть, нам удастся…

— Ничего нам не удастся, — говорю я вам… Но скажите все-таки, дорогая, что нам может удастся?

— Может быть, нам удастся помешать сокровищу говорить.

— Ах, София, вы хотите меня утешить, внушив мне ложные надежды, — вы обманываете меня.

— Нет, нет, я и не думаю вас обманывать. Выслушайте же меня, вместо того чтобы предаваться безумному отчаянию. Мне рассказывали о Френиколе, Эолипиле, о кляпах и намордниках.

— Какое же отношение имеют Френиколь, Эолипиль и намордники к той опасности, которая нам угрожает? Что может сделать мой ювелир и что такое намордник?

— А вот я вам скажу. Слушайте же, дорогая: намордник — это машинка, изобретенная Френи-

колем, одобренная Академией и усовершенствованная Эолипилем, который приписывает себе это изобретение.

— Ну, и при чем же здесь эта машинка, изобретенная Френиколем, одобренная Академией и усовершенствованная этим олухом Эолипилем?

— О, ваша живость превосходит всякое воображение! Ну, так вот, эту машинку пускают в ход, и она заставляет молчать сокровище, хотя бы оно…

— Неужели это правда, моя дорогая?

— Говорят.

— Надо выяснить это, — заявила Зелида, — и немедленно же.

Она позвонила. Вошла служанка, и она послала ее за Френиколем.

— Почему не за Эолипилем? — спросила София.

— Френиколь менее заметный человек, — ответила Зелида.

Ювелир не заставил себя ждать.

— Ах, вот и вы, Френиколь, — сказала Зелида. — Добро пожаловать. Поторопитесь же, мой милый, вывести двух женщин из большого затруднения.

— В чем дело, сударыни?.. Может быть, вам нужны какие-нибудь редкие драгоценности?

— Нет, у нас и так есть два сокровища, и мы хотели бы…

— Избавиться от них, не так ли? Ну, что же, сударыни, покажите их мне. Я их возьму, или мы с вами обменяемся…

— Нет, господин Френиколь, не то, нам нечем меняться…

— А, я вас понял: речь идет о серьгах, которые вы хотите потерять, да так, чтобы ваши мужья нашли их у меня…

— Совсем нет. Да ну же, София, скажите ему, в чем дело.

— Френиколь, — заговорила София, — нам нужно два… Как! Вы все еще не понимаете?

— Нет, сударыня. Как же мне понять? Ведь вы мне ничего не говорите.

— Дело в том, — ответила София, — что для стыдливой женщины мучительно говорить об известных вещах…

— Тем не менее, — возразил Френиколь, — вам необходимо объясниться. Я ведь ювелир, а не гадатель.

— Однако вы должны догадаться.

— Честное слово, сударыни, чем больше я на вас смотрю, тем меньше вас понимаю. Когда женщина молода, богата и красива, как вы, ей незачем

прибегать к искусственным прикрасам. Кстати, скажу вам откровенно, что я больше не продаю драгоценностей. Я предоставил торговать этими безделушками моим начинающим собратиям.

Ошибка ювелира обеим лицемеркам показалась такой забавной, что они разразились ему в лицо хохотом, — это его окончательно сбило с толку.

— Разрешите мне, сударыни, откланяться и удалиться, — сказал он. — Я вижу, вы заставили меня пройти целое лье только затем, чтобы надо мной потешаться.

— Постойте, постойте, мой милый, — сказала Зелида, все еще смеясь. — Это вовсе не входило в наши расчеты. Но вы не поняли нас и наговорили столько несуразного…

— От вас зависит, сударыня, дать мне правильные представления. В чем же дело, наконец?

— О господин Френиколь, дайте же мне высмеяться, прежде чем вам ответить.

Зелида задыхалась от хохота. Ювелир решил, что с ней истерический припадок или что она сошла с ума, и набрался терпения. Наконец, Зелида успокоилась.

— Ну вот, — сказала она. — Речь идет о наших сокровищах, о наших, понимаете вы меня, гос-

подин Френиколь? Вы, вероятно, знаете, что с некоторых пор иные сокровища стали болтать, как сороки. Вот мы и хотим, чтобы наши собственные не следовали их дурному примеру.

— А! Теперь я понял. Значит, вам нужен намордник?

— Отлично, вы в самом деле поняли. Недаром мне говорили, что господин Френиколь далеко не глуп…

— Вы очень добры, сударыня. Что касается того, о чем вы меня просите, у меня они есть всех сортов, и я сейчас же пойду за ними.

Френиколь ушел. Зелида бросилась обнимать подругу и благодарить ее за подсказанное средство.

«А я, — говорит африканский автор, — пошел отдохнуть в ожидании, пока вернется ювелир».

Глава двадцать первая
Возвращение ювелира

Ювелир вернулся и предложил нашим ханжам два усовершенствованных намордника.

— Милосердный боже! — вскричала Зелида. — Что за намордники! Что за огромные намордники! И кто эти несчастные, которые будут их употреблять? Да ведь они — добрая сажень в длину! Честное слово, мой друг, вы верно снимали мерку с кобылы султана.

— Да, — небрежно сказала София, рассмотрев и вымерив рукой намордники, — вы правы. Они могут подойти только кобыле султана или старой Римозе…

— Клянусь вам, сударыни, — возразил Френиколь, — это нормальный размер, и Зельмаида, Зирфила, Амиана, Зюлейка и сотни других покупали именно такие…

— Это невозможно, — заявила Зелида.

— Но это так, — продолжал Френиколь, — хотя они говорили то же, что и вы. Если вы хотите убедиться в своей ошибке, вам остается, так же как и им, примерить их…

— Господин Френиколь может говорить все, что угодно, но ему никогда не убедить меня, что это мне подойдет, — сказала Зелида.

— И мне тоже, — заявила София. — Пусть он нам покажет другие, если у него есть.

Френиколь, многократно убеждавшийся на опыте, что женщин невозможно уговорить на этот счет, предложил им намордники для тринадцатилетнего возраста.

— А, вот как раз то, что нам надо, — воскликнули одновременно подруги.

— Я желал бы, чтобы было так, — прошептал Френиколь.

— Сколько вы за них хотите? — спросила Зелида.

— Сударыня, всего десять дукатов.

— Десяток дукатов! Вы шутите, Френиколь!

— Сударыня, это без запроса…

— Вы берете с нас за новинку.

— Клянусь вам, сударыни, что это своя цена…

— Правда, работа хорошая, но десять дукатов — это сумма…

— Я ничего не уступлю.

— Мы пойдем к Эолипилю.

— Пожалуйста, сударыни, но имейте в виду, что и мастера, и намордники бывают разные.

Френиколь стоял на своем, и Зелиде пришлось уступить. Она купила два намордника, и ювелир ушел, убежденный в том, что они будут им слишком коротки и скоро вернутся к нему обратно за четверть цены. Однако он ошибся.

Мангогулу не довелось направить перстень на этих женщин, и сокровищам их не вздумалось болтать громче обычного, — это было к их счастию, ибо Зелида, примерив намордник, обнаружила, что он вдвое короче, чем следует. Но она не решилась с ним расстаться, ибо менять его показалось ей столь же неудобно, как и пользоваться им.

Обо всех этих обстоятельствах стало известно через одну из ее служанок, которая рассказала по секрету своему возлюбленному, тот в свою очередь передал конфиденциально другим, разгласившим новость под строгим секретом по всей Банзе. Френиколь со своей стороны разболтал тайну, — приключение наших ханжей стало общеизвестным и некоторое время занимало сплетников Конго.

Зелида была неутешна. Эта женщина, более достойная сожаления, чем порицания, возненавидела своего брамина, покинула супруга и затворилась в монастыре. Что касается Софии,

она сбросила маску, пренебрегла молвой, нарумянилась, посадила мушки на щеки и пустилась в широкий свет, где у нее были похождения.

Глава двадцать вторая
Седьмая проба кольца. Задыхающееся сокровище

Хотя буржуазки Банзы и не предполагали, что их сокровища будут иметь честь говорить, они, тем не менее, все обзавелись намордниками. В Банзе носили намордник, как мы носим придворный траур.

Здесь африканский автор замечает с удивлением, что умеренность цен на намордники и общедоступность не помешали им долго быть в моде в серале. — «На этот раз, — говорит он, — полезность победила предрассудок».

Такое общее место, конечно, не стоило бы того, чтобы его повторять, но мне кажется, что все древние авторы Конго грешат повторениями, может быть они или задаются целью придать таким путем своим произведениям изящество и правдоподобие, или же они далеко не отличаются богатством красок, какое им приписывают их поклонники.

Как бы то ни было, однажды Мангогул, гуляя в садах в сопровождении всего своего двора, решил

повернуть перстень в сторону Зелаис. Она была красива, и ее подозревали в кое-каких похождениях. Внезапно ее сокровище стало невнятно лепетать и произнесло лишь несколько отрывистых слов, которые ровно ничего не означали; зубоскалы истолковали их каждый по-своему.

— Однако! — воскликнул султан. — У этого сокровища сильно затруднена речь. Вероятно, что-нибудь мешает ему говорить.

И вот он снова направил на него перстень. Сокровище опять сделало усилие высказаться и, частично преодолевая препятствие, тормозившее его речь, выговорило весьма явственно:

— Ах, ах, я… за… задыхаюсь. Я больше не могу. Ах… ах… задыхаюсь.

Тотчас же Зелаис стала задыхаться. Лицо у нее побледнело, горло вздулось, и она упала с закрытыми глазами и полуоткрытым ртом в объятия окружавших ее придворных.

Будь Зелаис где-нибудь в другом Месте, ей быстро оказали бы помощь. Нужно было только избавить ее от намордника, чтобы сокровище могло свободно дышать. Но как подать ей руку помощи в присутствии Мангогула?

— Скорей! Скорей! Врачей сюда! — воскликнул султан. — Зелаис умирает!

Пажи побежали во дворец и скоро вернулись; за ними важно шли врачи, впереди всех Оркотом. Один из них высказался за кровопускание, другие за отхаркивающее, но проницательный Оркотом велел перенести Зелаис в соседний кабинет, осмотрел ее и разрезал ремешки намордника. Он мог похвастаться, что видел еще одно зашнурованное сокровище в состоянии острого пароксизма.

Однако вздутие было огромно, и Зелаис продолжала бы страдать, если бы султан не сжалился над ней. Он повернул перстень в обратную сторону; кровяное давление восстановилось, Зелаис пришла в себя, и Оркотом приписал себе это чудесное исцеление.

Несчастный случай с Зелаис и нескромность ее врача сильно дискредитировали намордники. Оркотом, не заботясь об интересах Эолипиля, решил построить на развалинах его состояния — свое собственное. Он объявил, что специализировался на лечении простуженных сокровищ. До сих пор на глухих улицах можно еще встретить его объявления. Сперва к нему потекли деньги, но потом на него обрушилось всеобщее презрение.

Султану доставляло удовольствие сбивать спесь с шарлатана. Стоило Оркотому похвастать-

ся, что он вынудил к молчанию какое-нибудь сокровище, которое и без того всегда молчало, как беспощадный Мангогул заставлял его говорить. Наконец, заметили, что после двух-трех визитов Оркотома любое молчавшее до сих пор сокровище начинает болтать. Вскоре его причислили, так же как и Эолипиля, к разряду шарлатанов, и оба пребывали в этом звании до тех пор, пока Браме не заблагорассудилось снять его с них.

Стыд предпочли апоплексии. «Ведь от нее умирают», — говорили в городе. Итак, от намордников отказались, предоставили сокровищам болтать, и никто от этого не умер.

Глава двадцать третья
Восьмая проба кольца. Истерики

Как мы видели, было время, когда женщины, опасаясь болтовни своих сокровищ, задыхались и чуть не умирали. Но вот наступила другая пора. Они стали выше этого страха, отделались от намордников и начали прибегать только к истерикам.

В числе приближенных фаворитки была одна оригинальная девушка. Она отличалась прелестным, хотя несколько неровным характером. Выражение ее лица менялось десять раз в день, но всякий раз было привлекательно. И в меланхолии, и в веселье она не имела себе равных: в моменты безумной веселости ей приходили в голову очаровательные затеи, а во время приступов грусти у нее были весьма забавные причуды.

Мирзоза до того привыкла к Калироэ, — так звали эту молодую девушку, — что не могла без нее жить. Однажды султан упрекнул фаворитку, что она проявляет какое-то беспокойство и холодок.

— Государь, — отвечала она, несколько сму-

щенная его упреками, — я никуда не гожусь, когда со мной нет моих трех зверушек — чижа, кошки и Калироэ, и вот вы видите, что последней нет со мной…

— Почему же ее здесь нет? — спросил Мангогул.

— Не знаю, — отвечала Мирзоза. — Но несколько месяцев назад она заявила мне, что если Мазул отправится в поход, ей никак не обойтись без истерики. И вот Мазул вчера уехал…

— Ну, это еще терпимо, — заметил султан. — Вот, что называется, хорошо мотивированная истерика. Но почему же бывают истерики у сотни других женщин, у которых совсем молодые мужья и нет недостатка в любовниках?

— Государь, — ответил один из придворных, — это модная болезнь. Впадать в истерику — это хороший тон для женщин. Без любовников и без истерики нельзя вращаться в свете. И в Банзе нет ни одной буржуазки без истерики.

Мангогул улыбнулся и тотчас же решил посетить некоторых из этих истеричек. Он направился прямо к Салике. Он нашел ее в постели, с раскрытой грудью, пылающими глазами и растрепанными волосами. У ее изголовья сидел маленький врач Фарфади, заика и горбун, и рас-

сказывал ей сказки. Она то и дело вытягивала то одну, то другую руку, зевала, вздыхала, проводила рукой по лбу и восклицала страдальческим голосом:

— Ах… Я больше не могу… Откройте окно… Дайте мне воздуху… Я больше не могу… Я умираю…

Мангогул улучил момент, когда Фарфади с помощью взволнованных служанок заменял ее покрывало более легким, и направил на нее перстень. Немедленно услыхали:

— Ах, как мне все это надоело! Видите ли, мадам забрала себе в голову, что у нее истерика. Это будет длиться неделю. Умереть мне на месте, если я знаю, из-за чего все это! Я вижу, какие усилия прилагает Фарфади, чтобы вырвать с корнем это зло, но мне кажется, что он напрасно так усердствует.

— Ладно, — сказал султан, снова повертывая перстень, — у этой истерика на пользу врачу. Посмотрим в другом месте.

Из особняка Салики он направился в особняк Арсинои, который расположен поблизости. Не успел он войти в ее апартаменты, как услыхал громкие раскаты смеха. Он направился к ней, думая, что застанет ее с кем-нибудь. Между тем, она была одна. Мангогул не очень этому удивился.

— Когда женщина закатывает истерику, — сказал он про себя, — она, по-видимому, бывает или грустной, или веселой — как ей заблагорассудится.

Он направил на нее перстень, и внезапно ее сокровище расхохоталось во все горло. От этого необузданного смеха оно резко перешло к забавным ламентациям по поводу отсутствия Нарцеса, которому оно дружески советовало поскорее вернуться, и продолжало с новой силой рыдать, плакать, стонать, вздыхать с таким отчаянием, словно похоронило всех своих близких.

Султан едва сдерживал смех, слушая эти забавные жалобы. Он повернул в другую сторону перстень и отправился домой, предоставив Арсиное и ее сокровищу сетовать на здоровье и решив про себя, что пословица несправедлива.

Глава двадцать четвертая Девятое испытание кольца. Потерянное и найденное (Дополнение к ученому трактату Пансироля[18] и к «Мемуарам» Академии надписей)

Мангогул возвращался в свой дворец, размышляя о смешных причудах женщин. По рассеянности или по прихоти кольца он оказался под портиками великолепного здания, которое Фелиса украсила роскошными гробницами своих любовников. Он воспользовался случаем порасспросить ее сокровище.

Фелиса была женой эмира Самбуко, предки которого царствовали в Гвинее. Самбуко был почитаем в Конго благодаря пяти-шести знаменитым победам, одержанным им над врагами Эргебзеда. Он был искусен в дипломатии так же, как и в военном деле, и его назначали послом в самые ответственные моменты, причем

[18] Примечания: 18

...трактату Пансироля. — Трактат «Rerum memorabilium deperditarum libri» (1599), принадлежавший перу итальянского правоведа, профессора в Турине и Падуе Гвидо Панчироли (1523-1599).

он блестяще справлялся со своей миссией. Он увидал Фелису, вернувшись из Лоанго, и сразу в нее влюбился. В ту пору ему было около пятидесяти лет, Фелисе же — не более двадцати пяти. У нее было больше очарования, чем красоты. Женщины говорили, что она очень хороша, а мужчины находили ее прелестной. Ей представлялось много прекрасных партий, но имелись ли у нее какие-то свои расчеты или же здесь была преградой разница между ее состоянием и состоянием ее воздыхателей, но она отвергла все предложения. Самбуко увидал ее, поверг к ее ногам свои огромные богатства, свое имя, лавры и титулы, уступавшие только монаршьим, — и добился ее руки.

Целых шесть недель после свадьбы Фелиса была или казалась добродетельной. Но сокровище, по природе сладострастное, лишь в редких случаях овладевает собой, и пятидесятилетний муж, хотя бы и признанный герой, будет безрассуден, если вздумает победить этого врага. Хотя Фелиса и была осторожна в своем поведении, ее первые приключения все же получили огласку. Таким образом, были все основания предполагать, что и в дальнейшем у нее были интимные тайны, и Мангогул, желавший добраться до истины,

поспешно прошел из вестибюля ее дворца в ее апартаменты.

Была середина лета, стояла ужасающая жара, и Фелиса после обеда бросилась на кровать в уединенном кабинетике, украшенном зеркалами и фресками. Она спала, и рука ее лежала на томике персидских сказок, нагнавших на нее сон.

Некоторое время Мангогул смотрел на нее; он принужден был признать, что у Фелисы была своя прелесть, и направил на нее перстень.

— Я помню, как сейчас, — немедленно же заговорило ее сокровище, — девять доказательств любви в четыре часа. Ах, какие моменты! Зермунзаид прямо божественен. Это вам не старый ледяной Самбуко. Милый Зермунзаид, до тебя я не знало подлинного наслаждения, истинного блага, — ты научил меня всему этому.

Мангогул, желавший узнать некоторые подробности связи Фелисы с Зермунзаидом, о которых сокровище умалчивало, касаясь лишь того, что больше всего поражает всякое сокровище, — потер алмаз перстня о свой камзол и направил на Фелису засиявший яркими лучами камень. Скоро он оказал действие на сокровище, которое, уразумев, о чем его спрашивают, продолжало более эпическим тоном.

— Самбуко командовал армией Моноэмуги, и я сопровождало его в походе. Зермунзаид служил полковником под его началом, и генерал, удостаивавший его своим доверием, назначил его эскортировать нас. Ревностный Зермунзаид не покинул своего поста: он показался ему настолько приятным, что Зермунзаид и не думал уступать его кому-нибудь другому, и единственно, чего он страшился в продолжение всей кампании, — это потерять свой пост.

В течение зимы я приняло несколько новых гостей: Касиля, Жекия, Альмамума, Язуба, Селима, Манзора, Нерескима, — все это были военные, которые были обязаны своей репутацией Зермунзаиду, но не стоили его. Доверчивый Самбуко возложил охрану добродетели своей жены на нее самое и на Зермунзаида; всецело поглощенный бесконечными перипетиями войны и великими операциями, которые он замышлял во славу Конго, — он ни на мгновение не заподозрил Зермунзаида в измене, а Фелису в неверности.

Война продолжалась; армии снова двинулись в поход, и мы опять сели в паланкины; паланкины продвигались очень медленно; незаметно главная часть войска перегнала нас, и мы оказались в арьергарде, которым командовал Зермунзаид.

Этот славный малый, которого великие опасности никогда не могли совратить с пути славы, не смог противостоять наслаждению. Он поручил своему подчиненному надзор за движениями преследовавшего нас неприятеля и направился к нашему паланкину, но не успел он войти, как мы услыхали заглушенные звуки оружия и крики. Зермунзаид, прервав свою работу, хочет выйти; но вот он простерт на земле, и мы оказываемся во власти победителя.

Итак, я начало с того, что поглотило славу и карьеру офицера, который, благодаря своей храбрости и заслугам, мог рассчитывать на высшие военные посты, если бы не знал жены своего генерала. Более трех тысяч человек погибло в этой переделке. Столько же добрых подданных мы похитили у государства.

Представьте себе изумление Мангогула при этих словах. Он слышал надгробную речь над телом Зермунзаида, и не узнавал полковника в чертах этого портрета. Его отец Эргебзед сожалел об этом офицере. Полученные донесения воздавали последнюю хвалу прекрасному отступлению Зермунзаида, приписывая его поражение и гибель численному превосходству врагов, которых, как там говорилось, было шестеро против одного.

Все Конго скорбело о человеке, так хорошо исполнившем свой долг. Его жена получила пенсию, его старшему сыну поручили командовать полком, а младшему обещали бенефицию.

«Какой ужас! — воскликнул про себя Мангогул. — Супруг обесчещен, государство предано, подданные принесены в жертву; эти преступления никому неизвестны и даже вознаграждены как добродетели, — и все это из-за одного сокровища!»

Сокровище Фелисы, остановившееся, чтобы перевести дыхание, продолжало:

— И вот я оказалось брошенным на произвол неприятеля. Полк драгун готов был ринуться на нас. Фелиса, казалось, была в отчаянии, но на деле только того и желала. Однако прелесть добычи посеяла раздор между мародерами. Засверкали кривые сабли, и тридцать-сорок человек были убиты в мгновение ока. Слух об этих беспорядках дошел до бригадного генерала. Он прибежал, успокоил головорезов и поместил нас под охраной в палатке. Не успели мы опомниться, как он явился просить награду за услуги. «Горе побежденным!» — воскликнула Фелиса, бросаясь навзничь на кровать. И всю ночь она бурно переживала свое несчастье.

На другой день мы очутились на берегу Нигера. Нас поджидал каик[19], и мы с моей хозяйкой отправились на прием к императору Бенена.

Во время этого путешествия, длившегося сутки, капитан судна предложил Фелисе свои услуги, они были приняты, и я познало на опыте, что морская служба бесконечно проворнее сухопутной. Мы предстали перед императором Бенена; он был молод, пылок, сластолюбив. Фелиса одержала над ним победу, но скоро победы мужа испугали ее. Самбуко потребовал мира и должен был отдать три провинции и выкуп за меня.

Иные времена, иные заботы. Не знаю, как Самбуко стали известны причины несчастия предыдущей кампании, но во время новой он поместил меня на границе под опекой своего друга, главы браминов. Святой муж и не думал защищаться. Он пал жертвой коварства Фелисы. Меньше чем в полгода я поглотило его колоссальные доходы, три пруда и два высокоствольных леса.

— Милосердный боже! — воскликнул Мангогул. — Три пруда и два леса. Что за аппетит у этого сокровища!

---

[19] Примечания: 19

Каик — быстроходное гребное судно.

— Это пустяки, — продолжало сокровище. — Мир был заключен, и Фелиса отправилась в Мономотапу, куда ее муж был назначен послом. Она играла в карты и свободно проигрывала сто тысяч цехинов в день, которые я возвращало в один час. Мне попался на зубок один министр, у которого дела его владыки не занимали целиком всего времени; в три-четыре месяца я проглотило его прекрасное именье, дворец, полный мебели, экипаж с маленькими пегими лошадками. Четырехминутную благосклонность нам оплачивали праздниками, презентами, драгоценными камнями, а слепой или политичный Самбуко ничуть не мешал нам.

Я не стану упоминать, — прибавило сокровище, — о герцогствах, графствах, титулах и гербах, блеск которых был омрачен мной. Обратитесь к моему секретарю, и он вам расскажет, что с ними сталось. Я сильно обкарнало вотчину Биафары и владею целой провинцией Белеганцы. На склоне своих лет Эргебзед предложил мне…

При этих словах Мангогул повернул алмаз и заставил замолчать эту бездонную пучину. Он чтил память отца и не хотел слушать ничего такого, что могло омрачить в его сознании блеск великих достоинств, которые он признавал за ним.

Вернувшись в свой сераль, он рассказал фаворитке об истеричках и об испытании, произведенном над Фелисой.

— Вы считаете эту женщину своей подругой, — сказал он, — а между тем не знаете ее интимной жизни так, как я.

— Понимаю, повелитель, — отвечала султанша. — Вероятно, ее сокровище глупо выболтало вам ее похождения с генералом Микокофом, эмиром Феридуром, сенатором Марзуфой и великим брамином Рамадануцио. Ну, что ж! Кто не знает, что она содержит молодого Аламира и что старому Самбуко, который не говорит ни слова, все это известно не хуже, чем вам?

— Не об этом речь, — возразил Мангогул. — Я только что заставил ее сокровище изрыгнуть все проглоченное им.

— Разве оно что-нибудь у вас похитило? — спросила Мирзоза.

— У меня ничего, — ответил султан, — но очень многое у моих подданных. У магнатов моей империи, у соседних властителей: земли, провинции, дворцы, пруды, леса, брильянты, экипажи с гнедыми конями.

— Не считая репутаций и добродетелей, — прибавила Мирзоза. — Не знаю, какие выгоды

принесет вам ваше кольцо, но чем больше вы производите с ним опытов, тем противнее становится мне мой пол — в том числе даже те, которых я считала достойными некоторого уважения. Я испытываю такое негодование против них, что прощу ваше величество предоставить меня на несколько минут моим чувствам.

Мангогул, зная, что фаворитка, ненавидит всякое принуждение, трижды поцеловал ее в правое ухо и удалился.

Глава двадцать пятая
Образчик морали Мангогула

Мангогулу не терпелось увидать фаворитку. Он плохо спал, встал раньше обыкновенного и на рассвете направился к ней. Она уже успела позвонить, и горничные пришли поднять занавески и собирались ее одевать. Султан внимательно осмотрел комнату и, заметив, что там нет собак, спросил о причине странного обстоятельства.

— Вы думаете, — отвечала Мирзоза, — что я проявляю в этом оригинальность, а между тем, ничего подобного.

— Уверяю вас, — возразил султан, — что у всех моих придворных дам я видел собак. Вы вынуждаете меня узнать, почему у них есть собаки, а у вас нет. У многих из них даже по нескольку собак. И все без исключения расточают псам такие ласки, какие едва ли оказывают любовникам. Чему обязаны эти животные таким предпочтением? На что они нужны?

Мирзоза не знала, что ответить на этот вопрос.

— Дело в том, — сказала она, — что иметь собаку то же, что иметь попугая или чижа. Может

быть, и смешно привязываться к животным, но нет ничего странного в том, что их держат в доме: они иногда забавляют и никогда не вредят нам. Если их ласкают, то потому, что такие ласки не имеют последствий. К тому же, неужели вы думаете, государь, что любовник удовлетворится поцелуем, какой дает женщина своей болонке?

— Конечно, я так думаю, — заявил султан. — Черт возьми, он должен быть очень требовательным, чтобы не удовлетвориться этим.

Одна из горничных Мирзозы, снискавшая любовь султана и фаворитки своей кротостью, одаренностью и усердием, заметила:

— Эти животные несносны и нечистоплотны: они пачкают платья, портят мебель, рвут кружева и за какие-нибудь четверть часа натворят таких бед, за какие попала бы в немилость самая образцовая горничная, а между тем, их терпят.

— Хотя, как утверждает госпожа, они больше ни на что не годны, — прибавил султан.

— Государь, — отвечала Мирзоза, — нам дороги наши причуды, а иметь болонку — такая же причуда, как и сотни других; если бы можно было отдать себе в них отчет, они перестали бы быть причудами. Царство обезьян кончилось; попугайчики еще держатся. Собаки были низ-

вергнуты, но вот они снова поднимаются. Белка тоже пережила пору своего величия; моды на животных так же изменчивы и преходящи, как на итальянский, английский языки, геометрию, сборки и фалбалы.

— Мирзоза, — возразил султан, качая головой, — недостаточно об этом осведомлена, и сокровище…

— Надеюсь, ваше высочество не рассчитываете узнать у сокровища Гарии, почему эта женщина, не пролившая ни слезинки при смерти сына, одной из дочерей и мужа, оплакивала полмесяца потерю своего мопса.

— А почему бы и нет? — спросил Мангогул.

— Честное слово, — сказала Мирзоза, — если бы наши сокровища могли объяснить все наши причуды, — они оказались бы осведомленнее нас.

— А кто же будет оспаривать? — продолжал султан. — Я думаю, что сокровище заставляет женщину вытворять сотни вещей без ее ведома. И я замечал не раз, как женщина, которая воображает, что повинуется разуму, на деле повинуется своему сокровищу. Один великий фи-

лософ[20] помещал душу — разумеется, мужскую — в шишковидную железу. Если бы я допускал ее у женщин, я уж знаю, где поместил бы ее.

— Не трудитесь, пожалуйста, мне об этом рассказывать, — поспешно заметила Мирзоза.

— Но вы мне разрешите, по крайней мере, — сказал Мангогул, — поделиться с вами некоторыми доводами в пользу существования души у женщин, которые внушило мне мое кольцо. Испытания, которые я производил с помощью его, сделали из меня великого моралиста. Я не обладаю ни остроумием Лабрюйера, ни логикой Пор-Рояля, ни воображением Монтеня, ни мудростью Шаррона[21], и тем не менее, мне удалось собрать факты, быть может, им недостававшие.

— Говорите, государь, — иронически сказала Мирзоза. — Я буду — вся внимание. Образчик морали султана вашего возраста, конечно, весьма любопытная вещь.

— Теория Оркотома весьма эксцентрична, — не в обиду будь сказано его знаменитому собрату

---

[20] Примечания: 20

Один великий философ... — Рене Декарт в «Трактате о человеке» разделял точку зрения древнеримского врача Галена, полагавшего, что душа помещается в шишковидной железе.

[21] Примечания: 21

Шаррон Пьер (1541-1603) — французский моралист друг Мишеля Монтеня.

Ирагу. А между тем, я нахожу глубокий смысл в ответах, которые он дал на полученные им возражения. Если бы я допускал у женщин душу, я охотно бы допустил вместе с ним, что сокровища высказывались всегда, правда, шепотом, и что кольцо гения Кукуфы заставило их лишь повысить тон. С такой предпосылкой нет ничего легче как определить всех вас самым точным образом.

Например, мудрая женщина — это та, которая обладает немым сокровищем или же не слушает его.

Неприступная — та, которая делает вид, что не слушает своего сокровища.

Легкомысленная — та, от которой сокровище требует многого и которая слишком ему поддается.

Сладострастная — та, которая охотно слушает свое сокровище.

Куртизанка — та, к которой ее сокровище пристает каждую минуту и которая ни в чем ему не отказывает.

Кокетка — та, которая обладает или немым сокровищем или же не слушает его, но вместе с тем подает всем приближающимся к ней мужчинам надежду на то, что ее сокровище однажды заговорит, и она будет притворяться немой.

Скажите, услада моей души, как вы находите мои определения?

— Мне думается, — сказала фаворитка, — что ваше высочество забыли о чувствительной женщине.

— Я не упомянул о ней потому, — отвечал султан, — что мне еще не вполне ясно, что это такое; опытные люди утверждают, что слово «чувствительная» вне связи с сокровищем лишено всякого смысла.

— Как! Лишено смысла! — воскликнула Мирзоза. — Как! Неужели же нет ничего среднего, и женщина непременно должна быть или недоступной, или легкого поведения, или кокеткой, или сладострастной, или куртизанкой?

— Услада моей души, — сказал султан, — я готов признать недостаточность моей классификации и включу чувствительную женщину в число названных характеров, но при условии, что вы мне дадите такое определение, какое бы не совпадало ни с одним из моих.

— Весьма охотно, — отвечала Мирзоза. — Я надеюсь справиться с этой задачей, не выходя из рамок вашей теории.

— Посмотрим, — сказал Мангогул.

— Ну, вот, — продолжала фаворитка, — чув-

ствительная женщина — это та…

— Смелее, Мирзоза, — сказал Мангогул.

— О! Не мешайте мне, пожалуйста. Чувствительная женщина — это та… которая любит, а между тем, ее сокровище молчит, или… та, сокровище которой высказывалось лишь в пользу человека, которого она любит.

Со стороны султана было бы недостатком любезности придраться к фаворитке и спрашивать, что она разумеет под словом «любить». Итак, он промолчал. Мирзоза приняла его молчание за знак согласия и прибавила, гордясь тем, что так ловко вышла из затруднительного положения:

— Вы, мужчины, думаете, что если мы не аргументируем, так это потому, что не рассуждаем. Узнайте же раз и навсегда, что мы, если только пожелаем, легко обнаружим фальшь ваших парадоксов, как вы выискиваете ошибки в наших доводах. Если бы ваше высочество не спешили удовлетворить свое любопытство по части болонок, я вам дала бы, со своей стороны, образчик моей философии. Но вы ничего не потеряете. Мы отложили это на один из дней, когда у вас будет больше свободного времени для меня.

Мангогул отвечал, что он только и мечтает о том, чтобы познакомиться с ее философскими

идеями, и что метафизика двадцатидвухлетней султанши должна быть не менее своеобразной, чем мораль султана его возраста.

Но Мирзоза, понимая, что это только любезность со стороны Мангогула, попросила у него некоторой отсрочки на подготовку и дала, таким образом, султану предлог устремиться туда, куда влекло его любопытство.

Глава двадцать шестая
Десятая проба кольца. Болонки

Мангогул немедленно же перенесся к Гарии; по своей привычке говорить в одиночестве, он так рассуждал сам с собой: «Эта женщина всякий раз ложится спать со своими четырьмя комнатными собаками; либо сокровища ничего не знают об этих животных, либо ее сокровище кое-что расскажет мне о них; ведь, слава богу, всем известно, что она любит своих собак до обожания».

Оканчивая этот монолог, он очутился в вестибюле Гарии. Он уже предчувствовал, что она отдыхает в своей обычной компании. Это были: маленькая болонка, датский дог и два мопса. Султан вынул табакерку, задал себе две понюшки испанского табаку и приблизился к Гарии. Она спала, но собачонки, у которых слух был настороженный, услыхали какой-то шум, залаяли, и она проснулась.

— Молчите, детки, — сказала она им таким нежным тоном, что можно было заподозрить, будто она говорит со своими дочками. — Спите,

не тревожьте меня и самих себя.

В свое время Гария была молода и красива; у нее были любовники соответствующего ранга, но они исчезли еще скорее, чем прелести. Чтобы утешиться в своем одиночестве, она ударилась в какую-то причудливую роскошь, и ее лакеи были самыми элегантными в Банзе. Время шло, она все старилась. Годы вызвали у нее реформу; она ограничила свой штат четырьмя собаками и двумя браминами и сделалась образцом чопорности. В самом деле, ее не могло коснуться даже самое ядовитое жало сатиры, и уже более десяти лет Гария мирно наслаждалась репутацией добродетели и своими животными. Было известно, что Гария испытывает повышенную нежность к болонкам, и нельзя было заподозрить, что ее хватит на долю браминов.

Гария повторила свою просьбу животным, и они имели любезность послушаться. Тогда Мангогул коснулся рукой своего перстня, и престарелое сокровище начало рассказывать о своем последнем приключении. Его первые похождения происходили так давно, что оно едва о них помнило.

— Удались, Медор, — сказало сокровище хриплым голосом. — Ты меня утомляешь. Я предпочи-

таю Лизетту, я нахожу ее более нежной.

Медор, которому был незнаком голос сокровища, продолжал свое дело. Но Гария, просыпаясь, сказала:

— Убирайся же, маленький негодяй, — ты мне не даешь отдохнуть. Иногда это и хорошо, но сейчас, право, слишком.

Медор удалился, Лизетта заняла его место, и Гария опять заснула.

Мангогул, приостановивший на несколько минут действие кольца, снова повернул алмаз, и древнее сокровище, глубоко вздохнув, продолжало болтать.

— Ах, как я огорчено смертью большой левретки! Это была прелестнейшая в мире маленькая женщина, самое ласковое создание, она не переставала меня забавлять. Сколько ума и нежности! Вы настоящие животные по сравнению с ней! Этот негодяй убил ее… Бедная Зензолина! Как только подумаю о ней, слезы навертываются на глаза… Я думало, что моя хозяйка умрет от огорчения. Два дня она ничего не пила и не ела. У нее в голове мутилось. Судите о ее горе. Ни духовник, ни друзья, ни болонка не смели ко мне приближаться. Прислужницам был отдан приказ под страхом увольнения не допускать супруга

в ее апартаменты. «Это чудовище лишило меня Зензолины, — восклицала она. — Пусть он не приходит, я больше не желаю его видеть».

Мангогул, которого брало любопытство узнать обстоятельства смерти Зензолины, усилил магнетическое действие перстня, потерев его о полу своего камзола, затем направил его на Гарию. Сокровище продолжало:

— Лишившись первого мужа, Рамадека, Гария влюбилась в Сендора. Этот молодой человек был высокого рода, беден, но обладал одним качеством, которое очень нравится женщинам и которое после болонок было всего более по вкусу Гарии. Нищета победила отвращение Сендора к возрасту и собакам Гарии. Двадцать тысяч экю годового дохода примирили его с морщинами хозяйки и с необходимостью терпеть болонок. Он женился на ней.

Он льстил себя надеждой, что возьмет верх над животными благодаря своим талантам и любезности и ему удастся навлечь на них опалу с первых же дней его царствования. Но он ошибся. Через несколько месяцев, считая свое положение упроченным, он решился поставить на вид хозяйке, что собаки в кровати для него далеко не такая приятная компания, как для нее, что

смешно иметь больше трех псов и что допускать на брачное ложе больше одного зараз значит превратить это ложе в конуру.

«Советую вам, — ответила Гария сердитым тоном, — обращаться и впредь ко мне с подобными речами. В самом деле, как это к лицу несчастному гасконскому дворянину, которого я извлекла из конуры, негодной для моих собак, изображать из себя неженку! Вероятно, вам специально душили простыни, мой милый, когда вы жили в меблирашках. Знайте же раз навсегда, что собаки гораздо раньше вас вступили в обладание моим ложем, и вы можете убираться отсюда, если не желаете разделять его с ними».

Декларация была очень определенной, и собаки остались хозяевами положения. Но вот однажды ночью, когда мы все спали, Сендор, повернувшись, нечаянно толкнул ногой Зензолину. Левретка, не привыкшая к такому обращению, укусила его в ляжку, и хозяйка была тотчас же разбужена криками Сендора.

«Что с вами, сударь? — спросила она его. — Можно подумать, что вас режут. Вам приснилось что-нибудь?»

«Меня терзают ваши собаки, сударыня, — отвечал он. — Ваша левретка только что выела у меня

кусок ляжки».

«Только и всего! — заметила Гария, переворачиваясь на другой бок. — Стоит шуметь из-за таких пустяков!»

Задетый этими словами, Сендор спрыгнул с кровати, поклявшись, что он не ляжет на нее, пока оттуда не будет изгнана свора. Он прибег к помощи их общих друзей, чтоб добиться изгнания псов, однако все они потерпели неудачу в этих серьезных переговорах. Гария им отвечала, что Сендор — ветрогон, которого она извлекла с чердака, где он жил с мышами и крысами; что ему не подобает разыгрывать привередника; что он спал все ночи напролет; что она любит своих собак; что они ее забавляют; что она привыкла к их ласкам с самого раннего детства, и что она решила не расставаться с ними до самой смерти.

«Передайте ему еще, — продолжала она, обращаясь к посредникам, — что если он не покорится моей воле, он будет об этом жалеть всю жизнь; что я уничтожу дарственную запись, которую сделала на его имя, и прибавлю эти деньги к сумме, какую оставлю на содержание моих дорогих деток».

— Между нами говоря, — прибавило сокровище, — этот Сендор был, конечно, круглым

дураком, раз он воображал, что ради него сделают то, чего не могли добиться двадцать любовников, духовник, исповедник и целая серия браминов, которые даром потратили на это свою латынь. Между тем, всякий раз как Сендор встречался с нашими животными, на него находили приступы ярости, которые он с трудом сдерживал. Однажды несчастная Зензолина попалась ему под руку. Он схватил ее за ошейник и вышвырнул в окно; бедное животное разбилось насмерть. Ну и задали же тогда шуму. Гария с пылающим лицом, с глазами, полными слез…

Сокровище собиралось повторить уже рассказанное им раньше, ибо сокровища охотно впадают в повторения, но Мангогул пресек его речь. Однако молчание не было продолжительным. Решив, что болтливое сокровище уже сбито со следа, государь вернул ему способность речи, и пустомеля, разразившись смехом, продолжало как бы припоминая:

— Между прочим, я забыло вам рассказать, что случилось в первую брачную ночь Гарии. Много смешного приходилось мне видеть на моем веку, но ничто не может с этим сравниться. После торжественного ужина супругов ведут в их апартаменты; все удаляются, кроме горничных,

которые раздевают госпожу. Вот она раздета. Ее укладывают в кровать, и Сендор остается наедине с ней. Заметив, что более проворные, чем он, болонки, мопсы и левретка завладевают его супругой, он сказал:

«Позвольте мне, сударыня, немного отстранить этих моих соперников».

«Мой милый, делайте, что сможете, — отвечала Гария, — а у меня, право, не хватает мужества их прогнать. Эти зверушки так привязались ко мне, и уже давно у меня нет другой компании, кроме них».

«Может быть, — продолжал Сендор, — у них хватит любезности уступить сегодня место, которое подобает занимать мне».

Глава двадцать седьмая
Одиннадцатое испытание кольца.
Пенсии

В царствование Каноглу и Эргебзеда Конго потрясали кровавые войны, и оба эти монарха обессмертили себя завоеваниями различных провинций в соседних странах. Императоры Абекса и Анготы, учитывая молодость Мангогула и его неопытность в делах правления, решили, что конъюнктура благоприятна для отвоевания утраченных ими провинций. Итак, они объявили войну Конго и напали на него со всех сторон. Совет Мангогула был лучший в Африке. Старый Самбуко и эмир Мирзала, участвовавшие в прежних войнах, были поставлены во главе войск; они одерживали победы за победами и создали новых генералов, способных их замещать, — обстоятельство еще более важное, чем их успехи.

Благодаря бдительности совета и достойному поведению генералов, враг, намеревавшийся завладеть государством, даже не приблизился к нашим границам, не смог защитить свои

собственные, и его города и провинции были опустошены.

Однако, несмотря на славу и непрестанные успехи, Конго теряло силы, увеличиваясь в объеме. Вследствие постоянных наборов, города и деревни обезлюдели, казна была истощена.

Осада и битвы были весьма кровопролитны. Великий визирь не щадил крови солдат, и его обвиняли в том, что он завязывал сражения, ни к чему не приводившие. Все семьи были в трауре: здесь оплакивали отца, тут брата, там друга. Число убитых офицеров было огромно, и его можно было сравнить только с числом их вдов, которые хлопотали о пенсиях. Кабинеты министров прямо осаждались ими. Они засыпали султана прошениями, где неизменно говорилось о заслугах и карьере покойных, о скорби их вдов, о печальном положении детей и других трогательных вещах. Казалось, нет ничего справедливее их просьб; но откуда достать деньги для пенсий, общая сумма которых составляла миллионы?

Исчерпав высокие слова, а иной раз досаду и желчные речи, министры стали обсуждать, как им покончить с этим вопросом. Однако у них были весьма веские основания никак его не разрешать: в казне не было ни гроша.

Мангогул, которому надоели дурацкие рассуждения министров и жалобы вдов, нашел, наконец, средство, которое давно уже искал.

— Господа, — сказал он в совете, — мне кажется, что, прежде чем назначать пенсии, нужно установить, действительно ли их заслуживают просительницы…

— Такого рода расследование, — отвечал великий сенешал, — потребует огромного труда и бесконечных обсуждений. А между тем, что нам делать с этими женщинами, которые преследуют нас своими просьбами, криками и надоедают вам больше чем кому-либо, государь?

— Справиться с ними будет не так трудно, как вам кажется, господин сенешал, — возразил султан, — и я обещаю вам, что завтра к полудню все будет улажено согласно требованиям самой строгой справедливости. Заставьте только их явиться ко мне на аудиенцию к девяти часам.

Заседание совета окончилось; сенешал вернулся в свой кабинет, погрузился в глубокое раздумье и затем набросал следующее воззвание, которое три часа спустя было напечатано, оглашено при звуках труб и расклеено на всех перекрестках Банзы:

«Указ султана
и господина великого сенешала.

Мы, Птицеклюв, великий сенешал Конго, визирь первого ранга, шлейфоносец великой Манимонбанды, глава и верховный надзиратель над всеми метельщиками дивана, доводим сим до сведения, что завтра в девять часов утра великодушный султан даст аудиенцию вдовам офицеров, погибших при исполнении служебных обязанностей, – затем, чтобы, рассмотрев их просьбы, вынести справедливое решение. Издан в нашей сенешалии, 12 числа месяца редисаб 147200000009 года».

Все безутешные вдовы Конго, — а их было много, — не преминули прочесть это объявление или заставили прочесть своих лакеев, и, само собой разумеется, в назначенный час они собрались в вестибюле перед тронным залом.

— Чтобы избежать сутолоки, — сказал султан, — пусть допускают ко мне только по шести дам зараз. Когда мы их выслушаем, им растворят дверь в глубине зала, которая выходит во внешние дворы. Будьте же внимательны, господа, и

вынесите решение по существу их требований.

Сказав это, он подал знак обер-актуарию, и были введены шесть вдов, стоявших ближе всего к двери. Они вошли в траурных платьях со шлейфами и отвесили глубокий поклон его высочеству.

Мангогул обратился к самой молодой и самой красивой. Ее звали Изек.

— Сударыня, — спросил он, — давно ли вы потеряли своего мужа?

— Три месяца назад, государь, — отвечала Изек, плача. — Он был генерал-поручик на службе вашего высочества. Он был убит в последнем сражении, и шесть человек детей — вот все, что мне осталось от него.

— От него? — произнес голос, который, хотя и исходил от Изек, но по тембру отличался от ее собственного. — Сударыня говорит не все, что ей известно. Все они были начаты и доделаны молодым брамином, который приходил ее утешать, пока хозяин был в походе.

Легко угадать, откуда исходил нескромный голос, давший такой ответ. Бедная Изек страшно смутилась, побледнела и, пошатнувшись, упала в обморок.

— Сударыня подвержена истерикам, — спокойно сказал Мангогул. — Перенести ее в одну из

комнат сераля и оказать ей помощь.

Затем, обратившись к Фенисе, он спросил:

— Сударыня, ваш муж был пашой?

— Да, государь, — отвечала Фениса дрожащим голосом.

— И как вы его потеряли?

— Государь, он умер в своей постели, измученный трудностями последнего похода…

— Трудностями последнего похода?.. — подхватило сокровище Фенисы. — Будет вам, сударыня! Ваш муж вернулся из похода здравым и невредимым. Он бы и теперь здравствовал, если бы два или три прохвоста… Вы меня понимаете. Подумайте же о себе.

— Запишите, — сказал султан, — что Фениса просит о пенсии в виду личных заслуг перед государством и собственным супругом.

Третью спросили о возрасте и имени ее мужа, умершего, как говорили, от черной оспы в армии.

— От черной оспы? — воскликнуло сокровище. — Нет, совсем от другой болезни! Скажите лучше, сударыня, от пары добрых ударов саблей, полученных от санджака Кавальи за то, что ему не нравилось поразительное сходство его старшего сына с санджаком. И сударыня знает не

хуже меня, — добавило сокровище, — что на этот раз были все основания для такого сходства.

Четвертая хотела заговорить, не дожидаясь вопроса Мангогула, когда из-под юбок раздался голос ее сокровища, сообщавший о том, что десять лет, пока длилась война, она не теряла времени даром, что обязанности мужа выполняли при ней два пажа и продувной плут-лакей, и что она, без сомнения, предназначает пенсию, о которой хлопочет, на содержание одного актера комической оперы.

Пятая бесстрашно выступила вперед и уверенным тоном попросила о вознаграждении заслуг ее покойного супруга, аги янычаров, сложившего голову у стен Мататраса. Султан направил на нее алмаз, но напрасно. Ее сокровище безмолвствовало. «Надо сознаться, — говорит африканский автор, — что она была до того безобразна, что все удивились бы, если бы у ее сокровища было что рассказать».

Мангогул занялся шестой, и вот подлинные слова ее сокровища:

— В самом деле, у сударыни есть все основания хлопотать о пенсии, — сказало оно о той, чье сокровище упорно хранило молчание, ведь она живет карточной игрой. Она содержит игорный

дом, который приносит ей более трех тысяч цехинов годового доходу. К тому же, она устраивает интимные ужины на счет игроков и получила шестьсот цехинов от Османа за то, что пригласила меня на один из таких ужинов, где изменник Осман…

— Ваши просьбы, сударыни, будут удовлетворены, — сказал султан, — теперь вы можете удалиться.

Затем, обращаясь к советникам, он спросил их, не находят ли они смешным назначать пенсию ораве незаконных детей браминов и женщинам, которые порочили честь добрых людей, искавших славы на службе султана, не щадя жизни.

Сенешал поднялся, стал отвечать, разглагольствовать, резюмировать и высказывать свое мнение, по обыкновению, в самых неясных выражениях. Пока он говорил, Изек очнулась от обморока; она была в ярости от своего злоключения, больше не надеясь на пенсию, но пришла бы в отчаяние, если бы ее получила какая-нибудь другая, что, по всей вероятности, должно было случиться; и вот она вернулась в вестибюль и шепнула на ухо двум-трем подругам, что их собрали сюда лишь для того, чтобы послушать болтовню их сокровищ; что она сама слышала

в аудиенц-зале, как одно из них выкладывало разные ужасы; что она не назовет его имени, но, конечно, надо быть круглой дурой, чтобы подвергаться такому риску.

Это предостережение быстро передавалось из уст в уста и разогнало толпу вдов. Когда актуарий вторично распахнул дверь — он не нашел ни одной.

Извещенный об их бегстве, Мангогул спросил сенешала, хлопнув добряка по плечу:

— Ну, вот, сенешал, будете вы мне верить в другой раз? Я вам обещал избавить вас от всех этих плакальщиц, — и вот вы от них избавились. А между тем, они были очень расположены увиваться за вами, несмотря на то, что вам уже стукнуло девяносто пять лет. Но каковы бы ни были ваши претензии по отношению к ним, — а мне известно, насколько они были обоснованы, — я полагаю, что вы будете мне благодарны за их изгнание. Они доставляли вам больше хлопот, чем удовольствия.

Африканский автор сообщает нам, что в Конго до сих пор сохранилось воспоминание об этом испытании и что по этой причине правительство Конго так туго назначает пенсии. Однако это не было единственным положительным результа-

том действия кольца Кукуфы, как мы увидим в следующей главе.

Глава двадцать восьмая
Двенадцатое испытание кольца. Вопросы права

Изнасилование подвергалось в Конго суровой каре. И вот произошел один очень громкий случай такого рода в царствование Мангогула. Этот государь, вступая на престол, поклялся, как и все его предшественники, что не будет прощать такого рода преступления; однако, как ни суровы законы, они не останавливают тех, кто особенно заинтересован в их нарушении. Виновного приговаривали к лишению той части тела, посредством которой он согрешил, — жестокая операция, обычно смертельная для подвергавшихся ей; производивший ее не принимал таких предосторожностей, как Пти[22].

Керсаэль молодой человек знатного рода, уже полгода изнывал в стенах тюрьмы в ожидании такой кары. Фатима, молодая и красивая женщина, оказалась его Лукрецией и вместе с

---

[22] Примечания: 22

Пти Жан Луи (1674-1750) — французский хирург и анатом, известный трудами по практической медицине, создал кровоостанавливающий турникет. Имя Ж.Пти носит поясничный треугольник.

тем обвинительницей. Они были в интимных отношениях, и это всем было известно. Снисходительный супруг Фатимы не возражал против их близости. Поэтому со стороны общества было бы прямо невежливо вмешиваться в их дела.

После двух лет спокойной связи, по своему непостоянству или в силу охлаждения к Фатиме, Керсаэль увлекся танцовщицей оперного театра Банзы и стал пренебрегать Фатимой, не разрывая, однако, открыто с ней связи Ему хотелось, чтобы его уход обошелся без скандала, и это заставляло его еще посещать их дом. Фатима, разъяренная его изменой, стала обдумывать план мести и воспользовалась все еще длившимися посещениями молодого человека, чтобы его погубить.

Однажды, когда покладистый супруг оставил их одних, Керсаэль, сняв саблю, старался усыпить подозрения Фатимы уверениями, которые ничего не стоят любовникам, но никогда не могут убедить встревоженную подозрениями женщину. Внезапно Фатима, с блуждающим взглядом, быстрыми движениями привела в беспорядок свой наряд и стала испускать ужасные крики, призывая на помощь супруга и слуг, которые прибежали и стали свидетелями оскорбления, нанесенного ей, по ее словам, Керсаэлем. Она

показала им саблю, говоря:

— Мерзавец десять раз заносил ее над моей головой, чтобы заставить меня покориться его желаниям.

У молодого человека, ошеломленного коварством обвинения, не хватило сил ни отвечать, ни убежать. Его схватили, отвели в тюрьму, и над ним должно было совершиться правосудие кадилескера[23].

Закон требовал, чтобы Фатима подверглась освидетельствованию; ее осмотрели, и отчет матрон оказался весьма неблагоприятным для обвиняемого. Они руководствовались формуляром для определения факта изнасилования, и все необходимые условия оказались налицо и говорили против Керсаэля. Судьи подвергли его допросу; ему дали очную ставку с Фатимой; выслушали свидетелей. Напрасно он заявлял о своей невиновности, отрицал факт преступления и доказывал, что женщина, с которой он был два года в связи, не могла быть изнасилована; наличие сабли, их свидание с глазу на глаз, крики Фатимы, смущение Керсаэля при виде супруга и слуг — все это были, по мнению судей, весьма вес-

---

[23] Примечания: 23
Военного судьи.

кие презумпции. Со своей стороны, Фатима, и не думавшая сознаваться в своей благосклонности к Керсаэлю, говорила, что не подавала ему и тени надежды, и утверждала, что ее упорная верность своему долгу, от которого она никогда не уклонялась, побудила Керсаэля вырвать у нее силой то, чего он уже не надеялся добиться путем соблазна. К тому же, протокол дуэний был весьма грозен. Стоило его пробежать и сличить с различными пунктами уголовного кодекса, чтобы прочитать приговор несчастному Керсаэлю. Он не ждал спасения ни от своей защитительной речи, ни от своей семьи, пользовавшейся влиянием, и магистрат назначил вынесение окончательного приговора по его процессу на тринадцатое число месяца регеб. Об этом было даже возвещено народу, согласно обычаю, при звуках труб. Это событие было предметом разговоров и долго занимало все умы. Какие-то старые дуры, которым никогда не грозило изнасилование, ходили по городу, крича, что преступление Керсаэля ужасно, что он должен быть сурово наказан в назидание другим, а не то невинность больше не будет в безопасности, и честная женщина подвергнется риску быть оскорбленной чуть не у подножия алтаря. Затем они рассказывали о случаях, когда юные нагле-

цы покушались на некоторых почтенных дам; подробности, которые они при этом приводили, не оставляли сомнений в том, что «почтенные дамы» были они сами. Все это было предметом назидательных бесед между браминами, далеко не такими невинными, как Керсаэль, и ханжами, столь же добродетельными, как и Фатима.

Петиметры же и некоторые щеголихи, наоборот, утверждали, что изнасилование — чистая химера, что сдаются лишь на капитуляцию и что если какое-нибудь место хотят защитить, совершенно невозможно овладеть им силой. В подтверждение этого приводились примеры; женщинам были известны подобные факты, петиметры их изобретали; не переставали называть имена женщин, которых не удалось изнасиловать.

— Бедняга Керсаэль, — говорил один, — какой черт дернул его соблазниться маленькой Бимбрелок (так звали танцовщицу)! Держался бы уж своей Фатимы. Они так хорошо устроились; муж предоставлял им идти своей дорогой, — ну, прямо блаженство!.. Эти ведьмы-матроны плохо надели свои очки и ни черта не разглядели! Да и кто там сможет разобраться? И вот господа сенаторы лишат его наслаждений только из-за

того, что он ломился в открытую дверь. Бедный малый не переживет этого, без всякого сомнения. Подумайте только, ведь после такого прецедента мстительным женщинам будет решительно все позволено.

— Если эта казнь совершится, — прерывал его другой, — я стану франкмасоном.

Мирзоза, от природы сострадательная, поставила на вид султану, который прохаживался насчет будущего состояния Керсаэля, что, если законы говорят против молодого человека, то здравый смысл свидетельствует против Фатимы.

— Слыханное ли это дело, — прибавила она, — чтобы в просвещенном государстве так рабски следовали букве закона: простого показания потерпевшей достаточно, чтобы подвергнуть опасности жизнь гражданина! Факта изнасилования ведь нельзя констатировать, и вы согласитесь, государь, что этот факт подлежит компетенции вашего кольца не менее, чем ваших сенаторов. Было бы довольно странно, если бы матроны знали об этом предмете больше самих сокровищ. До сих пор, государь, кольцо служило почти исключительно удовлетворению любопытства вашего высочества. Но не задавался ли более высокой целью вручивший вам его гений?

Если вы его используете в целях раскрытия истины и ради блага ваших подданных — неужели вы этим обидите Кукуфу? Попробуйте же! У вас в руках самое верное средство вырвать у Фатимы признание в преступлении или же доказательство ее невиновности.

— Вы правы, — заметил Мангогул, — и вы будете удовлетворены.

Султан тотчас же отправился к Фатиме; нельзя было терять времени, так как был уже вечер 12 числа месяца регеб, а сенат должен был вынести свой приговор 13-го. Фатима только что легла в кровать. Занавески были полуоткрыты. Свеча бросала тусклый свет на ее лицо. Она показалась султану красивой, несмотря на крайнее волнение, искажавшее ее черты. В ее глазах отражались сострадание и ненависть, скорбь и радость мщения, дерзость и стыд, сменявшиеся в ее сердце. Она испускала глубокие вздохи, проливала слезы, осушала их и снова лила; замирала на несколько мгновений, уронив голову и опустив глаза, потом резко вскидывала голову и метала к небесам яростные взгляды. Что же делал меж тем Мангогул? Он говорил сам с собой:

«Все симптомы отчаяния налицо. Ее былая нежность к Керсаэлю пробудилась с новой силой.

Она забыла нанесенное ей оскорбление и думает лишь о пытке, ожидающей ее любовника». При этих словах он направил на Фатиму роковое кольцо, и ее сокровище воскликнуло порывисто:

— Еще двенадцать часов — и мы будем отомщены. Он погибнет, изменник, неблагодарный, и его кровь прольется…

Фатима, испуганная каким-то необычайным движением в своем теле и пораженная глухим голосом своего сокровища, закрыла его обеими руками, считая долгом пресечь его речь. Но действие кольца не ослабевало, и непокорное сокровище, устраняя препятствие, продолжало:

— Да, мы будем отомщены! О ты, предавший меня, несчастный Керсаэль, умри! А ты, Бимбрелок, которую он предпочел мне, предавайся отчаянию… Еще двенадцать часов! О, до чего долгим покажется мне это время! Скорей наступайте сладостные мгновения, когда я увижу изменника, неблагодарного Керсаэля, под ножом, увижу, как прольется его кровь… Что я сказало, несчастный! Я увижу, не дрогнув, как погибнет предмет, который я больше всего люблю. Я увижу занесенный над ним зловещий нож… Нет, прочь, жестокая мысль!.. Правда, он меня ненавидит, он меня бросил ради Бимбрелок, но может быть,

когда-нибудь… Что я говорю — может быть! Любовь, без сомнения, подчинит его моей власти. Эта маленькая Бимбрелок — не более как мимолетная прихоть. Рано или поздно он, конечно, убедится в том, что напрасно предпочел ее, и найдет свой выбор смешным. Утешься, Фатима, ты снова увидишь своего Керсаэля. Да, ты его увидишь! Вставай живее, лети, спеши отвратить от него ужасную опасность, ему угрожающую. Неужели ты не боишься опоздать?.. Но куда я побегу, подлая душонка? Не доказывает ли мне презрение Керсаэля, что он покинул меня навсегда? Бимбрелок им владеет, и я спасу его лишь для нее. Нет! Пусть лучше он погибнет тысячу раз! Если он больше не живет для меня, не все ли мне равно, жив он или мертв? Да, я чувствую, что мой гнев справедлив. Неблагодарный Керсаэль вполне заслужил мою ненависть. Я больше ни в чем не раскаиваюсь. Раньше я все делало, чтобы его сохранить, теперь я сделаю все, чтобы его погубить. А между тем, днем позже моя месть не удалась бы. Но его злой гений предал его мне в тот самый момент, когда он ускользал от меня. Он попался в западню, которую я ему подстроило. Он в моих руках. Ты думал, что свидание, на которое мне удалось тебя завлечь, было последним,

но ты не скоро его забудешь… Как ловко тебе удалось завлечь его, куда ты хотела! О Фатима, как хорошо был подготовлен беспорядок в твоей одежде! Твои крики, твоя скорбь, твои слезы, твое смятение, — все это, включая твое молчание, погубило Керсаэля. Ничто не в силах избавить его от ожидающей его участи. Керсаэль погиб… Ты плачешь, несчастная! Ведь он любил другую, — лучше ему не жить!

Эти речи навели ужас на Мангогула, он повернул в обратную сторону камень кольца и, меж тем как Фатима приходила в себя, поспешил назад к султанше.

— Ну, что же вы услыхали, государь? — спросила она. — Керсаэль по-прежнему преступен, и непорочная Фатима…

— Избавьте меня, пожалуйста, — отвечал султан, — от необходимости рассказывать вам о злодеяниях, про которые я только что услыхал. До чего опасна разъяренная женщина! Кто поверит, что тело, созданное грациями, может заключать в себе сердце, выкованное фуриями? Но прежде чем завтра зайдет солнце в моем государстве, оно будет избавлено от чудовища более опасного, чем те, которых порождает пустыня.

Султан немедленно же позвал великого сене-

шала и приказал ему схватить Фатиму, привести Керсаэля в апартаменты сераля и объявить сенату, что его высочество берет дело в свои руки. Его приказания были выполнены в ту же ночь.

На другой день, на рассвете, султан, в сопровождении сенешала и одного эфенди[24], направился в покои Мирзозы и велел привести туда Фатиму. Несчастная бросилась к ногам Мангогула, призналась в своем преступлении, рассказала все подробности и стала заклинать Мирзозу вступиться за нее. Между тем, ввели Керсаэля. Он ожидал лишь смерти и, тем не менее, вошел с выражением уверенности в правоте, которую может дать одна невинность. Злые языки говорили, что он был бы более удручен, если бы то, что он должен был по терять, сколько-нибудь стоило наказания. Женщинам было любопытно узнать, так ли это. Он благоговейно повергся к стопам его высочества. Мангогул подал знак встать и сказал, протягивая ему руку:

— Вы невинны, так будьте же свободны. Воздайте благодарность Браме за ваше спасение. Чтобы вознаградить вас за перенесенные страдания, жалую вам пенсию в две тысячи цехинов

[24] Примечания: 24
Эфенди (тур.) — вежливое обращение к мужчине.

из моей личной казны и первое же вакантное командорство ордена Крокодила.

Чем больше милостей сыпалось на Керсаэля, тем больше оснований было у Фатимы ожидать кары. Великий сенешал настаивал на смертной казни, основываясь на словах закона: «Si foemina ff. de vi C. calumniatrix».[25] Султан склонялся к пожизненному заключению. Мирзоза, находя первый приговор слишком суровым, а второй — слишком снисходительным, приговорила сокровище Фатимы к заключению под замок. Флорентийский прибор был наложен на нее публично на эшафоте, который был воздвигнут для казни Керсаэля. Оттуда она была направлена в каторжную тьму вместе с матронами, которые так умно высказали свое решение по этому делу.

---

[25] Примечания: 25
Если женщина… об изнасиловании… из ревности.

Глава двадцать девятая
Метафизика Мирзозы. Души

Пока Мангогул выспрашивал сокровища Гарии, вдов и Фатимы, у Мирзозы было достаточно времени подготовиться к лекции по философии. Однажды вечером, когда Манимонбанда молилась, и у нее не было ни карточной игры, ни приема, и фаворитка была почти уверена в посещении султана, — она взяла две черных юбки, одну надела, как обычно, а другую на плечи, просунув руки в прорехи, потом напялила парик сенешала и четырехугольную шапочку капеллана и, нарядившись летучей мышью, решила, что одета, как философ.

В таком обмундировании она расхаживала взад и вперед по своим апартаментам, подобно профессору Королевского колледжа, поджидающему своих слушателей. Она старалась даже придать своему лицу мрачное и сосредоточенное выражение погруженного в размышления ученого. Однако Мирзоза недолго сохраняла напускную серьезность. Вошел султан с несколь-

кими придворными и отвесил глубокий поклон новоявленному философу; его серьезность вмиг разогнала серьезное настроение аудитории, которая в свою очередь раскатами смеха заставила его выйти из роли.

— Сударыня, — сказал Мангогул, — разве вы не обладали и без того преимуществом остроумия и красоты, — к чему же вам было прибегать еще к костюму? Ваши слова и без него имели бы тот вес, который вы им хотели придать.

— Мне кажется, государь, — отвечала Мирзоза, — что вы недостаточно уважаете этот костюм и что ученик обязан оказывать большее почтение тому, что составляет, по крайней мере, половину достоинств его учителя.

— Я замечаю, — сказал султан, — что вы уже овладели умонастроением и тоном, свойственным вашему новому сану. Теперь я уже не сомневаюсь, что ваше дарование вполне отвечает достоинству вашего костюма, и с нетерпением ожидаю его проявлений…

— Вы сейчас же будете удовлетворены, — отвечала Мирзоза, садясь посередине большой софы.

Султан и придворные разместились вокруг нее, и она начала:

— Беседовали ли когда-нибудь с вашим высо-

чеством о природе души философы Моноэмуги, руководившие вашим воспитанием?

— О, весьма часто, — ответил Мангогул, — но все их теории дали мне лишь смутное представление об этом предмете; и не будь у меня внутреннего чувства, как бы подсказывающего мне, что эта субстанция отлична от материи, я или отрицал бы ее существование, или смешивал бы ее с телом. Не возьмете ли вы на себя помочь нам разобраться в этом хаосе?

— Я не решусь на это, — отвечала Мирзоза. — Признаюсь, я не более сведуща в этом, чем ваши педагоги. Единственное различие между ними и мной состоит в том, что я предполагаю существование субстанции, отличной от материи, они же считают ее доказанной. Но эта субстанция, если она только существует, должна же где-нибудь гнездиться. Не наговорили ли они вам и на этот счет всякого рода нелепостей?

— Нет, — ответил Мангогул, — все они в общих чертах соглашались, что она обитает в голове, и это показалось мне правдоподобным. Ведь именно голова думает, соображает, размышляет, судит, распоряжается, приказывает; и о человеке, который не умеет мыслить, всегда говорят, что он безмозглый или безголовый.

— Так вот к чему свелись ваши продолжительные занятия и вся ваша философия, — подхватила султанша, — вы допускаете известный факт и подтверждаете его ходячими выражениями. Государь, что сказали бы вы о вашем географе, если бы он преподнес вашему высочеству карту вашего государства, поместив на ней восток на западе и север на юге?

— Это очень грубая ошибка, — отвечал султан, — и ни один географ не мог бы ее сделать.

— Возможно, что и так, — продолжала фаворитка, — в таком случае ваши философы хуже самого неудачного географа. Им не приходилось наносить на карту целое государство, устанавливать границы четырех стран света, — речь шла лишь о том, чтобы погрузиться в самих себя и определить подлинное местопребывание своей души. А между тем они поместили запад на востоке и юг на севере. Они заявили, что душа помещается в голове, в то время как у большинства людей она никогда там не появляется, и ее первичное обиталище — ноги.

— Ноги! — прервал ее султан, — вот уж, право, самая пустая мысль, какую мне приходилось слышать.

— Да, ноги, — продолжала Мирзоза, — это мне-

ние, которое кажется вам таким глупым, надо только обосновать, и оно станет убедительным, в противоположность всем тем мнениям, которые вы принимаете за истинные и которые на проверку оказываются ложными. Ваше высочество только что согласилось со мной, что факт существования души основывается лишь на свидетельстве внутреннего чувства, в котором вы отдаете себе отчет, и вот я вам докажу, что все свидетельства чувств приводят к необходимости фиксировать душу именно в том месте, которое ей и предназначено.

— Мы этого и ждем от вас, — сказал Мангогул.

— Я не прошу снисхождения, — продолжала она, — и предлагаю вам высказывать свои возражения.

Итак, я вам говорила, что первичным обиталищем души являются ноги; что там она начинает свое существование и что именно оттуда она поднимается кверху в тело. Этот факт я хочу обосновать на опыте, и, быть может, мне удастся заложить первые основы экспериментальной метафизики.

Все мы знаем по опыту, что душа утробного младенца долгие месяцы находится в состоянии полного оцепенения. Глаза раскрыты, но не

видят, уста не говорят и уши не слышат. Душа пытается распространиться и раскрыться в ином направлении; она впервые проявляется посредством других членов тела; именно движениями ног дитя заявляет о том, что оно сформировалось. Туловище, голова и руки младенца недвижно покоятся в материнском лоне, но его ноги тянутся, сгибаются и заявляют о его существовании и, быть может, даже о его потребностях. Если бы не энергия ног, что сталось бы в момент рождения с головой, туловищем и руками? Они никогда не выбрались бы из своей темницы без помощи ног, — ноги играют тут главную роль и проталкивают вперед остальное тело. Таков порядок, установленный природой, и когда другие члены вздумают взять на себя руководство и, например, голова становится на место ног, — все идет навыворот, и с матерью и ребенком иной раз случается бог знает что.

Когда ребенок родится, первые движения он делает опять-таки ногами. Приходится их обуздывать, всякий раз встречая с их стороны сопротивление. Голова — это недвижный ком, с которым можно делать, что угодно, ноги же испытывают ощущения, хотят сбросить путы и словно стремятся к свободе, которую у них отнимают.

Когда ребенок начинает самостоятельно передвигаться, ноги делают тысячи усилий, они приводят в движение все тело, они командуют остальными членами, и покорные руки упираются в стены и тянутся вперед, чтобы предотвратить падение и облегчить работу ног.

Куда обращены все помыслы ребенка и что доставляет ему радость, когда он укрепится на ногах и они привыкнут двигаться? Упражнять ноги, ходить взад-вперед, бегать, прыгать, скакать. Эта подвижность нравится нам и является для нас доказательством ума ребенка, и, наоборот, мы предсказываем, что из ребенка выйдет глупец, видя, что он вял и скучен. Если вы хотите огорчить четырехлетнего ребенка, усадите его неподвижно на четверть часа или держите его взаперти между четырех стульев, — его охватит раздражение и досада; таким образом, вы не только лишаете движения ноги, но и держите в плену душу.

Душа остается в ступнях до двух или трех лет, она распространяется на голени к четырем годам, достигает колен и бедер в пятнадцать лет. В этом возрасте любят танцы, упражнения с оружием, скачки и другие энергичные телесные упражнения. Это главная страсть всех молодых

людей, которой иные предаются с безумием. Как! Неужели же душа не пребывает в тех местах, где она почти исключительно проявляется и где испытывает самые приятные ощущения? Но если она меняет свои обиталища в детстве и в юности, — почему бы ей не менять их и в течение всей жизни?

Мирзоза произнесла эту тираду с такой быстротой, что даже запыхалась. Селим, один из фаворитов султана, улучил момент, когда она переводила дыхание, и сказал:

— Сударыня, я воспользуюсь вашим любезным разрешением делать вам возражения. Ваша теория остроумна, и вы ее изложили так же изящно, как и четко; но я еще не настолько убежден, чтобы считать ее доказанной. Мне кажется, вам можно возразить, что уже в самом раннем детстве голова отдает приказания ногам и что жизненные силы исходят именно из нее, распространяясь посредством нервов на остальные члены, останавливают их или приводят в движение по воле души, пребывающей в шишковидной железе, подобно тому как из высокой Порты исходят приказы его высочества, которые заставляют его подданных действовать так или иначе.

— Пусть так, — отвечала Мирзоза, — но это

утверждение довольно неясно, и я возражу на него, сославшись на данные опыта. В детстве у нас нет никакой уверенности в том, что голова наша мыслит, и вы сами, государь, хотя обладаете весьма светлой головой и слыли в самом нежном возрасте за чудо ума, — разве вы помните, что думали в то время? Но вы можете с уверенностью сказать, что когда вы прыгали, как чертенок, приводя в отчаяние гувернанток, — ваши ноги управляли головой.

— Отсюда еще ничего не следует, — возразил султан. — Вот Селим, например, был живым ребенком, таковы же и тысячи ребят. Они не рассуждают, но все же они думают; время проходит, память о вещах стирается, и они не помнят, что думали раньше.

— Но чем они мыслили? — возразила Мирзоза. — Вот в чем вопрос.

— Головой, — отвечал Селим.

— Опять эта голова, где ни зги не видать, — возразила султанша. — Бросьте вы ваш китайский фонарь, в котором вы предполагаете наличие света, видимого лишь тому, кто его несет. Выслушайте мои доказательства, основанные на опыте, и признайте истинность моей гипотезы. Что душа начинает с ног свое продвижение в теле —

явление настолько постоянное, что существуют мужчины и женщины, у которых она никогда не поднималась выше. Государь, вы тысячи раз восхищались легкостью Нини и прыжками Салиго. Ответьте же мне искренно: неужели вы думаете, что у этих созданий душа помещается не в ногах? И не замечали ли вы, что у Волюсера и Зелиндора душа подчиняется ногам? Танцор испытывает постоянный соблазн смотреть на свои ноги. Какие бы па он ни выделывал, внимательный взор прикован к ногам, и голова почтительно склоняется перед ними, как перед вашим высочеством непобедимые паши.

— Ваше наблюдение верно, — заметил Селим, — но нельзя делать из него решающих выводов.

— Я и не говорю, — возразила Мирзоза, — что душа всегда помещается в ногах; она продвигается, путешествует, оставляет одну часть тела, возвращается в нее, чтобы снова ее покинуть, — но я утверждаю, что остальные члены всегда подчинены тому, в котором она обитает. Местопребывание ее бывает различным, в зависимости от возраста, темперамента, обстоятельств, — отсюда возникают и различия во вкусах, наклонностях и характерах. Неужели вас

не восхищает плодотворность моего принципа? И не доказывается ли его истинность множеством феноменов, на которые он распространяется?

— Сударыня, — сказал Селим, — если вы покажете нам его действие в некоторых случаях, мы, может быть, получим те доказательства, которых еще ожидаем от вас.

— Весьма охотно, — отвечала Мирзоза, начинавшая чувствовать перевес на своей стороне. — Вы будете удовлетворены, следите только за нитью моих мыслей. Я не претендую на аргументацию. Я говорю, основываясь на свидетельствах чувств, это наша женская философия, и вы ее понимаете немногим хуже нас. Весьма правдоподобно, — прибавила она, — что до восьми — десяти лет душа занимает ступни и голени, но в этом возрасте или даже немного позже она покидает эту квартиру по собственному побуждению или против воли. Против воли, когда педагог применяет известные орудия, чтобы изгнать ее из родного края и направить в мозг, где она обычно превращается в память, и лишь в редчайших случаях в суждение. Такова участь детей школьного возраста Равным образом, если глупая гувернантка, стремясь воспитать молодую особу, пичкает знаниями ее голову, пренебрегая

сердцем и моралью, — душа быстро устремляется к голове, останавливается на языке или помещается в глазах, и ее ученица становится докучной болтуньей или кокеткой. Подобным же образом, сладострастная женщина — это та, у которой душа обретается в сокровище, никогда его не покидая.

Женщина легкомысленная — та, душа которой находится то в сокровище, то в глазах.

Добродетельная женщина — та, чья душа — то в голове, то в сердце и больше нигде.

Если душа сосредоточена в сердце, она созидает характеры чувствительные, сострадательные, правдивые, великодушные. Если она безвозвратно покинет сердце, она поднимается в голову и создает людей, которых мы называем черствыми, неблагодарными, лукавыми и жестокими.

Весьма обширна категория людей, у которых душа посещает голову лишь как загородную виллу, не заживаясь там подолгу. Это петиметры, кокетки, музыканты, поэты, романисты, придворные и все так называемые хорошенькие женщины. Послушайте, как рассуждает такое создание, и вы тотчас же узнаете в нем бродячую душу, страдающую от постоянных перемен климата.

— Если это так, — заметил Селим, — то природа должна была создать много бесполезного. Однако наши мудрецы утверждают, что она ничего не производит бесцельно.

— Оставьте в покое ваших мудрецов с их высокими словами, — ответила Мирзоза, — что касается природы, будем смотреть на нее лишь с точки зрения опыта, и мы увидим, что она поместила душу в тело человека как в обширный дворец, в котором она не всегда занимает лучшее помещение. Голова и сердце специально ей предназначены как центр добродетелей и местопребывание истины, но чаще всего она останавливается на пути и предпочитает им чердак, подозрительную трущобу, жалкий постоялый двор, где она дремлет в постоянном опьянении. О, если бы мне было дано хотя бы на одни сутки распоряжаться вселенной по своему усмотрению, поверьте, я бы вам доставила весьма занятное зрелище: в один миг я отняла бы у всех душ те части их обиталища, которые им не нужны, и каждую личность охарактеризовало бы то, что выпало бы ей на долю. Таким образом, от танцовщиков остались бы ступни или самое большее — голени, от певцов — горло, от большинства женщин — сокровище, от героев и

драчунов — вооруженный кулак, от иных ученых — безмозглый череп, у картежницы остались бы лишь кисти рук, беспрестанно перебирающие карты, у обжоры — вечно жующие челюсти, у кокетки — глаза, у развратника — лишь орудие его страсти; невежды и лентяи обратились бы в ничто.

— Если только вы оставите женщинам руки, — прервал ее султан, — они будут преследовать тех, кому вы дадите лишь орудие их страсти. Это будет презабавная охота, и если бы повсюду гонялись за этими птицами так же, как в Конго, — их порода скоро бы прекратилась.

— Но чем вы представили бы женщин нежных и чувствительных, любовников постоянных и верных? — спросил Селим фаворитку.

— Сердцем, — отвечала Мирзоза, — и я знаю, — добавила она, нежно взглянув на Мангогула, — с чьим сердцем стремилось бы соединиться мое.

Султан не устоял против этой речи; он вскочил с кресла и бросился к фаворитке; придворные исчезли, и кафедра новоявленного философа сделалась ареной их наслаждений; он доказал ей неоднократно, что был не менее очарован ее чувствами, чем ее речью, — и философское обмундирование пришло в беспорядок. Мирзоза

вернула своим горничным черные юбки, отослала господину сенешалу его огромный парик и господину аббату — его четырехугольную шапочку вместе с запиской, где обещала включить его в число кандидатов при ближайших назначениях. Чего только бы он не достиг, если бы был остроумцем. Место в Академии было наименьшей наградой, на какую он мог рассчитывать, но, к несчастью, он знал всего каких-нибудь двести — триста слов, и ему никогда не удалось сочинить даже пары ритурнелей.

Глава тридцатая
Продолжение предыдущей беседы

Из всех присутствующих на лекции Мирзозы по философии один Мангогул прослушал ее до конца, ни разу не прервав. Это обстоятельство удивило ее, так как он любил противоречить.

— Неужели султан принимает мою теорию целиком? — спрашивала она себя. — Нет, это маловероятно. Или, может быть, он нашел ее слишком слабой, чтобы опровергать? Возможно. Конечно, мои мысли не принадлежат к самым истинным из всех, что были высказаны до сих пор, но, с другой стороны, они не принадлежат и к самым ложным, и я полагаю, что иной раз выдумывают кое-что и похуже моего.

Чтобы разрешить это сомнение, фаворитка решила расспросить Мангогула.

— Скажите, государь, — обратилась она к нему, — как находите вы мою теорию?

— Она удивительна, — отвечал султан, — и я нахожу в ней лишь один недостаток.

— Какой же именно? — спросила фаворитка.

— Дело в том, — сказал Мангогул, — что она ложна до основания. Если следовать вашим рассуждениям, придется допустить у всех людей наличие души, а между тем, о услада моего сердца, нет никакого смысла в таком допущении. У меня есть душа. Вот это животное почти все время ведет себя так, как если бы у него не было души; может быть, у него и нет ее, хотя иногда оно действует так, как если бы она у него была. Но у него такой же нос, как и у меня; я чувствую, что имею душу и мыслю; итак, у этого животного тоже есть душа, и оно также мыслит.

Уже тысячу лет строят подобные рассуждения, им нет числа, и все они бессмысленны.

— Сознаюсь, — заметила фаворитка, — для нас не всегда очевидно, что другие мыслят.

— Прибавьте, — подхватил Мангогул, — что в сотне случаев совершенно очевидно, что они не мыслят.

— Не было бы, как мне кажется, слишком поспешно делать отсюда вывод, что они никогда не мыслили и не будут мыслить, — возразила Мирзоза. — Ведь из того, что человек иногда бывает животным, не значит, что он вообще животное, и ваше высочество…

Боясь оскорбить султана, Мирзоза оборвала

речь.

— Продолжайте, сударыня, — сказал Мангогул, — я вас понимаю. Не правда ли, вы хотели сказать, что и мое высочество бывает животным? Я отвечу вам на это, что действительно мне иной раз случалось быть животным и что я прощал тех, которые меня считали таковым, — ведь вы же знаете, что иные держались такого мнения, хотя и не дерзали мне его высказать.

— Ах, государь, — воскликнула фаворитка, — если бы люди стали отрицать душу у величайшего в мире монарха, то за кем же они признали бы ее!

— Довольно комплиментов, — сказал Мангогул. — На несколько мгновений я сложил корону и скипетр. Я перестал быть султаном, чтобы стать философом, и я могу выслушивать и говорить правду. Я, кажется, достаточно доказал вам первое, и вы мне намекнули со свойственной вам непринужденностью, отнюдь не обижая меня, что я бывал иногда скотом. Так дайте же мне выполнить до конца обязанности, вытекающие из моей новой роли.

— Я далек от того, чтобы допускать вместе с вами, — продолжал он, — что все, имеющие подобно мне ноги, руки, глаза и уши, обладают, подобно мне, и душой. И я заявляю вам, что нико-

гда не отступлюсь от убеждения, что три четверти мужчин и все женщины не более как автоматы.

— В ваших словах, — ответила фаворитка, — я не вижу ни истины, ни вежливости.

— О, — воскликнул султан, — сударыня сердится! На какого же черта вы вздумали философствовать, если вы не хотите, чтобы я говорил вам правду! Неужели же вы будете искать вежливость в школах? Ведь я вам развязал руки, так предоставьте же и мне свободу выражений. Итак, я вам сказал, что вы все животные.

— Да, государь, — отвечала Мирзоза, — и вам оставалось это доказать.

— Нет ничего легче, — отвечал султан.

И он стал говорить всякие скверные вещи, которые уже тысячи раз твердили и повторяли без всякого остроумия и изящества про пол, обладающий в высокой степени этими качествами. Никогда терпение Мирзозы не подвергалось большему испытанию, и на вас напала бы самая злая скука, если бы я привел вам все рассуждения Мангогула. Этот государь, не лишенный здравого смысла, в тот день проявил невообразимую глупость. Вот вам образчик ее.

— Не подлежит сомнению, — говорил он, — что женщина только животное, и я держу пари, что

если направлю кольцо Кукуфы на мою кобылу, она станет говорить, как женщина.

— Вот, без сомнения, — заметила Мирзоза, — самый сильный аргумент, какой когда-либо направляли или будут направлять против нас.

И она стала хохотать, как безумная. Мангогул, раздраженный тем, что ее смеху не было конца, поспешно вышел, решив проделать странный опыт, пришедший ему в голову.

Глава тридцать первая
Тринадцатая проба кольца. Маленькая кобыла

Я не слишком опытный портретист. Я пощадил читателя и не дал ему портрета любимой жены султана, но я не могу избавить его от портрета кобылы султана. Она была среднего роста, хороших статей, ее можно было упрекнуть лишь в том, что она слишком низко опускала голову. Масти она была золотистой, глаза голубые, копыта маленькие, ноги сухие, крепкий постав и круп легкий. Ее долго обучали танцевать, и она делала поклоны, как председатель собрания. В общем, это было довольно красивое животное, главное, кроткое, хорошо шло под верхом, но вы должны были быть великолепным наездником, чтобы она не выбросила вас из седла. Раньше она принадлежала сенатору Аррону, но однажды вечером маленькая капризница закусила удила, швырнула на землю господина референта вверх тормашками и помчалась во весь опор в конюшни султана, унося на себе седло, узду, сбрую, дорогой чапрак и попону — весьма ценные; они ей так шли, что

их не сочли нужным вернуть хозяину.

Мангогул проследовал в свои конюшни в сопровождении верного секретаря Зигзага.

— Слушайте внимательно, — сказал он ему, — и записывайте…

И он направил кольцо на кобылу, которая принялась подпрыгивать, скакать, брыкаться и выделывать вольты с тихим ржанием.

— О чем вы думаете? — сказал султан секретарю. — Пишите же…

— О султан, — отвечал Зигзаг, — я жду, когда ваше высочество заговорит…

— На этот раз вам будет диктовать моя кобыла, — заявил Мангогул. — Пишите.

Зигзаг, которому это приказание показалось унизительным, взял на себя смелость заметить, что всегда почтет за честь быть секретарем султана, но не его кобылы…

— Пишите, — говорю я вам, — повторил султан.

— Государь, — возразил Зигзаг, — я не могу, мне неизвестна орфография этих слов…

— И все-таки пишите, — настаивал султан.

— Я в отчаянии, что не могу повиноваться вашему величеству, — сказал Зигзаг, — но…

— Но вы болван, — прервал его Мангогул, разъ-

яренный таким неуместным отказом. — Убирайтесь из моего дворца и больше не показывайтесь мне на глаза.

Несчастный Зигзаг удалился, познав на опыте, что честный человек не должен входить в дома большинства великих мира сего или же должен оставлять за дверьми свои убеждения. Позвали другого секретаря. Это был провансалец, открытый, честный, главное, бескорыстный. Он помчался туда, куда, как ему казалось, звали его судьба и долг, отвесил султану глубокий поклон, другой еще более глубокий — его кобыле и записал все, что лошади было угодно продиктовать.

Всех, кто пожелает ознакомиться с ее речью, я считаю долгом отослать в архивы Конго. Государь велел немедленно же раздать копии ее речи всем переводчикам и профессорам иностранных языков как древних, так и новых. Один из них заявил, что это — монолог из какой-то древнегреческой трагедии, показавшийся ему весьма трогательным, другой, ломая голову, открыл, что это важный фрагмент египетской теологии, третий утверждал, что это начало погребальной речи в честь Ганнибала на языке карфагенян; четвертый уверял, что произведение написано по-китайски и что это весьма благочестивая мо-

литва, обращенная к Конфуцию.

В то время как мужи науки надоедали султану своими учеными гипотезами, он вспомнил про путешествия Гулливера и решил, что этот англичанин, столько времени проживший на острове, где у лошадей свое государство, законы, короли, боги, жрецы, религия, храмы и алтари, и, вероятно, в совершенстве изучивший их нравы и обычаи, должен великолепно знать и их язык. И в самом деле, Гулливер свободно прочел и истолковал слова кобылы, несмотря на то, что запись пестрела орфографическими ошибками. И это — единственный хороший перевод, существующий в Конго. Мангогул узнал, к своему удовлетворению, и к вящей чести своей теории, что это хроника любви старого паши с тремя бунчуками и маленькой кобылы, которую до него покрывало неисчислимое множество ослов, этот странный анекдот является, однако, истинным фактом, известным султану и решительно всем при дворе в Банзе и в остальном его государстве.

Глава тридцать вторая, быть может, нелучшая и наименее читаемая в этой книге. Сон Мангогула, или путешествие в страну гипотез

— Ах, — сказал Мангогул, зевая и протирая глаза, — у меня болит голова. Пусть никогда не говорят со мной о философии, эти разговоры вредны. Вчера я лег в кровать, с головой, набитой идеями, и, вместо того, чтобы спать, как подобает султану, мой мозг потрудился за одну ночь больше, чем мозги моих министров за целый год. Вы смеетесь, но чтобы вам доказать, что я ничуть не преувеличиваю, и отомстить за скверную ночь, которой я обязан вашим рассуждениям, я заставлю вас выслушать мой сон от начала, до конца.

Я начинал забываться, и мое воображение вступало уже в свои права, когда я увидал, что рядом со мной прыгает какой-то странный зверь. У него была голова орла, лапы грифа, туловище лошади и хвост льва.

Я схватил его, несмотря на прыжки, и, уцепившись за гриву, легко прыгнул к нему на спину.

Тотчас же он развернул длинные крылья, росшие из боков, и я почувствовал, что несусь по воздуху с ужасающей быстротой.

Мы долго летели, наконец я заметил в мутном пространстве здание, парившее в воздухе, словно по волшебству. Оно было велико. Не могу сказать, чтобы его портил слишком большой фундамент, ибо оно ни на чем не покоилось. Колонны меньше полуфута диаметром поднимались в необозримую даль, поддерживая своды, которые можно было различить лишь благодаря просветам, симметрично на них рас положенным.

Гиппогриф остановился у входа в это здание. Сперва я колебался, сойти ли мне с моего скакуна, ибо мне казалось менее опасным летать на гиппогрифе, чем разгуливать под этим портиком. Однако, увидав, что здание населяет множество людей и что все лица удивительно спокойны, я спрыгнул с гиппогрифа, замешался в толпу — стал разглядывать составлявших ее людей.

Это были старики, или безобразно раздутые, или тощие, без всякого дородства и бессильные, — почти все они отличались каким-нибудь уродством. У одного была слишком маленькая голова, у другого слишком короткие руки. У этого было уродливое туловище, у того не хватало

ног. У большинства недоставало ступней, и они ходили на костылях. От малейшего дуновения они падали и лежали на полу до тех пор, пока у кого-нибудь из вновь прибывших не являлось желания их поднять. Несмотря на все эти недостатки, они могли на первый взгляд понравиться. В их лицах было что-то значительное и смелое. Они были почти обнажены, всю их одежду составлял лоскуток, не закрывавший и сотой части тела.

Я продолжал протискиваться в толпе и подошел к подножию трибуны, над которой была натянута, как полог, огромная паутина. Впрочем, смелость этого сооружения гармонировала со смелостью всего здания. Мне показалось, что трибуна словно балансирует на острие иглы. Я непрестанно трепетал за жизнь человека, находившегося на ней. Это был старец с длинной бородой, такой же сухощавый, как его ученики, и еще более обнаженный. В руках у него была соломинка, он окунал ее в сосуд, полный какой-то прозрачной жидкости, затем подносил к губам и выдувал пузыри, посылая их в обступившую его толпу зрителей, которые старались подбросить пузыри к самым облакам.

— Где я? — спрашивал я себя, смущенный этим

ребячеством. — Как истолковать поведение человека, выдувающего пузыри, и всей этой толпы дряхлых детей, пускающих их в небо? Кто разъяснит мне загадку?

Меня поразили также лоскутки материи, и я заметил, что чем крупнее они были, тем меньше интересовались пузырями их носители. Сделав это странное наблюдение, я решил заговорить с тем из стариков, который покажется мне наименее раздетым.

Я заметил, что у одного из них плечи наполовину прикрыты лохмотьями, так искусно подогнанными друг к другу, что швы были незаметны. Он расхаживал в толпе, почти не обращая внимания на то, что творилось вокруг. Обнаружив, что у него приветливый вид, улыбка на губах, благородная походка и кроткий взгляд, я направился прямо к нему.

— Кто вы? Где я? И что это за люди? — спросил я его без церемоний.

— Я Платон, — отвечал он. — Вы находитесь в стране гипотез, и все эти люди — творцы различных систем.

— Но в силу какой случайности находится здесь божественный Платон? — спросил я. — И чем он здесь занят среди этих безумцев?

— Вербовкой, — отвечал он. — Поодаль от этого портика у меня небольшое святилище, куда я и отвожу тех, кто отказывается от своих систем.

— И что же вы заставляете их делать?

— Познавать человека, жить, осуществлять добродетели и приносить жертвы грациям.

— Это прекрасное занятие, но что означают лоскутки материи, благодаря которым вы скорее смахиваете на нищих, чем на философов?

— Зачем вы меня об этом спрашиваете? — сказал он, вздыхая. — Зачем вызываете вы во мне давние воспоминания? Этот храм никогда не был храмом философии. Увы! Как изменились эти места! Кафедра Сократа стояла вот здесь.

— Как! — прервал я его. — У Сократа тоже была соломинка и он выдувал пузыри?

— Нет! Нет! — ответил Платон. — Не таким путем заслужил он от богов название самого мудрого из людей. Всю свою жизнь он занимался лишь обработкой умов и воспитанием сердец. Этот секрет погиб с его смертью. Сократ умер, и с ним миновала прекрасная пора философии. Эта клочки ткани, которыми благоговейно украшают себя творцы систем, — не что иное, как клочки его одежды. Едва закрыл он глаза, как люди, претендовавшие на звание философа, набросились

на его платье и разорвали его на клочки.

— Понимаю, — заметил я. — И эти клочки послужили этикетками им, а также их многочисленному потомству…

— Кто соберет эти лоскутки, — продолжал Платон, — и восстановит нам платье Сократа?

Выслушивая это патетическое восклицание, я заметил вдалеке ребенка, направлявшегося к нам медленными, но уверенными шагами. У него была маленькая головка, миниатюрное тело, слабые руки и короткие ноги, но все его члены увеличивались в объеме и удлинялись, по мере того как он продвигался. В процессе этого быстрого роста он представлялся мне в различных образах: я видел, как он направлял на небо длинный телескоп, устанавливал при помощи маятника быстроту падения тел[26], определял посредством трубочки, наполненной ртутью, вес воздуха[27] и с призмой в руках разлагал зетовой луч[28]. К этому времени он стал колоссом, голо-

---

[26] Примечания: 26

…направлял на небо длинный телескоп, устанавливал… быстроту падения тел… — Галилей.

[27] Примечания: 27

…определяя… вес воздуха… — Паскаль.

[28] Примечания: 28

…с призмой в руках разлагал световой луч. — Ньютон.

вой он поднимался до облаков, ноги его исчезали в бездне, а протертые руки касались обоих полюсов. Правой рукой он потрясал факелом, свет которого разливался по небу, озарял до дна море и проникал в недра земли.

— Что это за гигант направляется к нам? — спросил я Платона.

— Узнайте же, это Опыт, — отвечал он.

Не успел он сказать это, как Опыт приблизился к нам, и колонки портика гипотез закачались, своды его покоробились, и плиты пола раздвинулись у нас под ногами.

— Бежим, — сказал мне Платон. — Бежим! Это здание не простоит и минуты.

С этими словами он пустился бежать, я последовал за ним Колосс подошел, ударил по портику, тот рухнул с ужасным грохотом, и я проснулся.

— О государь, — воскликнула Мирзоза, — да вы мастер видеть сны. Я была бы рада, если бы вы хорошо провели ночь, но теперь, когда я познакомилась с вашим сном, мне было бы досадно, если бы вы его не видели.

— Сударыня, — сказал Мангогул, — я припоминаю лучше проведенные ночи, чем та, в которую мне приснился так понравившийся вам сон. Если бы от меня зависело, куда держать путь, то, по

всей вероятности, не надеясь найти вас в стране гипотез, я направил бы стопы в другие места. У меня не болела бы сейчас голова или по крайней мере было бы из-за чего ей болеть.

— Государь, — ответила Мирзоза, — будем надеяться, что это пустяки и что две-три пробы кольца избавят вас от боли.

— Посмотрим, — сказал Мангогул.

Разговор между султаном и Мирзозой продолжался еще несколько минут, он покинул ее лишь в одиннадцать часов и направился навстречу приключению, с которым мы познакомимся в следующей главе.

Глава тридцать третья
Четырнадцатая проба кольца. Немое сокровище

Из всех дам, блиставших при дворе султана, ни одна не могла сравниться в прелести и остроумии с молодой Эгле, женой великого кравчего его высочества. Она бывала на всех приемах у Мангогула, который любил изящество ее беседы; казалось, ни одно увеселение или развлечение не могло обойтись без Эгле — она бывала на вечерах у всех придворных. Эгле можно было встретить повсюду — на балах, спектаклях, интимных ужинах, охотах, играх. Везде она была желанной гостьей. Казалось, что из-за любви к удовольствиям она иной раз раздроблялась на части, чтобы угодить всем, желавшим залучить ее к себе. Поэтому нет надобности говорить, что не было женщины, такой желанной для всех и вместе с тем такой популярной, как Эгле.

Ее постоянно преследовала целая толпа воздыхателей, и было известно, что она далеко не со всеми была сурова. Была ли то с ее стороны оплошность или обходительность, — но про-

стую вежливость нередко принимали как знаки внимания, и стремившиеся ей понравиться мужчины читали иногда нежность во взглядах, никогда не выражавших ничего, кроме приветливости. Не будучи ни язвительной, ни злоречивой, она открывала уста лишь затем, чтобы говорить лестные вещи, и вкладывала в свои слова столько души и живости, что в иных случаях ее похвалы наводили на мысль, будто она уже оказала кому-то предпочтение и хочет себя обелить, другими словами, что свет, украшение и радость которого она составляла, недостоин ее.

Можно подумать, что женщина, которую можно было бы упрекнуть лишь в избытке доброты, не должна иметь врагов. А между тем у нее были враги, и жестокие. Ханжи Банзы находили, что у нее слишком развязный вид и непристойная манера держаться; усматривая в ее поведении только бешеную жажду светских удовольствий, они решили, на основании всего этого, что ее нравственность сомнительна, и милосердно намекали об этом каждому, кто хотел их слушать.

Придворные дамы были не более снисходительны к ней. Они стали подозревать у Эгле связи, приписывали ей любовников, сделали ее даже героиней кое-каких крупных похождений, заста-

вили ее играть некоторую роль в других; были известны подробности, называли свидетелей.

— Ну да, — шептали на ухо, — ее застали во время свидания с Мельраимом в одной из рощиц большого парка. Эгле не лишена ума, — добавляли при этом, — а у Мельраима его слишком много, чтобы он забавлялся разговорами в десять часов вечера в рощице…

— Вы ошибаетесь, — возражал петиметр, — я сто раз прогуливался с ней в сумерки и получил большое удовольствие. Но, между прочим, знаете ли вы, что Зулемар постоянно присутствует при ее туалете?

— Конечно, нам это известно, а также что она принимает за туалетом, только когда ее муж на дежурстве у султана…

— Бедняга Селеби, — подхватывала другая. — Его жена афиширует свои связи, надевая эгретку и серьги, которые получила в подарок от паши Измаила…

— Правда ли это, сударыня?..

— Истинная правда, она сама мне об этом говорила, но, ради Брамы, пусть это останется между нами. Эгле моя подруга, и я буду очень огорчена…

— Увы! — скорбно восклицала третья. — Бедное

маленькое создание губит себя своей безрассудной веселостью. Конечно, ее жалко. Но двадцать интриг сразу — это уж, мне кажется, слишком.

Петиметры также не щадили ее. Один рассказывал про охоту, когда они вместе заблудились. Другой красноречиво умалчивал, из уважения к ее полу, о последствиях весьма оживленного разговора, который они вели под масками на балу, где он ее подцепил. Третий рассыпался в похвалах ее уму и прелестям, и в заключение показывал ее портрет, полученный, по его словам, от нее в минуту благосклонности.

— Этот портрет, — говорил четвертый, — более похож, чем тот, что она подарила Жонеки.

Эти разговоры дошли до ее супруга. Он любил жену, но целомудренно и так, что никто об этом не подозревал. Он отказывался верить первым донесениям, но обвинения сыпались со всех сторон, и он решил, что друзья проницательней его. Он с самого начала предоставил Эгле полную свободу и теперь стал подозревать, что она злоупотребила ею. Ревность овладела его душой. Он начал всячески утеснять жену. Эгле тем более раздражала перемена в его обращении, что она чувствовала себя невиновной. Природная живость и советы добрых подруг толкнули ее на

необдуманные шаги, которые создали полную иллюзию ее виновности и чуть было не стоили ей жизни. Разгневанный Селеби некоторое время обдумывал способы мщения: кинжал, яд, роковая петля… Он остановился на казни более медленной и жестокой: переезд в имение. Это подлинная смерть для придворной дамы. Итак, отданы распоряжения; однажды вечером Эгле узнает о своей участи; ее слезы не встречают отклика; ее доводов не слушают; и вот она заточена в старом замке в двадцати четырех лье от Банзы; компанию ее составляют две горничные и четыре чернокожих евнуха, не спускающих с нее глаз.

Не успела она уехать, как вдруг оказалась невинной. Петиметры забыли о ее похождениях, женщины простили ей остроумие и обаяние, и весь свет стал ее жалеть. Мангогул узнал из уст самого Селеби о том, что побудило его принять ужасное решение относительно жены, и, казалось, один только одобрил его.

Злосчастная Эгле уже около полугода изнывала в изгнании, когда разыгралась история с Керсаэлем. Мирзозе хотелось бы, чтобы Эгле была невинной, но она не смела на это надеяться. И все-таки однажды она сказала султану:

— Ваш перстень только что спас жизнь Керса-

элю, — не сможет ли он вернуть из ссылки Эгле? Но, конечно, это невозможно. Ведь пришлось бы для этого спросить ее сокровище, а бедная затворница погибает от скуки за двадцать четыре лье от нас…

— Вы очень интересуетесь судьбой Эгле? — спросил Мангогул.

— Да, государь, в особенности, если она невинна, — отвечала Мирзоза.

— Меньше чем через час вы получите новости о ней, — заявил Мангогул. — Или вы позабыли о свойствах моего перстня?

Сказав это, он вышел в сад, повернул перстень, и не прошло и четверти часа, как он очутился в парке замка, где жила Эгле. Там он увидал Эгле, удрученную печалью; она опустила голову на руки, с нежностью произносила имя своего супруга и орошала слезами дерн, на котором сидела. Мангогул приблизился к ней, повернул камень, и сокровище Эгле грустно сказало:

— Я люблю Селеби.

Султан ждал продолжения, но его не было; он решил, что виновато кольцо, и два или три раза потер его о шляпу, прежде чем снова направить на Эгле. Сокровище повторяло:

— Я люблю Селеби, — и замолкло.

— Вот, — сказал султан, — подлинно скромное сокровище. Посмотрим-ка еще раз и прижмем его к стенке.

Он придал кольцу всю силу, какую то было способно вместить, и направил его на Эгле. Но ее сокровище оставалось немым. Оно упорно хранило молчание, прерывая его лишь для того, чтобы сказать:

— Я люблю Селеби и никогда не любило никого другого.

Придя к определенному решению, Мангогул через пятнадцать минут вернулся к Мирзозе.

— Как, государь, — воскликнула она, — вы уже вернулись? Ну, что же вы узнали? Принесли ли вы новый материал для разговоров?

— Я ничего не принес, — ответил султан.

— Как! Ничего?

— Решительно ничего. Я никогда не встречал более молчаливого сокровища, мне удалось вырвать у него лишь эти слова: «Я люблю Селеби; я люблю Селеби и никогда не любило никого другого».

— О государь! — воскликнула Мирзоза. — Что вы мне говорите! Какая счастливая новость! Вот, наконец, добродетельная женщина. Неужели же вы потерпите, чтобы она страдала?

— Нет, — ответил Мангогул, — ее изгнание должно окончиться, но не думаете ли вы, что это будет во вред ее добродетели? Эгле добродетельна, но поймите, услада моего сердца, чего вы требуете от меня: вернуть ее ко двору, чтобы она продолжала там быть добродетельной. Ну, что же, вы будете удовлетворены.

Султан немедленно же вызвал Селеби и сказал ему, что, разобрав все ходившие об Эгле слухи, нашел, что это сущая ложь и клевета, и приказывает вернуть ее ко двору. Селеби повиновался и представил жену Мангогулу. Она хотела броситься к ногам его высочества, но султан остановил ее, говоря:

— Мадам, благодарите Мирзозу. Ее расположение к вам побудило меня проверить обвинения, которые возводились на вас. Продолжайте быть украшением моего двора, но помните, что хорошенькая женщина может повредить своей репутации неосторожностью не менее, чем похождениями.

На другой день Эгле снова появилась у Манимонбанды, которая встретила ее с улыбкой. Петиметры начали засыпать ее пошлыми комплиментами, дамы бросились ее обнимать и стали по-прежнему терзать ее имя.

Глава тридцать четвертая
Прав ли был Мангогул?

С тех пор как Мангогул получил роковой подарок Кукуфы, смешные стороны и пороки женщин сделались постоянным предметом его шуток. Он не знал меры и нередко надоедал фаворитке. Но скука вызывала у Мирзозы, так же, как у многих других, два неприятных последствия: она приходила в дурное настроение, и в словах ее появлялась горечь. Горе тем, кто к ней приближался в эти минуты. Она не щадила никого, даже султана.

— Государь, — сказала она в один из дурных моментов, — вы знаете пропасть всяких вещей, но известна ли вам последняя новость?

— Какая же? — спросил Мангогул.

— Что вы вызубриваете наизусть каждое утро

по три страницы из Брантома[29] или Увилля[30], и неизвестно, кого из этих глубоких умов вы предпочитаете.

— Это неверно, мадам, — возразил Мангогул. — Именно Кребийон…

— О, не отрекайтесь от чтения этих книг! — прервала его фаворитка. — Новые сплетни, которые плетут про вас, до того противны, что лучше уже подогревать старые. Право, у этого Брантома есть много хорошего. Если вы прибавите к его рассказикам три или четыре главы из Бейля[31], вы станете так же умны, как маркиз Д…[32] и шевалье де-Муи[33], вместе взятые. Это сделает вашу беседу удивительно разнообразной. Вы отделаете как следует женщин, вы обрушитесь на пагоды, от пагод вы снова вернетесь к женщи-

---

[29] Примечания: 29

Брантом Пьер де Бурдель (1535-1614) — французский аббат, автор мемуаров «Женщины легкого поведения», в которых описал нравы и пороки некоторых из наиболее известных своих современников.

[30] Примечания: 30

Увилль Антуан Ле Метель (1590-1657) — французский писатель, драматург, подражавший Кальдерону и Лопе де Вега; автор сборника «Героические и любовные новеллы» (1657).

[31] Примечания: 31

Бейль Пьер (1647-1706) — французский философ и публицист, предшественник просветителей.

[32] Примечания: 32

…маркиз Д. — Возможно, маркиз Д'Аржан Жан Батист (1704-1771).

[33] Примечания: 33

Шевалье де Муи — Шарль де Фье, Шевалье де Муи (1701-1784), французский писатель, автор романа «Удачливая крестьянка» (1736).

нам. В самом деле, вам не хватает лишь краткого руководства по нечестию, чтобы стать вполне занимательным собеседником.

— Вы правы, мадам, — отвечал Мангогул, — я добуду такое руководство. Тот, кто боится быть обманутым на этом и на том свете, не перестанет сомневаться в могуществе пагод, в честности мужчин и в добродетели женщин.

— Итак, по-вашему, наша добродетель нечто весьма сомнительное? — спросила Мирзоза.

— В высшей степени, — отвечал Мангогул.

— Государь, — сказала Мирзоза, — вы сотни раз утверждали, что ваши министры — честнейшие люди в Конго. Я имела несчастье выслушать столько похвал вашему сенешалу, губернаторам провинций, вашим секретарям, вашему казначею, одним словом, всем вашим чиновникам, что могу повторить их вам слово в слово. И меня удивляет, что высокое мнение, которое вы составили себе обо всех приближенных, не распространяется лишь на предмет вашей нежности.

— А кто вам сказал, что это так? — возразил султан. — Знайте же, мадам, что все, что я говорю о женщинах, будь это правда или ложь, не имеет ни малейшего отношения к вам, если только вы не почитаете себя представительницей вашего

пола в целом.

— Я не советую, сударыня, этого делать, — заметил Селим, присутствовавший при разговоре. — От этого на вашу долю выпадут лишь недостатки.

— Я не принимаю, — заявила Мирзоза, — комплиментов, которые расточают мне за счет мне подобных. Если хотят меня хвалить, я желаю, чтобы это не было никому во вред. Большинство высказываемых нам любезностей походят на пышные празднества, которые паши дают вашему высочеству, — они всегда дорого обходятся народу.

— Оставим это, — сказал Мангогул. — Но скажите по совести, разве вы не убедились, что добродетель женщин Конго — химера? Разве вы не видите, услада моего сердца, каково модное воспитание, какие примеры получают молодые девушки от своих матерей; и разве не внушают хорошенькой женщине тот предрассудок, что ограничить себя хозяйством, управлять домом и находиться при муже, — значит вести унылую жизнь, погибать от скуки и похоронить себя заживо? К тому же мужчины так предприимчивы, и молодая неопытная девушка бывает так польщена, когда видит, что ею интересуются. Я

не раз утверждал, что добродетельные женщины встречаются редко, чрезвычайно редко; и теперь я и не думаю отрекаться от своих слов и охотно прибавлю, что меня удивляет, если они еще существуют. Спросите Селима, что он думает об этом.

— Государь, — возразила Мирзоза, — Селим слишком многим обязан нашему полу, чтобы безжалостно его поносить.

— Мадам, — заговорил Селим, — его высочество, которому было невозможно встретить отказ, естественно должен именно так судить о женщинах. А вы, со свойственной вам добротой, судите о других по самой себе и, конечно, не можете быть иного мнения, чем то, какое вы защищаете. Должен, однако, признаться, я готов поверить, что есть рассудительные женщины, которым на опыте известны преимущества добродетели и которые убедились путем размышлений в печальных последствиях распущенности; это — благородные, благовоспитанные женщины, которые поняли, в чем их долг, с любовью его исполняют и никогда ему не изменят.

— Чтобы нам не вдаваться в пустые рассуждения, — прибавила фаворитка, — возьмем хотя бы Эгле. Она весела, любезна, очаровательна, — и разве в то же время она не образец благоразумия?

Вы в этом не можете сомневаться, государь, и вся Банза знает об этом из ваших уст. Итак, если мы знаем хоть одну добродетельную женщину, значит, их могут быть и тысячи.

— О, что касается возможности, — сказал Мангогул, — я ее не оспариваю.

— Но если вы согласитесь, что такие женщины возможны, — продолжала Мирзоза, — то кто сказал вам, что они не существуют?

— Не кто иной, как их сокровища, — отвечал султан. — Признаюсь, однако, что это свидетельство не имеет силы вашего аргумента. Пусть я ослепну, если вы не позаимствовали его от какого-нибудь брамина! Пусть позовут капеллана Манимонбанды, и он скажет вам, что вы мне доказали существование добродетельных женщин, вроде того, как доказывают существование Брамы в браминологии. Скажите, между прочим, вы не проходили курса в высшей школе браминов, прежде чем вступить в сераль?

— Довольно злых шуток, — сказала Мирзоза. — Я не делаю заключений на основании одной возможности. Я исхожу из факта, из опыта.

— Да, — продолжал Мангогул, — из неточного факта, из единичного случая, в то время как в моем распоряжении множество опытов, хорошо

вам известных. Но вы и так не в духе, я не хочу больше вам противоречить.

— Какое счастье! — заметила Мирзоза огорченным тоном. — Наконец-то через два часа вам надоело меня изводить.

— Если я виноват перед вами, — отвечал Мангогул, — то постараюсь загладить мою вину Сударыня, я отказываюсь от всех моих преимуществ перед вами, и если в будущем, в результате испытаний, какие мне еще предстоит сделать, я встречу хоть одну женщину, подлинно и несокрушимо добродетельную…

— То что вы сделаете? — прервала его Мирзоза.

— Я опубликую, если вам угодно, что я в восторге от ваших рассуждений о вероятности существования добродетельных женщин; я подкреплю вашу логику всем моим могуществом и подарю вам мой амарский дворец со всем саксонским фарфором, какой его украшает, не исключая маленькой обезьянки из эмали и других драгоценных безделушек, доставшихся мне из кабинета мадам де-Верю[34].

— Государь, — сказала Мирзоза, — я удовле-

[34] Примечания: 34

Мадам де-Верю — Жанна де Люин, графиня (1670-1736), хозяйка парижского салона, пользовавшегося известностью благодаря собранным в нем редким книгам и произведениям декоративного искусства.

творюсь дворцом, фарфором и маленькой обезьянкой.

— Хорошо, — отвечал Мангогул, — Селим нас рассудит. — Согласитесь немного подождать, а затем я снова спрошу сокровище Эгле. Дайте срок, придворный воздух и ревность супруга окажут на нее свое действие.

Мирзоза дала Мангогулу месяц сроку, это было вдвое больше, чем он просил. Они расстались, оба одинаково полные надежды. Вся Банза, без сомнения, держала бы пари за и против, если бы обещание султана стало известным. Но Селим молчал, и Мангогул решил выиграть или проиграть втихомолку. Он выходил из апартаментов фаворитки, когда услыхал ее голос из глубины кабинета:

— Государь, и маленькая обезьянка?

— И маленькая обезьянка, — отвечал Мангогул, удаляясь.

Он медленно шел по направлению к укромному домику сенатора, куда и мы последуем за ним.

Глава тридцать пятая
Пятнадцатая проба кольца. Альфана

Султану было известно, что у всех молодых придворных есть укромные домики, но вот он узнал, что такими убежищами пользуются и сенаторы. Это его удивило.

«Что они там делают? — рассуждал он сам с собой (ибо он сохранит и в этом томе[35] привычку говорить в одиночестве, усвоенную в первом). — Казалось бы, человек, которому я вверил спокойствие, счастье, свободу и жизнь моего народа, не должен иметь укромного домика. Но, быть может, этот домик сенатора совсем не то, что домик какого-нибудь петиметра. Неужели же должностное лицо, присутствующее при обсуждении самых насущных интересов моих подданных, держащее в руках роковую урну, из которой будут тянуть жребий вдов, — может забыть достоинство своего сана и, в то время как

---

[35] Примечания: 35

...и в этом томе... — Этой главой открывался второй том первого издания романа Дидро.

Кошен[36] тщетно надрывает свои легкие, доводя до его слуха вопли сирот, — станет обдумывать фривольные темы для росписи наддверия в убежище тайного разврата?.. Нет, это невозможно! посмотрим, однако»...

С этими словами он отправился в Альканто, где находился укромный домик сенатора Гиппоманеса. Он входит, осматривает комнаты, разглядывает меблировку. Все кругом дышит фривольностью. Укромный домик Агезиля, самого изнеженного и сластолюбивого из его придворных, не наряднее этого. Он собрался уже уходить, не зная, что думать, ибо все эти покойные кровати, украшенные зеркалами альковы, мягкие кушетки, поставец с душистыми настойками и другие предметы были лишь немыми свидетелями того, что ему хотелось узнать. Внезапно он заметил дородную женщину, растянувшуюся на шезлонге и погруженную в глубокий сон. Он направил на нее перстень и заставил ее сокровище рассказать следующую забавную историю.

— Альфана — дочь судейского. Если бы ее мать не жила так долго, меня не было бы здесь. Огром-

---

[36] Примечания: 36
Кошен Анри (1687-1747) — французский адвокат.

ные богатства семьи обратились в прах в руках старой дуры, и она почти ничего не оставила четверым детям: трем мальчикам и одной девочке, чьим сокровищем я имею честь быть. Увы! Видно, это было мне послано за мои грехи. Сколько оскорблений я перенесло! И сколько еще мне придется вытерпеть. В свете говорили, что монастырь приличествует богатству и знатности моей хозяйки; но я-то знаю, что мне он не подходит; я предпочло военное искусство положению монахини и проделало первые кампании под командой эмира Азалафа. Я усовершенствовалось под началом великого Нангазаки, но это была неблагодарная служба, и я променяло шпагу на судейскую мантию. Итак, теперь я буду принадлежать этому маленькому негодяю сенатору, который так кичится своими талантами, умом, внешностью, экипажем и предками. Вот уже два часа, как я его жду. По-видимому, он придет, ибо его управляющий предупредил меня, что он страдает манией заставлять себя ждать.

Сокровищу Альфаны помешал продолжать приезд Гиппоманеса. От грохота экипажа и от ласк его любимицы левретки Альфана проснулась.

— Вот и вы наконец, моя королева, — сказал ма-

ленький председатель. — Каких трудов стоит вас добиться! Скажите, как вы находите мой укромный домик? Не правда ли, он не хуже других?

Альфана, разыгрывая из себя дурочку и скромницу («как будто мы никогда не видали укромных домиков, — говорило ее сокровище, — и как будто я ни разу не участвовало в ее похождениях»), воскликнула с печалью в голосе:

— Господин председатель, ради вас я решилась на необычный шаг. Неудержимая страсть влечет меня к вам и заставляет закрыть глаза на опасности, которым я подвергаюсь. Чего только не наговорят обо мне, если заподозрят, что я была здесь.

— Вы правы, — сказал Гиппоманес, — вы сделали рискованный шаг, но можете рассчитывать на мою скромность.

— Да, — отвечала Альфана, — я рассчитываю также на ваше благоразумие.

— О! Не беспокойтесь, — сказал Гиппоманес, хихикая, — я буду весьма благоразумен. Ведь в укромном домике всякий благочестив, как ангел. Честное слово, у вас прелестная грудь.

— Будет вам! — воскликнула Альфана. — Вот вы уже нарушаете свое слово.

— Ничуть не бывало, — возразил председа-

тель. — Но вы мне не ответили. Как вам нравится эта меблировка? Поди сюда, Фаворитка, — обратился он к левретке, — дай лапку, дочка. Славная моя Фаворитка!.. Не угодно ли вам, мадемуазель, прогуляться по саду? Пойдемте на террасу; она очаровательна. Правда, ее видно из окон соседей, но, быть может, они вас не узнают…

— Господин председатель, я не любопытна, — отвечала Альфана обиженным тоном. — Мне кажется, здесь лучше.

— Как вам будет угодно, — продолжал Гиппоманес. — Если вы устали, то вот кровать. Советую вам ее испробовать, чтобы сказать о ней свое мнение. Молодая Астерия и маленькая Фениса, которые знают толк в таких вещах, уверяли меня, что она хороша.

Говоря эти дерзкие слова, Гиппоманес снимал платье с Альфаны, расшнуровывая ее корсет, расстегивая юбки, и освобождал ее толстые ноги от изящных туфелек.

Когда Альфана была почти совсем обнажена, она заметила, что Гиппоманес ее раздевает.

— Что вы делаете! — воскликнула она в удивлении. — Будет вам шутить, председатель. Ведь я и впрямь рассержусь.

— О моя королева! — воскликнул Гиппома-

нес. — Сердиться на человека, который любит вас, как я, было бы прямо дико, и вы на это неспособны. Осмелюсь ли я попросить вас проследовать в кровать?

— В кровать, — подхватила Альфана. — О господин председатель, вы злоупотребляете моими чувствами. Мне лечь в кровать, мне — в кровать?!

— Э, нет, моя королева, — отвечал Гиппоманес. — Совсем не то. Кто говорит, чтобы вы ложились в кровать? Надо только, чтобы вы дали себя туда отвести. Вы же понимаете, что при вашем росте я не могу вас туда отнести.

Между тем, он обхватил ее поперек талии.

— Ох, — сказал он, — делая напрасные усилия, — до чего она тяжела. Но, дитя мое, если ты мне не поможешь, нам никогда не добраться до кровати.

Альфана поняла, что он прав, стала ему помогать, дала себя приподнять и направилась к так испугавшей ее кровати, переступая ногами и в то же время поддерживаемая Гиппоманесом, которому она шептала жеманясь:

— Честное слово, я сошла с ума, иначе я не пришла бы сюда. Я рассчитывала на ваше благоразумие, а вы проявляете неслыханную дерзость.

— Ничуть не бывало, — возражал председатель, — ничуть не бывало. Вы же отлично видите, что я не делаю ничего, выходящего из рамок приличия, строгого приличия.

Я полагаю, они наговорил и друг другу еще много нежностей, но так как султан не счел нужным дольше присутствовать при их дальнейшем разговоре, — все это потеряно для потомства. Какая жалость!

Глава тридцать шестая
Шестнадцатая проба кольца. Петиметры

Два раза в неделю у фаворитки бывал прием. Накануне она называла женщин, которых хотела бы видеть у себя, а султан составлял список мужчин. На прием являлись в пышных нарядах. Разговор был общим, или же составлялись отдельные кружки. Когда исчерпывались занятные истории из придворной любовной хроники, выдумывали новые и пускались в область скверных побасенок, что у них называлось продолжать «Тысячу и одну ночь». Мужчины пользовались привилегией говорить все нелепости, какие им взбредет в голову, а женщины — заниматься вязанием, слушая их. Султан и фаворитка смешивались со своими подданными. Их присутствие ничуть не мешало веселиться, и на приемах редко скучали. Мангогул очень быстро понял, что забавляться можно лишь у подножия трона, и ни один монарх не спускался с трона с такой охотой и не умел так вовремя складывать свое величие, как он.

В то время как он обследовал укромный домик сенатора Гиппоманеса, Мирзоза поджидала его в салоне цвета розы вместе с молодой Заидой, веселой Леокрисой, жизнерадостной Серикой, женами эмиров Аминой и Бензаирой, неприступной Орфизой и супругой великого сенешала Ветулой, настоящей матерью для всех браминов. Султан не замедлил явиться. Вошел он в сопровождении графа Ганетилона и кавалера Фадаэса. За ним следовали старый вольнодумец Альсифенор и его ученик, молодой Мармолен; минуты две спустя, вошли паша Григриф, ага Фортимбек и меченосец Бархатная Лапка, самые отъявленные петиметры двора. Мангогул собрал их с известным умыслом. Ему все уши прожужжали об их любовных похождениях, и он хотел удостовериться, так ли это было на самом деле.

— Господа, — обратился он к ним, — вы знаете все, что происходит в мире любовных похождений. Что же там нового? Как поживают говорящие сокровища?

— Государь, — отвечал Альсифенор, — здесь царит полная разноголосица, которая все усиливается. Если так будет продолжаться, скоро перестанут понимать друг друга. Но нет ничего забавнее нескромной болтовни сокровища Зо-

бенды. Оно перечислило ее мужу длинный ряд похождений.

— Это поразительно, — подхватил Мармолен. — Насчитывают пять начальников янычаров, двадцать капитанов, роту янычаров почти в полном составе и двенадцать браминов. Говорят, что оно и меня называло, но это скверная шутка.

— Самый смак в том, — сказал, в свою очередь, Григриф, — что испуганный супруг удрал, затыкая уши.

— Какой ужас! — воскликнула Мирзоза.

— Да, мадам, — подхватил Фортимбек, — ужасно, чудовищно, омерзительно!

— Да этому нет имени! — продолжала фаворитка, — обесчестить женщину на основании какой-то болтовни.

— Мадам, это сущая правда. Мармолен не прибавил от себя ни слова, — сказал Бархатная Лапка.

— Это вполне достоверно, — заметил Григриф.

— Ну, да, — добавил Ганетилон, — на этот счет уже составили эпиграмму, а даром никогда не сочиняют эпиграмм. Но почему болтовня сокровищ должна пощадить Мармолена? Сокровище Синары тоже вздумало говорить и связало мое имя с лицами, которые мне вовсе не под стать. Но

как этого избегнуть?

— Гораздо проще примириться с положением вещей, — сказал Бархатная Лапка.

— Вы правы, — ответил Ганетилон и тотчас же запел:

«Было счастье мое велико беспредельно...»

— Граф, — обратился Мангогул к Ганетилону, — так вы интимно знали Синару?

— Государь, — отвечал за него Бархатная Лапка, — кто же этого не знает? Он хороводился с ней целый месяц. На их счет даже сложили песенку. Это и теперь бы еще продолжалось, если бы он, наконец, не заметил, что она некрасива и что у нее большой рот.

— Согласен, — заметил Ганетилон, — но этот недостаток возмещается у нее редкой приятностью обращения.

— Давно было у вас это похождение? — спросила неприступная Орфиза.

— Мадам, — отвечал Ганетилон, — не могу точно назвать вам даты. Для этого пришлось бы прибегнуть к хронологическим таблицам моих любовных побед. Там точно обозначены дни и часы, но это толстый том, который служит для

развлечения моих людей в передней.

— Погодите, — сказал Альсифенор, — я припоминаю, что это было как раз через год после того, как Григриф порвал с госпожой супругой сенешала. У нее божественная память, и она нам точно поведает…

— Ваша дата неверна, — важно отозвалась сенешальша. — Всем известно, что вертопрахи никогда не были мне по вкусу.

— И тем не менее, сударыня, — возразил Альсифенор, — вам не удастся нас убедить, что Мармолен сохранял чрезвычайное благоразумие, когда его препровождали в ваши апартаменты через потайную лестницу всякий раз, как его высочество призывали господина сенешала в совет.

— Мне представляется величайшим чудачеством, — прибавил Бархатная Лапка, — пробираться тайком к женщине без всякой корысти. Никто не истолковывал этих визитов превратно, и сударыня уже пользовалась репутацией добродетели, которую она заслуженно сохраняет и до настоящего времени.

— Но ведь это было сто лет назад, — сказал Фадаэс. — Это происходило примерно в те времена, когда Зюлейка оставила с носом господина меченосца, чтобы перейти к Григрифу, которого она

покинула полгода спустя. Теперь она облюбовала Фортимбека. Меня ничуть не огорчает маленькая победа моего друга, я наблюдаю ее, восхищаюсь ею, и все это безо всякой задней мысли.

— Однако, Зюлейка, — сказала фаворитка, — очень любезна, остроумна, у нее есть вкус и в лице какая-то прелесть, которую я предпочитаю красоте.

— Я согласен с вами, — отвечал Фадаэс, но она худа: у нее нет бюста и такие тощие бедра, что прямо жалко смотреть.

— Как видно, вы кое-что о ней знаете, — заметила султанша.

— О, мадам, — сказал Ганетилон, — это легко угадать. Я редко бывал у Зюлейки и тем не менее знаю о ней не меньше Фадаэса.

— Охотно верю, — согласилась фаворитка.

— Между прочим, позволительно спросить у Григрифа, — сказал меченосец, — надолго ли он завладел Зирфилой? Вот, что называется, хорошенькая женщина, у нее великолепное тело.

— Э! Да кто же этого не знает! — воскликнул Мармолен.

— Какой счастливец наш меченосец! — продолжал Фадаэс.

— Уверяю вас, господа, — прервал его ме-

ченосец, — что Фадаэс устроился лучше всех придворных любезников. Мне известно, что его любят жена визиря, две самые хорошенькие актрисы Оперного театра и очаровательная гризетка, которую он поселил в укромном домике.

— Я готов отдать, — заявил Фадаэс, — и жену визиря, и актрис, и гризетку за один взгляд женщины, с которой довольно близок меченосец и которая даже не подозревает, что это всем известно, — и, обращаясь к Леокрисе, он прибавил: — По чести, сударыня, вам удивительно идет, когда вы краснеете.

— Еще не так давно, — сказал Мармолен, — Ганетилон колебался между Мелиссой и Фатимой; обе они прелестные женщины. Сегодня он выбирал блондинку Мелиссу, завтра — брюнетку Фатиму.

— Было из-за чего беспокоиться, — заметил Фадаэс, — почему бы ему не взять их обеих?

— Он так и сделал, — отвечал Альсифенор.

Наши петиметры были, как видим, на полном ходу, когда доложили о прибытии Зобеиды, Синары, Зюлейки, Мелиссы, Фатимы и Зирфилы. Эта неожиданная помеха на минуту выбила их из колеи, однако они быстро оправились и накинулись на других женщин, которых щадили до сих

пор только потому, что не успели их коснуться.

Мирзоза, которой надоели их речи, сказала:

— Господа, ввиду ваших заслуг и бесспорной честности, приходится поверить, что вы действительно одержали все те победы, которыми хвалитесь. Тем не менее, признаюсь, я с большей охотой выслушала бы сокровища этих дам и возблагодарила бы от чистого сердца Браму, если бы ему было угодно восстановить правду их устами.

— Другими словами, — заметил Ганетилон, — мадам угодно дважды выслушать то же самое; ну, что же, мы готовы повторить все сначала.

Но вот Мангогул стал направлять перстень на дам по старшинству; он начал с сенешальши. Ее сокровище три раза кашлянуло и заговорило дрожащим, разбитым голосом:

— Великий сенешал положил начало моим удовольствиям, но прошло едва полгода со дня свадьбы, как один молодой брамин дал понять моей хозяйке, что, думая о нем, она не изменяет супругу. Я вкусило плодов его морали и впоследствии сочло возможным допустить к себе с чистой совестью сенатора, затем государственного советника, затем жреца, потом одного или двух докладчиков, потом музыканта…

— А Мармолена? — спросил Фадаэс.

— Мармолена я не знаю, — отвечало сокровище. — Хотя, может быть, это тот молодой фат, которого моя хозяйка велела выгнать из своего дома, не помню, за какие дерзости…

Затем заговорило сокровище Синары:

— Вы спрашиваете меня про Альсифенора, Фадаэса и Григрифа? Меня довольно часто посещали, но эти имена я слышу первый раз в жизни. Впрочем, я непременно услыхало бы о них от эмира Амалека, финансиста Тенелора и визиря Абдирама, которые знают всех на свете и близкие мои Друзья.

— Сокровище Синары очень скромно, — сказал Ганетилон, — оно не называет ни Зарафиса, ни Агирама, ни старого Требистера, ни молодого Махмуда, а он не из тех, кого забывают, — и не обвиняет ни одного брамина, хотя вот уже десять-двенадцать лет, как оно таскается по монастырям.

— Я принимало в своей жизни несколько гостей, — сказало сокровище Мелиссы, — но только не Григрифа, не Фортимбека и Ганетилона.

— Сокровище, душа моя, — возразил Григриф, — вы ошибаетесь. Вы можете отрекаться от Фортимбека и от меня, но что касается Ганетилона, он с вами в более близких отношениях,

чем вы утверждаете. Он шепнул мне об этом словечко, это самый правдивый малый в Конго, он получше всех тех, кого вы знали, и может еще составить репутацию сокровищу.

— Ему не миновать репутации обманщика, так же как и его другу Фадаэсу, — сказало, рыдая, сокровище Фатимы. — Что сделало я этим чудовищам? Почему они меня так бесчестят? Сын абиссинского императора прибыл ко двору Эргебзеда, я ему понравилось, он стал оказывать мне внимание, но он потерпел бы неудачу и я осталось бы верной своему супругу, который был мне дорог, если бы предатель Бархатная Лапка и его подлый сообщник Фадаэс не подкупили моих прислужниц и не провели молодого принца ко мне в ванную…

Сокровища Зирфилы и Зюлейки, которых это одинаково затрагивало, заговорили разом и с такой быстротой, что почти невозможно было установить, что именно говорило каждое из них.

«Как! Благосклонность»… — восклицало одно. — «К Бархатной Лапке!» — верещало другое. «Ну, хорошо, допустим Зензим… Сербелон… Бенангель… Агария… французский раб Рикели… молодой эфиоп Фезака… но что касается пошляка Бархатной Лапки… дерзкого Фадаэса… клянусь

Брамой… призываю в свидетели великого идола и гения Кукуфу… я их не знаю… у меня никогда не было с ними никаких дел»…

Зирфила и Зюлейка продолжали бы говорить, если бы Мангогул не повернул камня в обратную сторону; едва прекратилось действие таинственного перстня, как сокровища замолкли, и после произведенного ими шума наступило глубокое молчание. Тогда султан поднялся и сказал, бросая грозные взгляды на наших молодых вертопрахов.

— Какая наглость с вашей стороны — трепать имена женщин, приближаться к которым вы никогда не имели чести и которые едва знают вас по имени! Откуда у вас такая дерзость, что вы решаетесь лгать в моем присутствии? Трепещите, несчастные!

С этими словами он схватился за саблю, но испуганные женщины подняли такой крик, что он остановился.

— Я собирался, — продолжал Мангогул, — предать вас смерти, которую вы заслуживаете, но предоставляю этим дамам, которых вы оскорбили, решить вашу участь. Гадкие насекомые, теперь от них зависит раздавить вас или дать вам жить. Говорите, сударыня, что вы прикажете.

— Пусть они живут, — сказала Мирзоза, — и пусть молчат, если это возможно.

— Живите, — сказал султан. — Эти дамы даруют вам жизнь, но если вы когда-нибудь позабудете, на каких условиях она вам подарена, клянусь душой моего отца…

Мангогулу не удалось закончить свою клятву, его прервал один из камергеров, доложивший, что актеры готовы начать представление. Этот государь взял за правило никогда не задерживать спектаклей.

— Пусть начинают, — приказал он, тотчас же подал руку фаворитке и повел ее в ложу.

Глава тридцать седьмая
Семнадцатая проба кольца. Театр

Если бы в Конго знали толк в декламации, то смогли бы обойтись без целого ряда актеров. Из тридцати лиц, составлявших труппу, едва можно было насчитать одного крупного актера и двух сносных актрис. Талантливые актеры должны были применяться к посредственному большинству, и можно было надеяться, что пьеса будет иметь некоторый успех, если позаботились о том, чтобы приспособить роли к порокам комедиантов. Вот что называлось в мое время быть опытным в постановках. Раньше создавали актеров для пьес, — в описываемую эпоху, наоборот, создавали пьесы для актеров; если вы предлагали драматическое произведение, в театре обязательно начинали разбирать, интересен ли сюжет, хорошо ли завязана интрига, выдержаны ли характеры, чиста ли и плавна ли речь; но если там не было роли для Росция[37] и для Амиана

[37] Примечания: 37

Росций Галлий (Квинт) (ум. в 69 г.) — римский актер, давал уроки декламации Цицерону.

— пьесу отвергали.

Главный евнух, заведующий придворными увеселениями, вызвал во дворец труппу в ее наличном составе, и в этот вечер в серале давали премьеру трагедии. Она принадлежала перу одного современного писателя, который пользовался уже давно таким успехом, что будь его пьеса сплетением несуразностей, ей все равно аплодировали бы по привычке; однако он не ударил лицом в грязь. Пьеса была хорошо написана, сцены умело построены, эпизоды искусно расположены; интерес все возрастал, страсти развивались; акты, логически вытекавшие друг из друга и насыщенные содержанием, оставляли зрителя в неведении относительно будущего и удовлетворенным прошлым. Шел уже четвертый акт этого шедевра; играли напряженную сцену, подготавливавшую другую, еще более интересную, когда Мангогул, чтобы избежать смешного вида, какой бывает у зрителей во время трогательных пассажей, вынул лорнетку и, симулируя невнимание, начал разглядывать ложи; он заметил в амфитеатре одну очень взволнованную даму, однако ее волнение имело мало отношения к пьесе и было явно неуместно; немедленно же перстень был направлен на нее, и все услыха-

ли, посреди весьма патетического признания, задыхающийся голос ее сокровища, которое обращалось к актеру с такими словами:

— Ах!.. Ах!.. Перестаньте же, Оргольи… Вы меня слишком растрогали… Ах!.. Ах!.. Нет больше сил…

Все насторожились, стали искать глазами, откуда исходит голос, в партере распространился слух о том, что заговорило какое-то сокровище. — «Но какое именно и что оно сказало?» — спрашивали себя. В ожидании более точных сведений не переставали аплодировать и кричать: «Бис! Бис!» Между тем, автор, находившийся за кулисами, опасаясь, как бы этот досадный инцидент не прервал представления, в бешенстве посылал все сокровища к чертям. Сильный шум не смолкал, и, если бы не почтение к султану, пьеса была бы прервана на этом пассаже. Но Мангогул дал знак молчания, актеры возобновили игру, и пьеса была доведена до конца.

Султан, которого интересовали последствия такого публичного признания, велел наблюдать за сделавшим его сокровищем. Вскоре узнали, что актер должен быть у Эрифилы; султан опередил его благодаря могуществу своего кольца и очутился в апартаментах этой женщины в тот

момент, когда докладывали об Оргольи.

Эрифила была в полном вооружении, то есть в изящном дезабилье; она небрежно раскинулась на кушетке. Актер вошел с видом чопорным и вместе с тем победоносным, самонадеянным и фатовским. В левой руке он вертел скромную шляпу с белым плюмажем, а кончиком пальца правой руки изящно ковырял у себя в носу, — жест весьма театральный, приводивший в восхищение знатоков. Его поклон был галантен, а приветствие фамильярно.

— О моя королева, — воскликнул он жеманным тоном, склоняясь перед Эрифилой, — вот вы каковы! Знаете ли, в этом неглиже вы прямо очаровательны…

Тон этого бездельника шокировал Мангогула. Государь был молод и, конечно, мог не знать всех обычаев…

— Значит, ты находишь меня хорошенькой, мой милый? — спросила Эрифила.

— Восхитительной, говорю вам…

— Мне это очень приятно слышать. Я хотела бы, чтобы ты мне повторил то место твоей роли, которое так меня взволновало в тот раз. Это место… да… вот это именно… Как сообразителен этот плутишка!.. Но продолжай. Это меня глубоко

волнует.

Говоря эти слова, Эрифила бросала своему герою весьма выразительные взгляды и протягивала ему руку, которую дерзкий Оргольи целовал с самым небрежным видом. Более гордясь своим талантом, чем своей победой, он декламировал с пафосом; и его дама, взволнованная, заклинала его то продолжать, то перестать. Мангогул, решив по выражению ее лица, что ее сокровище охотно будет участвовать в этой репетиции, предпочел вообразить конец сцены, а не быть ее свидетелем. Он покинул комнату и направился к фаворитке, которая его поджидала.

Выслушав рассказ султана об этом похождении, она воскликнула:

— Государь, что вы говорите! Неужели женщина пала так низко! Это последнее дело — актер, раб публики, гаер! Если бы против этих людей говорило только их положение, — но ведь большинство из них безнравственны, бесчувственны, в том числе и Оргольи — сущий автомат. Он никогда ни о чем не думал, и если бы не учил ролей, может быть, и вовсе бы не говорил…

— Отрада моей души, — возразил султан, — к чему ваши ламентации.

— Вы правы, государь, — отвечала фаворит-

ка, — с моей стороны глупо беспокоиться о созданиях, которые не стоят того. Пускай себе Палабрия боготворит своих мартышек, Салика отдает себя заботам Фарфади во время истерических припадков, Гария живет и умрет среди своих животных, и Эрифила отдается всем гаерам Конго, — что мне до того! Ведь я рискую только дворцом. Я чувствую, что мне надо отказаться от моих утверждений, и я уже решилась…

— Итак, прощай, маленькая обезьянка, — сказал Мангогул.

— Прощай, маленькая обезьянка, — повторила Мирзоза, — а также хорошее мнение, которое было у меня о моем поле. Мне кажется, я уже не вернусь к нему. Государь, позвольте мне не принимать у себя женщин, по крайней мере, две недели.

— Но ведь нельзя же обойтись без компании, — заметил султан.

— Я буду наслаждаться вашей или стану вас поджидать, — отвечала фаворитка, — а если у меня окажется избыток времени, я проведу его с Рикариком и Селимом, которые ко мне привязаны и общество которых я люблю. Когда меня утомит эрудиция моего лектора, ваш приближенный станет меня развлекать рассказами о

своей юности.

Глава тридцать восьмая
Беседа о литературе

Фаворитка любила остроумцев, но сама на остроумие не претендовала. На ее туалете можно было увидеть, среди бриллиантов и финтифлюшек, романы и литературные новинки, о которых она превосходно судила. Она переходила непосредственно от каваньолы и бириби к беседе с академиком или ученым, и все они соглашались, что тонкое чутье позволяло ей открыть в различных произведениях красоты и недостатки, иногда ускользавшие от их учености. Мирзоза поражала их своей проницательностью, приводила в замешательство своими вопросами, но никогда не злоупотребляла преимуществами, которые ей давали остроумие и красота. В беседе с ней не было обидно оказаться неправым.

К концу одного дня, проведенного ею с Мангогулом, пришел Селим, и она велела позвать Рикарика. Африканский автор дает дальше характеристику Селима, но сообщает нам, что Рикарик был членом Конгской академии; что эрудиция не мешала ему быть умным человеком;

что он досконально изучил древние эпохи; что у него было невероятное пристрастие к старинным законам, которые он вечно цитировал; что это была ходячая машина, фабрикующая принципы; что он был самым ревностным ценителем древних писателей Конго, особенно же некоего Мируфлы, написавшего примерно три тысячи сорок лет тому назад великолепную поэму на кафрском диалекте о завоевании Великого леса, откуда кафры изгнали обезьян, обитавших там с незапамятных времен. Рикарик перевел эту поэму на конгский язык и выпустил ее великолепным изданием, с примечаниями, схолиями, вариантами и всеми украшениями издания бенедиктинцев. Его перу принадлежали также две трагедии, скверные во всех отношениях, похвала крокодилам и несколько опер.

— Я принес вам, сударыня, — сказал Рикарик, склоняясь перед Мирзозой, — роман, который приписывают маркизе Тамази, но где, к несчастию, легко узнать перо Мульхазена; затем ответ нашего директора Ламбадаго на речь поэта Тюксиграфа, который мы получили вчера, а также «Тамерлана», написанного этим последним.

— Восхитительно! — заметил Мангогул. — Печать работает вовсю, и если бы мужья в Конго

исполняли свои обязанности с таким же рвением, как писатели, я мог бы, менее чем в десять лет, поставить на ноги армию в миллион шестьсот тысяч человек и рассчитывать на завоевание Моноэмуги. Мы прочтем роман на досуге. Посмотрим же теперь, что это за речь, а главное, что там говорится про меня.

Рикарик пробежал глазами речь и напал на такое место:

«Предки нашего августейшего владыки, без сомнения, обессмертили свои имена. Но превзошедший их Мангогул своими необыкновенными деяниями заставит дивиться грядущие века. Что говорю я — дивиться! Выразимся точнее: заставит усомниться. Если наши предки имели основания утверждать, что потомство будет считать баснями чудеса царствования Каноглу, — то не больше ли у нас оснований думать, что наши внуки откажутся верить чудесам мудрости и доблести, свидетелями которых мы являемся?»

— Бедный господин Ламбадаго, — сказал султан, — вы пустой фразер. Я имею основания думать, что ваши преемники однажды заставят померкнуть мою славу перед славой моего сына, подобно тому как вы хотите затмить славу моего отца — моей собственной; и так будет про-

должаться до тех пор, пока будут существовать академики. Как вы на это смотрите, господин Рикарик?

— Государь, единственно, что я могу вам сказать, это что пассаж, который я только что прочел вашему высочеству, был весьма одобрен публикой.

— Тем хуже, — возразил Мангогул. — Значит, в Конго утратили вкус к подлинному красноречию. Разве так великолепный Гомилого воздавал хвалу великому Абену?

— Государь, — заметил Рикарик, — подлинное красноречие не что иное, как искусство говорить одновременно благородным, приятным и убедительным образом.

— Прибавьте — и разумным, — продолжал султан, — и с этой точки зрения судите о вашем приятеле Ламбадаго. При всем моем уважении к современному красноречию, я должен признать его фальшивым декламатором.

— Но, государь, — возразил было Рикарик, — со всем почтением к вашему высочеству прошу разрешить мне…

— Я вам разрешаю, — перебил его Мангогул, — ценить здравый смысл выше моей особы и сказать мне напрямик, может ли красноречивый

человек обойтись без него?

— Нет, государь, — отвечал Рикарик.

Он уже собирался начать длинную тираду, уснащенную авторитетами, цитировать всех риторов африканских, арабских и китайских, чтобы доказать самую очевидную вещь на свете, — но его прервал Селим.

— Все авторы вместе взятые, — заговорил придворный, — никогда не докажут, что Ламбадаго искусный и достойный уважения оратор. Простите мне эту резкость, господин Рикарик, — прибавил он. — Я к вам питаю незаурядное почтение, но, честное слово, отложив в сторону ваши корпоративные предрассудки, неужели вы не согласитесь с нами, что царствующий султан, справедливый, любезный, благодетель народа и великий завоеватель, и без мишуры ваших риторов так же велик, как его предки, и что принц, в глазах которого воспитатели стараются умалить значение отца и деда, был бы смешным глупцом, если бы не понимал, что, украшая его одной рукой, другой его обезображивают? Неужели для того, чтобы доказать, что Мангогул больше всех своих предшественников, надо сносить головы статуям Эргебзеда и Каноглу?

— Господин Рикарик, — сказала Мирзоза, — Се-

лим прав. Оставим каждому свое, и пусть никто не подумает, что наши похвалы обкрадывают славу отцов; сообщите об этом от моего имени академикам на ближайшем заседании.

— Они усвоили этот тон слишком давно, — заметил Селим, — чтобы можно было надеяться, что ваш совет даст какие-нибудь результаты.

— Я думаю, сударь, что вы ошибаетесь, — обратился Рикарик к Селиму. — Академия и поныне является сокровищницей хорошего вкуса, и даже в период ее высшего расцвета не было таких философов и поэтов, которым мы не могли бы в настоящее время противопоставить равноценные имена. Наш театр считался и продолжает считаться первым театром в Африке. Что за прекрасный труд — «Тамерлан» Тюксиграфа? В нем пафос Эвризопа и возвышенность Азофа. В нем чистый дух античности.

— Я была, — сказала фаворитка, — на первом представлении «Тамерлана» и нахожу, подобно вам, что произведение хорошо построено, диалоги изящны и характеры правдоподобны.

— Как отличается, мадам, — прервал ее Рикарик, — автор, подобный Тюксиграфу, воспитанный на чтении древних, от большинства современных писателей.

— Но эти современные авторы, — возразил Селим, — которых вы поносите, не так уж достойны презрения, как вы думаете. Как, неужели же мы станем отрицать у них талант, изобретательность, вдохновение, точность описаний, верность характеров, красоту периодов? Какое мне дело до правил, — лишь бы мне нравилось. И само собой разумеется, не рассуждения премудрого Альмудира или высокоученого Абальдока и не поэтика компетентного Фокардена, которой я никогда не читал, заставляют меня восхищаться произведениями Абульказема, Мубардара, Альбабукра и многих других сарацинов. Существуют ли иные правила, кроме подражания природе? И разве у нас не те же глаза, что у людей, которые ее изучали?

— Природа, — возразил Рикарик, — ежеминутно поворачивается к нам разными ликами. Все они истинны, но не все в равной мере прекрасны. И вот именно в этих трудах, которые вы, как кажется, не слишком высоко ставите, можно научиться ценить прекрасное. Там собраны воедино опыты, проделанные нашими учеными, а также и те, которые были произведены до них. Как бы человек ни был умен, он может воспринимать вещи лишь в связи с другими вещами;

и никто не может похвалиться, что на кратком протяжении своей жизни видел все, что было открыто человечеством в минувшие века. Иначе пришлось бы признать, что какая-нибудь из наук может быть обязана своим возникновением, развитием и усовершенствованием одному ученому, что противоречит опыту.

— Господин Рикарик, — возразил Селим, — из вашего рассуждения следует только один вывод, а именно, что современные люди, обладая сокровищами, накопленными в прежние века, должны быть богаче древних, или, если вам не нравится это сравнение, — возьмем другое: стоя на плечах у колоссов древности, они должны видеть дальше последних. В самом деле, что такое их физика, астрономия, навигация, механика и математика по сравнению с нашими? Почему бы и нашему ораторскому искусству и поэзии также не стоять выше, чем у них?

— Селим, — отвечала султанша, — Рикарик когда-нибудь докажет вам, какие есть основания проводить между ними различие. Он скажет вам, почему наши трагедии ниже античных. Что касается меня, я охотно взялась бы вам показать, что дело обстоит именно так. Я не стану вас обвинять, — продолжала она, — в том, что вы не

читали древних. Вы обладаете слишком просвещенным умом, чтобы не знать их театра. Итак, оставим в стороне соображения относительно некоторых обычаев, нравов и религии древних, которые шокируют нас лишь потому, что изменились условия жизни, и согласитесь, что темы их благородны, удачно выбраны, интересны, что действие развивается как бы само собой, что разговорная речь проста и очень естественна, что развязка не притянута за волосы, что интерес не раздробляется и действие не перегружено эпизодами. Перенеситесь мысленно на остров Алиндалу; наблюдайте все, что там происходит; слушайте все, что говорят с момента, когда молодой Ибрагим[38] и хитроумный Форфанти[39] высаживаются на остров; подойдите к пещере злосчастного Полипсила[40], не пророните ни слова из его жалоб и скажите мне, разбивает ли что-нибудь вашу иллюзию? Назовите мне современную пьесу, которая смогла бы выдержать такой же экзамен и претендовать на такую

---

[38] Примечания: 38
Ибрагим — Неоптолем (Пирр), в греч. миф. сын Ахилла.

[39] Примечания: 39
Форфанти — Одиссей.

[40] Примечания: 40
Полипсил — Филоктет, герой одноименной трагедии Софокла.

же степень совершенства, — и я признаю себя побежденной.

— Клянусь Брамой, — воскликнул султан, зевая, — сударыня произнесла поистине академическую речь.

— Я не знаю правил, — продолжала фаворитка, — и еще того менее — ученых слов, в какие их облекают, но я знаю, что нравиться и умилять нас может одна лишь правда. Я знаю также, что совершенство спектакля заключается в столь точном воспроизведении какого-нибудь действия, что зритель, пребывая в некоем обмане, воображает, будто присутствует при самом этом действии. А есть ли что-либо подобное в трагедиях, которые вы так нам расхваливаете?

Вы восхищаетесь развитием действия? Но оно обычно так сложно, что было бы чудом, если бы столько событий совершалось в такой краткий срок. Крушение или спасение государства, свадьба принцессы, гибель государя — все это совершается как по мановению волшебного жезла. Если речь идет о заговоре, он намечается в первом акте, завязывается и укрепляется во втором; все меры будут приняты, все препоны преодолены, все заговорщики на местах — в третьем; беспрерывно будут следовать друг за другом восстания,

сражения, а может быть, и форменные битвы. И вы скажете, что это развитие действия, что это интересно, темпераментно, правдоподобно? Я вам никогда этого не прощу, ибо вы отлично знаете, чего стоит иной раз довести до конца какую-нибудь жалкую интригу, и сколько времени потребно на всякого рода шаги, переговоры и обсуждения, чтобы могло осуществиться самое незначительное политическое событие.

— Совершенно верно, мадам, — отвечал Селим, — наши пьесы несколько перегружены событиями, но это неизбежное зло; зрители остыли бы, если бы их не подогревали эпизодами.

— Вы хотите сказать, что для живого изображения события не надо давать его ни таким, каково оно есть, ни таким, каким должно быть? Это в высшей степени нелепо, подобно тому как было бы сущим абсурдом заставлять скрипачей исполнять веселенькие арии и марши в то время, как зрители ожидают, что государь вот-вот должен лишиться своей возлюбленной, трона и жизни.

— Сударыня, вы правы, — сказал Мангогул, — в такой момент нужны мрачные мотивы, и я сейчас их закажу.

Мангогул встал и вышел. Разговор продолжался между Селимом, Рикариком и фавориткой.

— Надеюсь, сударыня, — снова заговорил Селим, — вы не будете отрицать, что если неестественность эпизодов нарушает иллюзию, то диалоги ее восстанавливают. Не знаю, кто бы мог справиться с диалогом так, как наши трагики.

— Значит, никто не может с этим справиться, — возразила Мирзоза. — Царящие в современных трагедиях пафос, мудрствование и мишурный блеск уводят нас за тысячу лье от действительности. Напрасно автор хочет спрятаться: мой взгляд проникает насквозь, и я вижу его то и дело за его персонажами. Цинна, Серторий, Максим, Эмиль — лишь рупор Корнеля. У наших древних сарацинов разговор ведется совсем по-иному. Господин Рикарик переведет вам, если угодно, несколько мест, и вы услышите, как устами героев гласит сама природа. Я охотно сказала бы современным писателям: «Господа, вместо того, чтобы наделять по всякому поводу ваши персонажи умом, поставьте лучше их в такое положение, где они необходимо должны быть умными».

— После всего, что вы, мадам, высказали относительно действия и диалога в наших драмах, нельзя думать, — сказал Селим, — что вы пощадите развязку.

— Конечно, нет, — продолжала фаворитка, —

на одну удачную развязку приходится сто плохих. Одна не мотивирована, другая оказывается чудодейственной. Если автору в тягость персонаж, которого он протащил по всем сценам через пять актов, — он отправляет его на тот свет ударом кинжала, — все принимаются плакать, а я смеюсь, как безумная. И потом, разве разговорная речь похожа на нашу декламацию? Разве принцы и короли ходят иначе, чем всякий нормальный человек? Разве они когда-нибудь жестикулируют, как одержимые или бешеные? Разве принцессы издают во время речи пронзительные визги? Говорят, что трагедия достигла у нас высокой степени совершенства, а я считаю почти установленным, что из всех жанров литературы, которыми африканцы занимались последние века, — это наименее совершенный.

Этот выпад фаворитки против театральных пьес совпал с возвращением Мангогула.

— Сударыня, — сказал он, — соблаговолите продолжать. У меня есть, как вы видите, средство сократить трактат о поэтике, когда я нахожу его слишком пространным.

— Предположим, — продолжала фаворитка, — к нам прибыл морем путешественник из Анготы, никогда не слыхавший о спектаклях,

но не лишенный разума и опыта, знакомый с дворами монархов, с уловками придворных, с интригами министров и дрязгами женщин; допустим, далее, что я скажу ему по секрету: «Милый друг, в серале — ужасные волнения. Государь недоволен своим сыном и подозревает в нем страсть в Манимонбанде; он способен отомстить им обоим жесточайшим образом, — это событие повлечет за собой, по всем вероятиям, печальные последствия. Если угодно, я дам вам возможность быть свидетелем всего, что произойдет». Он принимает мое предложение, и я веду его в ложу, закрытую решеткой, откуда ему видна сцена, которую он принимает за покой дворца султана. Неужели вы думаете, что, невзирая на всю мою деланную серьезность, иллюзия у этого человека будет длиться хоть минуту? Не согласитесь ли вы, наоборот, что натянутая поступь актеров, причудливость их костюмов, экстравагантность их жестов, напыщенность их речи, необычной, рифмованной и размеренной, и тысячи других диссонансов, которые его поразят, заставят его расхохотаться мне в лицо уже во время первой сцены и заявить мне, что или я потешаюсь над ним, или же государь и весь его двор помешались.

— Признаюсь, — сказал Селим, — ваша аналогия меня поразила; но нельзя ли вам возразить, что на спектакль идут, зная заранее, что увидят там воспроизведение события, а не само событие?

— Разве должна эта предпосылка, — возразила Мирзоза, — помешать самому естественному изображению события.

— Я вижу, сударыня, — прервал ее Мангогул, — что вы — во главе фрондеров.

— Если вам поверить, — заметил Селим, — то нам угрожает упадок вкуса, возвращение варварства, и мы вернемся к невежеству времен Мамурры и Орондадо.

— Сударь, не опасайтесь ничего подобного. Я ненавижу пессимистов и никогда не присоединяюсь к ним. К тому же я слишком дорожу славой его высочества, чтобы пытаться омрачить блеск его царствования. Но согласитесь, господин Рикарик, если бы прислушивались к нашим советам, то литература достигла бы еще более пышного расцвета, — не так ли?

— Как! — воскликнул Мангогул. — Неужели вы собираетесь представить на этот счет доклад моему сенешалу?

— Нет, государь, — отвечал Рикарик. — Но,

поблагодарив ваше высочество от имени всех литераторов за нового инспектора, назначенного вами, я со всем смирением поставлю на вид сенешалу, что выбор ученых для пересмотра рукописей — дело весьма ответственное; что эти обязанности поручают людям, которые, как мне кажется, не на высоте положения, отчего мы имеем множество таких плохих последствий, как искажение прекрасных трудов, подавление лучших талантов, которые, не имея возможности писать, как им хочется, не пишут вовсе или же переправляют свои труды за границу, нанося им большой материальный ущерб; прививку дурного мнения о предметах, которые запрещают затрагивать, — и тысячи других неприятностей, перечислить которые вашему высочеству было бы слишком долго. Я посоветовал бы сократить пенсии иным литературным пиявкам, которые без толку и без умолку попрошайничают; я говорю о глоссаторах, знатоках античности, комментаторах и других в том же роде, которые были бы весьма полезны, если бы хорошо делали свое дело, но которые имеют печальную привычку обходить темные места и объяснять и без того понятные вещи. Мне хотелось бы, чтобы добились упразднения почти всех посмертных трудов и

чтобы не допускали поругания памяти великого писателя из-за алчности издателя, собирающего и выпускающего в свет, через много лет после смерти человека, произведения, которые он при жизни обрек забвению.

— А я, — заметила фаворитка, — назову ему несколько выдающихся людей, подобных господину Рикарику, которых вы могли бы осыпать милостями. Не удивительно ли, что у бедного малого нет ни гроша, между тем как почтенный хиромант Манимонбанды получает тысячу цехинов в год из вашей казны?

— Ну, хорошо, мадам, — отвечал Мангогул, — я назначаю такую же сумму Рикарику из моих личных средств, принимая во внимание чудеса, которые вы мне про него рассказали.

— Господин Рикарик, — сказала фаворитка, — я тоже должна сделать для вас кое-что: я жертвую в вашу пользу маленьким уколом своего самолюбия и, ради той награды, которую вам пожаловал по заслугам Мангогул, согласна забыть нанесенную мне обиду.

— Разрешите спросить у вас, мадам, что это за обида, — осведомился Мангогул.

— Да, государь, вы сейчас узнаете. Вы сами вовлекли нас в разговор о литературе, вы начали

с чтения образчика современного красноречия, который отнюдь не был прекрасен, и когда, чтобы вам угодить, мы начали развивать печальную мысль, брошенную вами, — на вас нападают скука и зевота, вы вертитесь в своем кресле; вы сто раз меняете положение, никак не находя удобного, наконец, устав от такого скверного времяпрепровождения, вы внезапно принимаете какое-то решение, встаете и исчезаете. И куда же вы направились? Может быть, слушать еще одно сокровище?

— Все это так, мадам, но я не вижу в этом ничего оскорбительного. Если человеку случается скучать, слушая прекрасные вещи, и забавляться, слушая дурные, — тем хуже для него. Ею несправедливое предпочтение ничуть не обесценивает того, чем он пренебрег; он только доказывает себя плохим судьей. Могу еще к этому прибавить, мадам, что пока вы были заняты беседой с Селимом, я почти столь же безрезультатно пытался доставить вам возможность получить дворец. И вот раз уж выходит, что я провинился, а вы это утверждаете, — заявляю вам, что вы отомщены.

— Каким же образом? — спросила фаворитка.

— А вот как, — отвечал султан. — Чтобы немного развлечься после академического заседания,

которое мне пришлось вытерпеть, я отправился допрашивать кое-какие сокровища.

— Ну, что же, государь?

— Ну, что же? Мне еще не приходилось встречать таких нелюдимых, какие мне сегодня попались.

— Это чрезвычайно радует меня, — заявила фаворитка.

— Они оба принялись болтать на каком-то непонятном языке, я прекрасно запомнил все, что они говорили, но пусть я умру, если я понял хоть что-нибудь.

Глава тридцать девятая
Восемнадцатая и девятнадцатая пробы кольца. Сплющенный Сфероид и путаная болтовня Жиржиро. Разумей, кто может

— Странное дело, — продолжала фаворитка, — до сих пор я думала, что если можно в чем-нибудь упрекнуть сокровища, так это в слишком ясной манере говорить.

— Черт возьми! — заметил Мангогул, — эти два сокровища не похожи на прочие; попробуйте-ка их понять.

Знаете ли вы эту маленькую кругленькую женщину, у которой голова словно растет из самых плеч и едва можно разглядеть руки; у которой ноги так коротки и живот так отвис, что ее можно принять за китайского болванчика или за огромный уродливый эмбрион; ее прозвали Сплющенным Сфероидом; она вбила себе в голову, что Брама призвал ее к изучению геометрии, потому что она создана им в форме шара; впрочем, она вполне могла бы избрать артиллерию,

ибо благодаря присущей ей форме должна была выйти из чрева матери природы, как ядро вылетает из жерла пушки.

Мне захотелось узнать новости о ее сокровище, и я стал его расспрашивать; но этот новоявленный вихревик стал изъясняться в таких специальных геометрических терминах, что я ничего не понял и подозреваю, что оратор и сам себя не понимает. Речь все время шла о прямых линиях, вогнутых поверхностях, данных величинах, длине, ширине, глубине, твердых телах, действующей и потенциальной энергии, конусах, цилиндрах, конических сечениях, кривых, эластических кривых, замкнутой кривой с центром приложения силы…

— Довольно! Пощадите меня, ваше высочество! — горестно воскликнула фаворитка, — у вас безжалостная память. Вы можете уморить человека. Теперь у меня обеспечена мигрень на добрую неделю. Скажите, между прочим, неужели и второе сокровище так же забавно?

— Предоставляю вам самим судить, — отвечал Мангогул. — Клянусь большим пальцем Брамы, я совершил прямо-таки чудо. Я запомнил весь этот вздор от слова до слова, хотя там не было ни тени смысла и ни капли ясности; и если вы мне дадите

тонкое критическое истолкование, вы сделаете мне очаровательный подарок, сударыня.

— Как вы сказали, государь?! — воскликнула Мирзоза. — Пусть я умру, если вы не похитили у кого-то эту фразу!

— Не знаю, как это случилось, — отвечал Мангогул, — ибо сегодня я никому не давал аудиенции, кроме этих двух сокровищ. Когда я направил перстень на последнее из них, оно помолчало с минуту, а затем заговорило, как бы обращаясь к какому-то собранию:

«Господа!

Я не стану выискивать, пренебрегая моим собственным разумом, образцы мышления и выражений. И если мне удастся высказать нечто новое, в этом не будет никакой аффектации; оно явится следствием моей темы; если бы я повторяло то, что уже высказывалось по этому поводу, это значило бы, что я мыслю, как другие.

Пусть не вздумают иронизировать над моим вступлением и обвинять меня в том, что я ничего не читало или же читало без толку, — сокровище, подобное мне, не создано ни для чтения, ни для того, чтобы употреблять его на пользу, ни для того, чтобы предвидеть возражения, ни для того, чтобы на них отвечать.

Я не могу отказаться от замечаний и словесных украшений, соответствующих моей теме, тем более, что сама по себе она чрезвычайно скромна и не разрешит мне напыщенного многословия; но я не стану касаться мелких, ничтожных подробностей, которые являются достоянием пустого болтуна; я было бы в отчаянии, если бы меня заподозрили в пустословии.

Теперь, когда я сообщило вам, господа, о том, чего вы должны ожидать от моих открытий и от моей риторики, будет достаточно нескольких ударов кисти, чтобы обрисовать мой характер.

Вы знаете не хуже меня, господа, что существует две категории сокровищ: сокровища гордые и сокровища скромные; первые хотят всегда быть впереди и занимать высшее положение; вторые, напротив, на все согласны и имеют покорный вид. Эти противоположные наклонности обнаруживаются в их замыслах и заставляют тех и других действовать согласно руководящему ими духу.

Я считаю, будучи во власти предрассудков, внушенных мне воспитанием в юности, что обеспечу себе более прочную, легкую и приятную карьеру, если возьму на себя роль смиренницы; и я отдавалось с ребяческой стыдливостью и крот-

кими мольбами всем тем, кого имело счастье встретить.

Но какие ужасные времена! Мои услуги были приняты лишь после того, как я выслушало множество всяких «но», «если» и «как», которые могли бы вывести из терпения самое праздное из сокровищ.

Увы! Счастье было непродолжительно. Мой первый обладатель, стремясь к новой, льстившей его самолюбию победе, бросил меня, и я снова оказалось не у дел.

Я потеряло драгоценность и не льстило себя надеждой, что судьба вознаградит меня за эту потерю; в самом деле, вакантное место вскоре было занято, но не все целиком, одним шестидесятилетним старцем, страдавшим не столько недостатком доброй воли, сколько отсутствием данных.

Старик изо всех сил старался заставить меня позабыть прошлое. Он обращался со мной со всей учтивостью и обходительностью, какие приняты в нашем кругу, но, несмотря на все усилия, не мог устранить мои сожаления о потерянном.

Правда, искусство, которое ни перед чем не останавливается, открыло ему в сокровищнице даров природы некоторые средства смягчить

мою печаль, — но эта компенсация показалась мне недостаточной; и мое воображение тщетно пыталось найти новые формы отношений и даже создать фантастические. Преимущество первенства так велико, что оно овладевает мыслью и ставит преграды всему, что впоследствии пытается предстать перед нами в других формах; и так велика неблагодарность сокровищ, — скажу это к нашему стыду, — что для них добрая воля никогда не заменяет факта.

Это замечание кажется мне столь справедливым, что, — хотя я и никому не обязано этой мыслью, — я полагаю, что она приходила в голову не мне одному; но если она поражала кого-нибудь и до меня, тем не менее, господа, я первое решаюсь высказать ее вслух и тем самым дать вам оценить все ее значение.

У меня нет ни малейшей склонности вменять в вину говорившим до меня тот факт, что они опустили столь важное обстоятельство, и мое самолюбие вполне удовлетворено тем, что мне удалось после стольких ораторов предложить вам мое наблюдение как нечто совершенно новое»...

— Ах, государь, — воскликнула Мирзоза, — мне кажется, что я слышу хироманта Манимонбанды.

Обратитесь к этому человеку, и вы получите от него тонкое критическое истолкование, приятный дар, за которым вы тщетно будете обращаться ко всякому другому.

Африканский автор сообщает, что Мангогул улыбнулся и продолжал говорить. «Но я остерегаюсь, — прибавляет он, — приводить остаток речи сокровища. Ибо если ее начало не было так занимательно, как первые страницы повести о фее Топ, то продолжение ее еще скучнее последних страниц истории феи Мусташ»[41].

[41] Примечания: 41

«…истории феи Мусташ». — Фея Мусташ — персонаж романа Кребийона «Танзай и Неадарне».

Глава сороковая
Сон Мирзозы

Когда Мангогул окончил пересказ академической речи путаника Жиржиро, было уже поздно, и все легли спать.

В эту ночь фаворитка могла ожидать, что крепко уснет, но во время сна ей припомнился вчерашний разговор, вызванные им мысли перемешались с другими, и ее мучил причудливый сон, который она не преминула рассказать султану.

— Я только что заснула, — говорила она, — как почувствовала себя перенесенной в огромную галерею, всю уставленную книгами. Не скажу вам, что это были за книги; я отнеслась к ним так, как относятся многие наяву: я не прочла ни одного названия, моим вниманием завладело нечто более интересное.

На некотором расстоянии друг от друга, между книжными шкафами, стояли на пьедесталах прекрасные мраморные и бронзовые бюсты. Безжалостная рука времени пощадила их, и, если не считать кое-каких мелких повреждений,

они были в полной сохранности; на них лежал отпечаток благородства и изящества, какие античность умела придавать своим творениям; у большинства была длинная борода, высокий лоб, подобный вашему, и значительное выражение лица.

Мне захотелось узнать их имена и заслуги, и вот некая женщина[42] вышла из амбразуры окна и приблизилась ко мне; у нее был прекрасный рост, величавая поступь и благородная осанка; ее взгляд был кроток и в то же время горделив, а голос обладал проникающим в душу очарованием; наряд ее составляли шлем, броня и развевающаяся юбка из белого атласа.

«Я вижу ваше недоумение, — сказала она мне, — и сейчас удовлетворю ваше любопытство. Люди, изображения которых так вас поразили, были моими любимцами; они посвящали дни и ночи усовершенствованию изящных искусств, изобретательницей которых я являюсь. Они жили в самых просвещенных странах мира, и их сочинения, доставлявшие наслаждение современникам, вызывают восхищение и поныне. Подойдите поближе, и вы увидите на пьедесталах

---

[42] Примечания: 42

…некая женщина… — Минерва.

бюстов барельефные изображения на различные интересные темы; из них вы почерпнете указания относительно характера произведений».

Первый бюст, который я стала рассматривать, изображал величавого старца, показавшегося мне слепым[43]; по всей вероятности, он воспевал битвы, так как они были изображены по бокам пьедестала; переднюю сторону его занимала одна фигура, — это был молодой герой; он положил руку на рукоять меча, и видна была женская рука, которая схватила его за волосы, как бы обуздывая его гнев.

Против этого бюста стоял бюст молодого человека[44]; он был воплощением скромности; его глаза внимательно смотрели на старца; он также воспевал войну и сражения; но это не было единственным предметом его песен, ибо на боковых барельефах были изображены с одной стороны пахари, согбенные над плугами и обрабатывающие землю, а с другой — пастухи, лежащие на траве и играющие на свирели посреди баранов и собак.

Несколько поодаль от бюста старца находился

---

[43] Примечания: 43

…старца, показавшегося мне слепым. — Гомер.

[44] Примечания: 44

…бюст молодого человека. — Вергилий.

бюст, изображавший человека со смятенным взглядом[45]: казалось, он следил глазами за каким-то удаляющимся предметом, внизу были изображены брошенная лира, рассыпанные лавры, разбитые колесницы и бешеные кони, несущиеся по широкой равнине.

Напротив этого бюста стоял другой, сильно меня заинтересовавший; мне кажется, я и сейчас еще вижу его; у него было хитрое выражение лица, острый огромный нос, внимательный взгляд и лукавая усмешка[46]. Барельефы, украшавшие пьедестал, изобиловали фигурами, и вздумай я вам их описать, я бы никогда не кончила.

Рассмотрев еще несколько бюстов, я принялась расспрашивать мою водительницу.

«Кто этот человек, — спросила я, — у которого на устах написана правдивость и в чертах — честность?»

«Он был, — отвечала она, — другом и жертвой обеих этих добродетелей. Всю свою жизнь он старался просветить своих соотечественников и сделать их добродетельными; а они, неблагодар-

---

[45] Примечания: 45

…человека со смятенным взглядом. — Пиндар.

[46] Примечания: 46

…внимательный взгляд и лукавая усмешка. — К.Гораций Флакк.

ные, лишили его жизни[47]».

«А этот бюст, стоящий ниже?»

«Какой? Тот, который словно поддерживают грации, изображенные по бокам пьедестала?»

«Да, именно этот».

«Это ученик, унаследовавший мудрость и принципы злополучного добродетельного мужа[48], о котором я вам говорила».

«А этот толстощекий, увенчанный виноградом и миртами?»

«Это веселый философ, единственным занятием которого было пение и наслаждение. Он умер в объятиях сладострастия[49]».

«А этот слепец?»

«Это…» — начала она отвечать.

Но я не стала ждать ее ответа. Мне показалось, что я нахожусь в знакомой мне стране, и я поспешно подошла к бюсту, стоявшему напротив[50]. На его пьедестале были изображены

---

[47] Примечания: 47

…лишили его жизни. — Сократ.

[48] Примечания: 48

…злополучного добродетельного мужа… — Платон.

[49] Примечания: 49

…умер в объятиях сладострастия. — Анакреон.

[50] Примечания: 50

…к бюсту, стоявшему напротив. — Вольтер.

трофеи — различные атрибуты наук и искусств. На одной стороне пьедестала среди этих трофеев резвились амуры. На другой стороне изображены были гении политики, истории и философии. На третьей — две армии в боевом порядке, на лицах у воинов написаны были изумление и ужас, а также можно было прочесть восхищение и благоговение. Эти чувства были, по-видимому, внушены зрелищем, к которому были прикованы все взгляды. Это был умирающий молодой человек и, рядом с ним, воин более зрелого возраста, обращавший оружие против самого себя. Все в этих фигурах было необычайно прекрасно: и отчаяние одного, и оцепенение смерти, овладевшее членами другого. Приблизившись, я прочла наверху надпись, начертанную золотыми буквами:

«Увы! То сын его!»[51]

В другом месте был изображен египетский султан, в ярости вонзавший кинжал в грудь молодой женщины в присутствии толпы народа. Одни отвращали взоры, другие плакали. Вокруг изображения были выгравированы такие слова:

«Не вы ли это, Нерестан?..»[52]

---

[51] Примечания: 51

«...Увы! То сын его!» — «Генриада» Вольтера, Песнь VIII, ст. 260.

[52] Примечания: 52

«Не вы ли это, Нерестан?...» — «Заира» Вольтера, акт V, сцена IX.

Я хотела перейти к другим бюстам, когда внезапный шум заставил меня обернуться. Его производила толпа людей в длинных черных одеяниях, устремившаяся в галерею. У одних в руках были кадила, откуда вырывались клубы густого дыма, у других — гирлянды из бархатных гвоздик и других цветов, сорванных без разбора и безвкусно подобранных. Они сгрудились вокруг бюстов и стали на них кадить, распевая гимны на непонятных мне языках. Клубы дыма цеплялись за бюсты, которым украсившие их гирлянды придавали нелепый вид. Но вскоре античные бюсты обрели прежний вид; на моих глазах гирлянды увяли и осыпались на пол сухими лепестками. Среди варваров поднялся спор[53] о том, почему некоторые из них не преклонялись достаточно низко, в угоду другим, и дело, казалось, было готово дойти до рукопашной, когда моя водительница рассеяла их одним взглядом и восстановила тишину в своей обители.

Не успели они исчезнуть, как из противоположной двери вошла длинная вереница пигмеев; эти человечки не достигали и двух локтей в вышину, но зато у них были весьма острые зубы

---

[53] Примечания: 53

Среди варваров поднялся спор… — Спор о древних и новых.

и длинные ногти[54]. Разбившись на несколько групп, они окружили бюсты. Одни старались поцарапать барельефы, и паркет был усеян обломками их ногтей, другие, еще более наглые, взгромоздившись на плечи товарищей до уровня голов бюстов, давали им щелчки. Но меня весьма забавляло, что щелчки, даже не коснувшись носа статуй, обращались на носы пигмеев. Рассмотрев пигмеев вблизи, я обнаружила, что они почти все курносы.

«Вы видите, — сказала мне моя водительница, — какова наглость этих пигмеев и постигающая их кара. Уже давно длится эта война, и всегда она для них неудачна. Я обхожусь с ними не так строго, как с черными одеждами, — ладан последних может повредить бюстам, старания же первых почти всегда лишь усиливают блеск их красоты. Но так как вам осталось провести здесь лишь час или два, советую вам перейти к другим предметам».

Тотчас же распахнулся большой занавес, и я увидела мастерскую, где работали другого рода пигмеи; у них не было ни зубов, ни ногтей, но зато они были вооружены бритвами и ножница-

---

[54] Примечания: 54

...острые зубы и длинные ногти. — Литературные критики.

ми[55]. Они держали в руках головы, казавшиеся живыми, и занимались тем, что у одной обрезали волосы, у другой нос и уши, у третьей выкалывали правый глаз, у четвертой — левый, затем они рассекали на части почти все головы. После этой операции они начинали их разглядывать и улыбаться, как будто находили их прекраснейшими в мире. Напрасно бедные головы испускали громкие крики, — их почти не удостаивали ответом. Я слышала, как одна из них требовала обратно свой нос и доказывала, что ей невозможно никуда показаться без этой части лица.

«Э, милейшая голова, — отвечал ей пигмей, — да ты с ума сошла! Этот нос, о котором ты так сожалеешь, уродовал тебя. Он был такой длинный, длинный… С ним бы ты никогда не добилась успеха. Но теперь, когда его отрезали, ты стала очаровательной, и все будут искать с тобой знакомства».

Я сожалела об участи этих голов, когда заметила других пигмеев, более милосердных, которые ползали по земле, вооруженные очками. Они

[55] Примечания: 55

…вооружены бритвами и ножницами. — Цензоры, составители хрестоматий, сборников, антологий и т.п.

собирали носы и уши[56] и прилаживали их к каким-то старым головам, утратившим их от времени.

Некоторым из них, правда, немногим, это удавалось, другие же приставляли нос на место уха или же ухо на место носа, отчего головы становились еще более безобразными.

Мне не терпелось узнать, что означали все эти вещи, я спросила об этом мою водительницу, и она уже открыла уста, чтобы мне ответить, когда я внезапно проснулась.

— Какая досада! — заметил Мангогул. — Эта женщина открыла бы вам начало тайн. Но за отсутствием ее мы обратимся к моему фокуснику Блокулокусу.

— Как! — воскликнула фаворитка? — К этому простофиле, которому вы даровали привилегию показывать при вашем дворе волшебный фонарь?

— Да, именно к нему, — отвечал султан. — Ваш сон объяснит либо он, либо никто.

— Пусть позовут Блокулокуса, — приказал Мангогул.

---

[56] Примечания: 56

Они собирали носы и уши… — схолиасты, текстологи, комментаторы.

Глава сорок первая
Двадцать первая и двадцать вторая пробы кольца. Фрикамона и Калипига

Африканский автор ничего не говорит о том, что делал Мангогул в ожидании Блокулокуса. По-видимому, он отправился расспрашивать кое-какие сокровища и, удовлетворенный тем, что узнал, вернулся к фаворитке, испуская крики радости, которыми и начинается эта глава.

— Победа! Победа! — восклицал он. — Вы можете торжествовать, сударыня; и дворец, и фарфор, и маленькая обезьянка — ваши!

— Это, конечно, Эгле? — спросила фаворитка.

— Нет, сударыня, не Эгле, — отвечал султан, — это другая.

— О государь, — сказала фаворитка, — не томите меня ожиданием, сообщите, кто этот феникс…

— Ну, хорошо. Это… Кто бы мог думать?

— Это?.. — спросила фаворитка.

— Фрикамона, — отвечал султан.

— Фрикамона! — повторила Мирзоза. — Я в этом не вижу ничего невозможного. Эта женщи-

на провела в монастыре большую часть своей юности и, с тех пор как вышла оттуда, ведет самую примерную и уединенную жизнь. Ни один мужчина не входил к ней, она сделалась как бы аббатисой и стоит во главе целой паствы молодых богомолок, которых она ведет к совершенству и которыми полон ее дом. Вам, мужчинам, там нечего делать, — прибавила фаворитка, улыбаясь и покачивая головой.

— Мадам, вы правы, — сказал Мангогул. — Я стал расспрашивать ее сокровище. Ответа не было. Я удвоил силу моего перстня путем повторного трения, — по-прежнему ничего. «Вероятно, это сокровище глухо», — говорил я себе. И я собирался оставить Фрикамону на кушетке, где ее застал, когда она вдруг заговорила, разумеется, ртом.

«Дорогая Акарис, — воскликнула она, — как я счастлива в минуты, когда убегаю от неотвязных дел, чтобы отдаться тебе! После тех минут, которые я провожу в твоих объятиях, это самые сладкие минуты в моей жизни… Ничто меня не развлекает; кругом царит молчание, полуоткрытые занавески впускают немного света, достаточного для того, чтобы мне с умилением созерцать тебя. Я приказываю воображению, оно вызывает твой образ, и вот я уже вижу тебя…

Милая Акарис! Как ты прекрасна!.. Да, вот твои глаза, твоя улыбка, твои уста… Не прячь от меня твою юную грудь. Дай мне ее поцеловать… Я еще не нагляделась на нее… Еще разок ее поцелую… О, дай мне умереть на ней!.. Какая страсть меня охватывает! Акарис! Милая Акарис, где ты… Приди же, милая Акарис… О дорогая и нежная подруга, клянусь тебе, неведомые чувства овладели моей душой! Она переполнена ими, она стала им дивиться, она не может их выдержать… Лейтесь, сладостные слезы, лейтесь и утолите пожирающий меня жар!.. Нет, милая Акарис, нет, этот Ализали, которого ты мне предпочитаешь, не любит тебя так, как я… Но я слышу какой-то шум… Ах, это, без сомнения, Акарис… Приди, милая подруга, приди»…

— Фрикамона не ошиблась, — продолжал Мангогул, — это была действительно Акарис. Я оставил их беседовать вдвоем и, глубоко убежденный в том, что сокровище Фрикамоны останется скромным, прибежал сообщить вам, что проиграл пари.

— Но, — сказала султанша, — я не понимаю эту Фрикамону, она или сошла с ума, или у нее истерический припадок. Нет, государь, нет, у меня больше совести, чем вы предполагаете. Я ничего

не могу возразить против этого испытания, но чувствую, что здесь есть что-то, что не позволяет мне признать за собой победу. Нет, я не считаю себя победительницей, уверяю вас. Мне совсем не нужно вашего дворца и фарфора, или же я получу их по справедливости.

— Сударыня, — сказал Мангогул, — я, право, вас не понимаю. На вас находят удивительные причуды. Вероятно, вы не рассмотрели как следует маленькую обезьянку.

— Государь, я отлично ее рассмотрела, — возразила Мирзоза. — Я знаю, она очаровательна. Но я подозреваю, что случай с Фрикамоной совсем не на руку мне. Если вы захотите, чтобы обезьянка когда-нибудь мне принадлежала, спросите других.

— Честное слово, сударыня, — сказал Мангогул, — после основательного размышления я думаю, что выигрыш вам может доставить лишь возлюбленная Мироло.

— О государь, вы бредите! — отвечала фаворитка. — Я не знаю вашего Мироло, но кто бы он ни был, раз у него есть возлюбленная, этим все сказано.

— В самом деле, вы правы, — сказал Мангогул. — Но все-таки я готов биться о заклад, что

сокровище Калипиги не знает решительно ничего.

— Согласитесь же, — продолжала фаворитка, — что здесь одно из двух: или сокровище Калипиги… Но я хотела удариться в смешные рассуждения… Делайте же, государь, все, что вам будет угодно. Спросите сокровище Калипиги; если оно будет молчать, тем хуже для Мироло и тем лучше для меня.

Мангогул вышел и в одно мгновение очутился возле вышитой серебром софы цвета нарцисса, где покоилась Калипига. Не успел он направить на нее перстень, как услыхал глухой голос, бормотавший такие слова:

— О чем вы меня спрашиваете? Я ничего не понимаю в ваших вопросах. Обо мне даже не знают. А между тем мне кажется, что я не хуже других. Правда, Мироло часто заглядывает ко мне, но…

В этом месте в рукописи значительный пропуск. Ученые круги были бы весьма признательны тому, кто мог бы восстановить текст речи сокровища Калипиги, от которой сохранились лишь две последних строки. Приглашаем ученых рассмотреть их и решить, не был ли этот пропуск сознательным опущением автора, недовольного тем, что сказало сокровище, и не сумевшего за-

менить его слова чем-нибудь лучшим.

…Говорят, что моему сопернику воздвигнуты алтари за Альпами. Увы! Если бы не Мироло, во всем мире воздвигали бы мне храмы.

Мангогул тотчас же вернулся в сераль и повторил фаворитке жалобы сокровища Калипиги слово в слово, ибо у него была удивительная память.

— Ее слова, сударыня, — сказал он, — вам на руку. Я отдаю вам обещанное, и вы поблагодарите за это Калипигу, когда сочтете нужным.

— Государь, — торжественно отвечала Мирзоза, — своим выигрышем я хочу быть обязанной лишь неоспоримой добродетели, а не…

— Но, сударыня, — прервал ее султан, — я не знаю, чья добродетель лучше установлена, чем у той, которая видала врага так близко.

— Государь, — возразила фаворитка, — я знаю, что говорю. Вот Селим и Блокулокус, они нас рассудят.

Вошли Селим и Блокулокус. Мангогул рассказал им, в чем дело, и они оба приняли сторону Мирзозы.

Глава сорок вторая
Сновидения

— Сударь, — сказала фаворитка Блокулокусу, — вы должны оказать мне еще одну услугу. Прошлую ночь я видела множество необычайных вещей. Это был сон, но один бог знает, что это за сон. Меня уверяли, что вы лучший в Конго толкователь снов. Скажите же мне поскорей, что означает этот сон. — И она тотчас же рассказала ему все виденное.

— Сударыня, — отвечал Блокулокус, — я весьма посредственный онейрокритик…

— О, избавьте меня, пожалуйста, от научных терминов! — воскликнула фаворитка. — Оставьте науку в покое и говорите разумным языком.

— Сударыня, — сказал Блокулокус, — вы будете удовлетворены. У меня есть кое-какие интересные соображения о сновидениях. Именно этому я обязан прозвищем Пустой Сон, а также тем, что имею честь беседовать с вами. Я изложу вам свои мысли по возможности ясно.

— Вам, конечно, известно, сударыня, — продолжал он, — что говорят об этом большинство

философов, а также прочие смертные. Предметы, — говорят они, — поразившие днем наше воображение, занимают наше сознание ночью; следы, оставленные ими во время бодрствования в фибрах нашего мозга, сохраняются; жизненные силы, привыкшие направляться в известные области, следуют по уже знакомому пути, — отсюда возникают непроизвольные представления, которые огорчают нас или радуют. Исходя из этих положений, счастливый любовник, казалось бы, всегда должен иметь приятные сны, а между тем случается нередко, что особа, отнюдь не враждебная ему наяву, в сновидении обращается с ним, как с негром, или, вместо того, чтобы обладать очаровательной женщиной, он видит в своих объятиях маленькое безобразное чудовище.

— Нечто подобное как раз случилось со мной прошлой ночью, — прервал его Мангогул. — Ведь я вижу сны каждую ночь, — это семейная болезнь; она передается от отца к сыну и началась с султана Тогрула, который первый стал видеть сны с 743500000002 года. Так вот, прошлой ночью я видел вас, сударыня, — обратился он к Мирзозе. — Это были ваша кожа, ваши ручки, ваша грудь, ваша шея, ваши плечи, ваше упругое тело, ваш стройный стан, ваша несравненная округ-

лость форм, одним словом, это были вы; а между тем, вместо вашего прелестного лица, вместо очаровательной головки, которую я искал глазами, — я очутился носом к носу с мордой мопса.

Я испустил ужасный крик. Котлук, мой камердинер, прибежал и спросил, что со мной. «Мирзоза, — отвечал я ему в полусне, — только что подверглась самой безобразной метаморфозе, она стала мопсом».

Котлук не счел нужным разбудить меня, он удалился, и я снова заснул. Но могу вас уверить, я отлично узнал вас, ваше тело и видел голову собаки. Объяснит ли мне Блокулокус этот феномен?

— Я не теряю надежды его объяснить, — отвечал Блокулокус, — но только ваше высочество должны признать одно весьма простое положение: что все существа находятся между собой в самых разнообразных отношениях, благодаря присущим им одинаковым свойствам, и что известный комплекс свойств характеризует их и образует различия между ними.

— Это ясно, — заметила Мирзоза, — например, у Ипсифилы руки, ноги и рот характерны для умной женщины…

— А Фарасман, — прибавил Мангогул, — носит шпагу, как доблестный человек.

— Если мы недостаточно знакомы со свойствами, комплекс которых характеризует ту или иную категорию людей, или если мы будем поспешно судить о том, подходит ли этот комплекс к тому или иному индивиду, мы рискуем принять медь за золото, страз за брильянт, счетчика за математика, фразера за человека науки, Критона за честного человека и Федиму за хорошенькую женщину, — добавила султанша.

— Так вот, знаете ли вы, сударыня, — продолжал Блокулокус, — что можно сказать о людях, произносящих такие суждения?

— Что они грезят наяву, — отвечала Мирзоза.

— Отлично, сударыня, — продолжал Блокулокус. — И ходячее выражение «Мне кажется, вы грезите» является во всех отношениях самым мудрым и точным; ибо самое обычное явление — люди, которые воображают, что рассуждают, а на самом деле грезят с открытыми глазами.

— Именно о них, — прервала фаворитка, — можно сказать буквально, что жизнь есть сон.

— Не могу надивиться, сударыня, — продолжал Блокулокус, — легкости, с которой вы схватываете самые абстрактные понятия. Наши сны — не что иное, как слишком поспешные суждения, следующие друг за другом с невероятной быстро-

той; сближая между собой вещи, имеющие лишь самое отдаленное сходство, они создают из них некое причудливое целое.

— О, я вас прекрасно понимаю, — сказала Мирзоза. — Это своего рода мозаика, составные части которой более или менее многочисленны, более или менее правильно расположены, в зависимости от того, живой ли у нас ум, проворное ли воображение и надежная ли память. Не в этом ли заключается безумие? И когда какой-нибудь обитатель желтого дома восклицает, что он видит молнию, слышит гром и видит, как пропасти разверзаются у него под ногами, или когда Ариадна, стоя перед зеркалом, улыбается сама себе, находя, что у нее живой взгляд, прелестный цвет лица, прекрасные зубы и маленький ротик, — то не воспринимают ли их поврежденные мозги воображаемые вещи как существующие и реальные?

— Вот именно, сударыня Да, если мы станем хорошенько наблюдать сумасшедших, — сказал Блокулокус, — мы убедимся, что их состояние не что иное, как непрерывный сон.

— Я располагаю, — сказал Селим, обращаясь к Блокулокусу, — некоторыми фактами, к которым ваши идеи блестяще приложимы, что и заставляет меня их принять. Однажды мне

приснилось, что я слышу ржанье, и вот я увидел, как из великой мечети вышли двумя параллельными рядами странные животные. Они важно шли на задних ногах, морды их были закрыты капюшонами, сквозь отверстия которых виднелись длинные уши, подвижные и бархатистые; передние ноги были закутаны очень длинными рукавами. В свое время я ломал голову, пытаясь разгадать смысл видения, но сегодня я вспомнил, что накануне этого сна был на Монмартре[57].

Другой раз, когда я был в походе под началом самого великого султана Эргебзеда и, измученный форсированным маршем, спал в палатке, мне приснилось, что я должен добиваться у дивана решения по одному весьма важному делу; я хотел обратиться в государственный совет, — но судите о моем изумлении: зал оказался уставленным яслями для корма скота, колодами для пойла, кормушками и клетками с цыплятами; в кресле великого сенешала я увидел пережевывающего жвачку быка; на месте сераскира — берберийского барана; на скамье тефтардара — орла с крючковатым клювом и длинными когтями; вместо кнайа и кадилескера — двух большущих сов,

[57] Примечания: 57

…накануне этого сна был на Монмартре. — На Монмартре находилась иезуитская базилика.

закутанных в меха; а вместо визирей — гусей с хвостами павлинов; я изложил свое ходатайство и тотчас же услыхал отчаянный шум, который меня разбудил.

— Нечего сказать, трудно разгадать этот сон! — заметил Мангогул. — У вас в то время было дело в диване, и, прежде чем туда отправиться, вы прошлись по зверинцу. Но вы ничего не говорите мне, господин Блокулокус, о моей собачьей голове.

— Государь, — отвечал Блокулокус, — сто шансов против одного за то, что у сударыни был палантин из куньих хвостов, или же что вы видели его на другой особе, а также, что мопсы поразили вас, когда вы их увидели в первый раз, — всех этих данных более, чем достаточно, чтобы заставить работать вашу фантазию ночью; благодаря сходству цветов, вам легко было заменить палантин собачьей шерстью, и тотчас же вы посадили безобразную собачью голову на место прекраснейшей женской головки.

— Ваши мысли кажутся мне справедливыми, — заметил Мангогул. — Почему вы их не опубликуете? Они могли бы содействовать успеху гаданий по снам, — важной науки, которой много занимались две тысячи лет назад и кото-

рой впоследствии стали пренебрегать. Другое преимущество вашей теории в том, что она сможет пролить свет на некоторые труды как древние, так и современные, которые являются не чем иным, как сплетением сновидений; таковы: «Трактат об идеях» Платона, «Фрагменты» Гермеса Трисмегиста[58], «Литературные парадоксы» отца Г…[59] «Ньютон», «Учение о цветах» и «Универсальная математика» одного брамина[60]. Не скажете ли вы, между прочим, господин гадатель, что видел Оркотом в ту ночь, когда ему приснилась его гипотеза; что видел отец К…[61], когда начал сооружать свой цветовой орган, и под влиянием какого сна Клеобул сочинил свою трагедию?

— Путем некоторого размышления мне удастся

---

[58] Примечания: 58

Гермес Трисмегист (трижды великий) — вымышленный автор теософского учения, изложенного в книгах египетско-греческого происхождения; медиум, внимающий божественному откровению и сообщающий его людям через своих сыновей — Тота, Асклепия и Амона.

[59] Примечания: 59

«Литературные парадоксы» отца Г… — иезуита Жана Ардуэна (1646-1729), автора «Апологии Гомера».

[60] Примечания: 60

…одного брамина. — Иезуита отца Кастеля.

[61] Примечания: 61

Отец К… — о. Кастель.

растолковать все это, государь, — отвечал Блокулокус, — но я откладываю разъяснение этих щекотливых вопросов до того времени, когда предложу публике мой перевод Филоксена[62], привилегию на который умоляю ваше высочество мне дать.

— Весьма охотно, — сказал Мангогул, — но кто такой этот Филоксен?

— Государь, — отвечал Блокулокус, — это греческий автор, прекрасно понимавший природу снов.

— Так вы знаете греческий?

— О нет, государь.

— Но разве вы не сказали, что переводите Филоксена и что он писал по-гречески?

— Да, государь, но нет необходимости знать язык, чтобы переводить с него; ведь переводят для людей, которые его не знают.

— Это замечательно! — воскликнул султан. — Господин Блокулокус, переводите с греческого, не зная языка; даю вам слово, что никому не скажу об этом и буду оказывать вам и впредь не менее исключительное уважение.

---

[62] Примечания: 62

Филоксен (435-380 до н.э.) — древнегреческий поэт.

Глава сорок третья
Двадцать третья проба кольца. Фанни

Когда окончилась эта беседа, было еще светло; это побудило Мангогула, прежде чем удалиться в свои апартаменты, сделать еще одну пробу кольца, хотя бы для того, чтобы заснуть с более веселыми мыслями, чем занимавшие его до сих пор. Он немедленно перенесся к Фанни, но не застал ее. После ужина он вернулся, но ее все еще не было. Итак, он отложил свое испытание до утра следующего дня.

В этот день, — говорит африканский автор, летопись которого мы переводим, — Мангогул явился к Фанни в половине десятого. Ее только что уложили в кровать. Султан подошел к ее изголовью, некоторое время рассматривал ее и не мог понять, как, при таких незначительных прелестях, у нее было столько похождений.

Фанни белокура до бесцветности, высока, развинченна, обладает непристойной походкой, черты лица у нее неправильны, в ней мало обаяния, вид ее дерзок, терпим лишь при дворе;

что касается ума, она набралась его в галантных похождениях, — ведь женщина должна быть прирожденной дурой, чтобы не овладеть развязной речью после двадцати интриг, как это было у Фанни.

В последнее время она принадлежала человеку, прямо созданному для нее. Он отнюдь не пугался ее измен, — правда, он не был так прекрасно осведомлен, как публика, насколько далеко они заходили. Он взял Фанни, повинуясь прихоти, и сохранял ее за собой по привычке. У них было что-то вроде налаженного хозяйства. Они провели ночь на балу, легли спать в девять часов утра и безмятежно заснули. Беспечность Алонзо не так устраивала бы Фанни, не будь у него легкий характер. Итак, наша пара крепко спала спина к спине, когда султан направил кольцо на сокровище Фанни. Тотчас же оно принялось болтать, хозяйка его захрапела, Алонзо проснулся.

Зевнув несколько раз, сокровище сказало:

— Это не Алонзо Который час? Чего от меня хотят? Мне кажется, я не так давно заснуло. Оставьте же меня в покое.

Алонзо собирался снова заснуть, но это не входило в намерения султана.

— Что за преследования! — продолжало сокро-

вище. — Снова толчок! Чего от меня хотят? Беда иметь знаменитых предков! Глупое положение титулованного сокровища. Если что вознаграждает меня за трудности моего положения, — так это доброта вельможи, которому я принадлежу. О, в этом отношении он лучший в мире человек! Он никогда к нам не придирался. Зато и мы хорошо пользовались предоставленной нам свободой. Милосердный Брама, что бы было со мной, если бы я принадлежало одному из тех докучных, что вечно за нами шпионят! Хороша была бы наша жизнь!

Сокровище сказало еще несколько слов, которых Мангогул не расслышал, и принялось выкладывать с поразительной быстротой целую кучу событий — героических, комических, забавных, трагикомических. Запыхавшись, оно продолжало говорить в следующих выражениях:

— Я обладаю, как видите, некоторой памятью, но я такое же, как и другие, я запомнило лишь ничтожную долю из того, что мне доверяли. Итак, удовольствуйтесь тем, что я вам рассказало, больше ничего не могу припомнить.

— Это, по крайней мере, честно, — заметил Мангогул, но все-таки продолжал настаивать на своем.

— Ах, вы выводите меня из терпения! — воскликнуло сокровище. — Неужели нет лучшего занятия, кроме болтовни! Ну, что же, давайте болтать, если так надобно. Быть может, когда я все скажу, мне будет позволено делать что-нибудь другое.

Моя хозяйка Фанни, — продолжало сокровище, — повинуясь непостижимой прихоти, покинула двор и затворилась в своем особняке в Банзе. Было начало осени, и в городе не было ни души. Что же она там делала? — спросите вы меня. Ей-богу, не знаю; ведь Фанни умеет делать только одно, и если бы она этим занялась, мне было бы известно. Она, по всей видимости, была не у дел. Да, я припоминаю: мы провели полтора дня ничего не делая и умирая от скуки.

Я уже боялось, что такой образ жизни меня погубит, когда Амизадар решил нас от него избавить.

«А, вот и вы, мой бедный Амизадар. Право, я в восторге от вашего прихода. Вы явились очень кстати».

«А кто же знал, что вы в Банзе?» — спросил Амизадар.

«О, решительно никто. Ни ты, ни кто другой об этом не подозревает. Ты не догадываешься о том,

что меня сюда привело?»

«Нет, сказать по правде, ничего не подозреваю».

«Решительно ничего?»

«Да, ничего».

«Ну, так узнай же, мой милый: я захотела обратиться».

«Обратиться?»

«Ну, да».

«Посмотрите-ка на меня. Но вы сейчас очаровательнее, чем когда-либо, и я не вижу, что могло привести вас к обращению. Это шутка».

«Честное слово, нет. Это вполне серьезно. Я решила покинуть свет, он мне надоел».

«Это фантазия, которая скоро пройдет. Пусть я умру, если вы когда-нибудь станете богомолкой».

«Стану, говорю вам. У мужчин нет больше совести».

«Разве Мазул дурно с вами обошелся?»

«Нет, я не видела его уже сто лет».

«Так, значит, Зуфоло?»

«Вот уж нет! Я перестала с ним видеться, сама не знаю почему, даже не думая об этом».

«А! Я догадался: это молодой Имола».

«Вот еще! Разве сохраняют такую дребедень?»

«Так в чем же дело?»

«Сама не знаю? Я зла на весь свет».

«О мадам, вы не правы. Этот свет, на который вы злитесь, еще возместит вам ваши потери».

«Скажи по правде, Амизадар, неужели ты веришь, что есть еще добрые души, не затронутые всеобщим развращением и умеющие любить?»

«Как, любить? Неужели же вы падете так низко? Вы хотите быть любимой, вы?»

«А почему бы и нет?»

«Но подумайте сами, мадам, ведь мужчина, который любит, требует, чтобы и его любили, притом его одного. Вы слишком благоразумны, чтобы подчиниться ревности и капризам пылкого и верного любовника. Нет ничего утомительнее таких людей. Никого не видеть, не любить, ни о ком не мечтать, кроме как о них; отдавать свое остроумие, веселье и прелести только им, — это никак к вам не подходит. Хотел бы я посмотреть, как вы окунетесь с головой в сильную страсть и приобретете все смехотворные повадки маленькой буржуазки!»

«Мне кажется, ты прав, Амизадар, я думаю, что в самом деле нам не пристало заниматься любовью. Что же, будем менять привязанности, раз так уж надо. К тому же, я не вижу, чтобы

чувствительные женщины, которых нам ставят в пример, были счастливее других».

«Кто вам это сказал, сударыня?»

«Никто, я чувствую, что это так».

«Не верьте себе. Чувствительная женщина составляет свое счастье, счастье своего любовника, но эта роль идет не ко всем женщинам»…

«Честное слово, милейший, она никому не идет, все чувствуют себя в ней не по себе. Какое преимущество в том, чтобы привязываться?»

«Тысячи. Привязчивая женщина сохраняет свою репутацию, ее высоко чтит тот, кого она любит; вы не поверите, сколь многим любовь обязана уважению».

«Я ничего не понимаю в твоих словах, ты все смешиваешь: репутацию, любовь, уважение, — не знаю что еще. Как! Неужели же непостоянство навлекает на нас бесчестие? Вот, например, я выбираю себе мужчину: я им недовольна; беру другого, который также мне не под стать; меняю его на третьего, и тот не лучше прежних; и если мне так не везет и я раз двадцать ошиблась в выборе, вместо того чтобы меня пожалеть, ты хочешь»…

«Я хочу, сударыня, чтобы женщина, которая в первый раз ошиблась в своем выборе, больше

уже никого не выбирала, а то она рискует снова ошибиться и переходит от ошибки к ошибке».

«О, какая мораль! Мне кажется, мой милый, ты только что проповедывал мне совсем другое. Нельзя ли узнать, какова должна быть женщина, чтобы прийтись вам по вкусу?»

«Охотно скажу, сударыня; но уже поздно, и это заведет нас слишком далеко»…

«Тем лучше. Я одна, и ты мне составишь компанию. Идет? Садись на эту кушетку и продолжай. Так мне будет удобнее тебя слушать».

Амизадар послушно уселся рядом с Фанни.

«На вас накинута, сударыня, — сказал он, наклоняясь к ней и открывая ей грудь, — мантилья, которая как-то странно вас закрывает».

«Совершенно верно».

«Э! Так почему скрывать такие прелести!» — прибавил он, целуя их.

«Перестаньте, слышите! Вы с ума сошли! Ваша дерзость переходит все границы. Господин моралист, продолжайте-ка речь, которую вы начали».

«Итак, я хотел бы, чтобы моя любовница, — продолжал Амизадар, — отличалась красотой, умом, чувствительным сердцем, а главное, скромностью. Я желал бы, чтобы она ценила мои заботы о ней и не выпроваживала бы меня за дверь ловки-

ми минами; чтобы она раз навсегда сказала мне, что я ей нравлюсь, чтобы она сама сообщила мне, чем я могу еще больше ей понравиться; чтобы она не скрывала от меня завоеваний, какие я сделаю в ее сердце; чтобы она слушала одного меня, смотрела только на меня, думала и мечтала лишь обо мне, любила меня одного, занималась только мной; чтобы все ее поступки убеждали меня в этом; и чтобы после окончательной победы над ней я увидел, что всем обязан моей и ее собственной любви. Какой триумф, сударыня! И какое счастье для мужчины обладать такой женщиной!»

«Но, мой бедный Амизадар, ты бредишь, честное слово! Ты нарисовал мне портрет женщины, каких нет на свете».

«Извините меня, сударыня, но такие есть. Признаюсь, они редки. Но все же я имел счастье встретить подобную женщину. Увы! Если бы смерть не похитила ее у меня, — ибо таких женщин отнимает у нас только смерть, — я, вероятно, и теперь находился бы в ее объятиях».

«Но как ты вел себя с ней?»

«Я любил ее безумно; я не упускал случая доказать ей свою нежность. Мне доставляло сладостное удовлетворение видеть, что знаки моей

нежности хорошо приняты. Я был верен ей до мелочей. Она платила мне тем же. Мы спорили лишь о том, кто из нас меньше и кто больше любит другого. В таких маленьких распрях развивалась наша страсть. Никогда мы не бывали так нежны, как после испытания нашего сердца. За нашими объяснениями следовали самые бурные ласки. О, сколько любви и правдивости было в наших взорах! Я читал в ее глазах, она в моих, о том, что мы оба пылаем одинаковым и взаимным жаром».

«И к чему все это вас приводило?»

«К радостям, неведомым смертным, менее влюбленным и менее правдивым, чем мы».

«Итак, вы наслаждались?»

«Да, я наслаждался благом, которым бесконечно дорожил. Если уважение само по себе не действует на нас опьяняюще, оно, во всяком случае, содействует опьянению. Мы раскрывали сердце друг перед другом, и вы не поверите, насколько выигрывала от этого наша любовь. Чем больше я наблюдал свою возлюбленную, тем больше открывал в ней достоинств и тем в больший восторг я приходил. Я провел у ее ног полжизни и жалею, что не всю целиком. Я составлял ее счастье, она — мое. Я всегда встречал

ее с радостью и покидал с печалью. Так мы жили. Посудите же сами теперь, сударыня, достойны ли жалости чувствительные женщины».

«Конечно, нет, если правда все, что вы мне рассказали; но мне трудно поверить. Разве так любят? Я думаю также, что страсть, подобная той, какую вы испытали, должна приносить наряду с наслаждениями и большие беспокойства».

«Они были у меня, сударыня, но они были мне дороги. Я испытывал иной раз ревность. Малейшее изменение, замеченное мной в лице моей возлюбленной, зарождало в глубине моей души тревогу».

«Какое сумасбродство! Приняв все это во внимание, я заключаю, что лучше уж любить, как любят все: выбирать мужчину по своему вкусу, сохранять при себе, пока это доставляет удовольствие; бросать, когда надоест или придет фантазия взять другого. Непостоянство доставляет разнообразие наслаждений, неизвестных вам, немеющим от страсти».

«Признаюсь, такой образ действий подходит щеголихам и распутницам, но человек чувствительный и деликатный не может к нему приспособиться. Самое большее, — это может его позабавить, если сердце его свободно и ему

хочется сделать некоторые сравнения. Одним словом, женщина легкомысленная мне ничуть не по вкусу».

«Ты прав, дорогой Амизадар. Твой образ мыслей меня восхищает. Но любишь ли ты кого-нибудь сейчас?»

«Нет, сударыня, если не считать вас, но я не решаюсь вам сказать»…

«О мой милый, ты можешь мне это сказать», — возразила Фанни, пристально глядя на него.

Амизадар отлично понял смысл этих слов, придвинулся поближе к Фанни и начал теребить ленту, спускавшуюся ей на грудь. Сопротивления не было. Его рука, не встречая препятствий, скользила по ее телу На него по-прежнему устремлялись взгляды, которые он понимал, как должно. Я хорошо видело, — прибавило сокровище, — что он был прав. Он поцеловал грудь, которую так хвалил. Фанни просила его поскорее прекратить, но таким тоном, что, казалось, была бы обижена, если бы он повиновался. Поэтому он и не думал слушаться. Он целовал ей руки, вновь принимался за грудь, переходил к губам. Она не сопротивлялась. Незаметно нога Фанни очутилась на коленях Амизадара. Он стал ее ощупывать; она была тонка. Амизадар не преминул

это заметить. Его похвала была выслушана с рассеянным видом. Пользуясь таким невниманием, рука Амизадара сделала новые завоевания и довольно быстро добралась до ее колен. Фанни оставалась рассеянной, и Амизадар начал уже устраиваться, когда она очнулась. Она стала обвинять молодого философа в том, что он оказывает ей недостаточно уважения, но он, в свою очередь, впал в такую рассеянность, что ничего не слыхал или отвечал на ее упреки, довершая свое блаженство.

Каким очаровательным он мне показался! Среди множества тех, что ему предшествовали и пришли ему на смену, ни один не был мне до такой степени по вкусу. Не могу говорить о нем без дрожи. Но позвольте же мне передохнуть, мне кажется, я уже достаточно наговорило для того, кто делает это в первый раз.

Алонзо не упускал ни одного слова из рассказа сокровища Фанни, и ему, так же как и Мангогулу, не терпелось узнать, чем кончилось это приключение. Но ни тому, ни другому не пришлось сгорать от любопытства, ибо сокровище-историк продолжало в таких выражениях:

— Насколько мне удалось выяснить путем размышлений, Амизадар через несколько дней

отправился за город; там его спросили о причинах пребывания в Банзе, и он рассказал о своем похождении с моей хозяйкой, потому что один из их общих знакомых, проходя мимо нашего особняка, осведомился, случайно или кое-что подозревая, нет ли дома сударыни, велел о себе доложить и поднялся в ее покои.

«О, сударыня! Кто бы мог подумать, что вы в Банзе? И давно ли вы вернулись?»

«Я уже здесь сто лет, мой дорогой, с того самого дня, как две недели назад удалилась от света».

«Нельзя ли у вас спросить, сударыня, что вас к этому побудило?»

«Увы! Общество меня утомляло. Светские женщины до такой степени распущены, что нет сил выносить. Пришлось бы или поступать, как они, или же прослыть дурой, а сказать по правде, и то, и другое мне не по душе».

«Но, сударыня, вы стали прямо примерной женщиной. Уж не обратила ли вас речь брамина Брелибиби?»

«Нет, это просто припадок философии, приступ благочестия. Это нашло на меня внезапно. И если бы не бедняга Амизадар, я была бы сейчас совсем обновленной».

«Так мадам его недавно видела?»

«Да, один или два раза».

«И никого, кроме него?»

«Никого. Это единственное мыслящее, рассуждающее и действующее существо, которое проникло сюда за бесконечно долгое время моего уединения».

«Странно!»

«Что же в этом странного?»

«Ничего, кроме похождения, бывшего у него недавно с одной дамой в Банзе; она была подобно вам одинока, подобно вам благочестива и подобно вам удалилась от света. Но я расскажу вам эту историю, быть может, она вас позабавит».

«О, конечно», — отвечала Фанни. И тотчас же приятель Амизадара начал рассказывать ей о ее похождении, слово в слово, совсем как я, — прибавило сокровище, — и когда он дошел до этого момента…

«Ну, что вы на это скажете, сударыня? — спросил он. — Неужели этот Амизадар не счастливец?»

«Но, — возразила Фанни, — быть может, Амизадар лжец. Неужели вы думаете, что есть женщины столь дерзкие, что отдаются без стыда?»

«Но примите во внимание, мадам, — заметил Марзуфа, — что Амизадар никого не называл, и

мало вероятия, что он нас обманул».

«Догадываюсь, в чем дело, — продолжала Фанни. — Амизадар умен и хорош собой. Вероятно, он совратил с пути истинного эту бедную затворницу какими-нибудь соблазнительными идеями. Да, конечно, так. Такие люди опасны для тех, кто им внимает, и среди них Амизадар не знает себе равных»…

«Как же так, сударыня! — прервал ее Марзуфа. — Неужели же Амизадар единственный мужчина, умеющий убеждать? Не воздадите ли вы должное и другим, которые, подобно ему, могут претендовать на ваше уважение?»

«Будьте добры сказать, о ком вы говорите».

«О самом себе, мадам, ибо я нахожу вас очаровательной».

«Вы, кажется, шутите. Посмотрите-ка на меня, Марзуфа. У меня на лице нет ни румян, ни мушек. Чепчик мне совсем не идет. Меня можно испугаться».

«Вы ошибаетесь, сударыня. Это дезабилье удивительно вам к лицу. Оно придает вам такой трогательный, такой нежный вид»…

К этим галантным словам Марзуфа присоединил другие. Незаметно я вмешалось в разговор, и когда Марзуфа со мной покончил, он продолжал,

обращаясь к моей хозяйке:

«Кроме шуток, неужели Амизадар пытался вас обратить? Этот человек — удивительный мастер обращать. Не познакомите ли вы меня с его моралью? Готов биться об заклад, что она немногим отличается от моей».

«Мы углублялись с ним в некоторые вопросы любви. Мы рассмотрели, в чем состоит разница между женщиной чувствительной и женщиной легкомысленной. Что касается его, он стоит за чувствительных».

«Без сомнения, также и вы?»

«Ничуть, мой милый. Я исчерпала все доводы, доказывая ему, что все мы одинаковы и действуем согласно тем же принципам. Амизадар не разделяет моего мнения. Он устанавливает бесконечное множество различий, которые существуют, мне кажется, лишь в его воображении. Он создал себе какой-то идеальный образ женщины, химеру, воображаемое влюбленное существо».

«Сударыня, — отвечал Марзуфа, — я знаю Амизадара. Он юноша с головой и знающий женщин. Если он вам сказал, что такие женщины существуют»…

«О! Существуют они или нет, — все равно я не намерена им уподобляться», — прервала его

Фанни.

«Знаю, — отвечал Марзуфа. — Вы усвоили себе поведение, более соответствующее вашему происхождению и достоинствам Предоставим этих жеманниц философам; при дворе они увяли бы во цвете лет»...

Тут сокровище Фанни замолчало. Одним из главных достоинств такого рода ораторов было умение вовремя остановиться. Оно говорило так свободно, как если бы никогда ничего другого не делало. На основании этого некоторые авторы заключили, что сокровища — не более как автоматы. Вот как они рассуждали. Здесь африканский автор приводит целиком метафизические аргументы картезианцев против существования души у животных, каковые он со свойственной ему проницательностью применяет к говорящим сокровищам. Одним словом, он высказывает мнение, что сокровища говорят точно так же, как поют птицы, то есть владеют речью, не учившись ей, и, без сомнения, им внушает слова какое-нибудь разумное начало.

А как поступает автор с государем? — спросите вы меня. Он посылает его обедать к фаворитке; по крайней мере там мы его находим в следующей главе.

Глава сорок четвертая
История путешествий Селима

Мангогул, помышлявший лишь о том, чтобы разнообразить удовольствия и почаще испытывать действие кольца, расспросив самые интересные сокровища при дворе, захотел выслушать и кое-какие сокровища в городе. Но не ожидая от них ничего хорошего, он предпочел бы их расспросить, избавив себя от труда разыскивать каждое в отдельности. Но как собрать все эти сокровища? Вот занимавший его вопрос.

— Вы ломитесь в открытую дверь, — сказала ему Мирзоза. — Стоит вам, государь, дать бал, и я ручаюсь вам, что в тот же вечер вы услышите сколько угодно таких болтунов.

— О радость моего сердца, вы правы, — отвечал Мангогул. — Ваше средство тем более действительно, что к нам соберутся наверняка именно те, которые нам нужны.

Тотчас же был отдан приказ главному евнуху и казначею, заведующему развлечениями, подготовить празднество и распространить не более четырех тысяч билетов. Это значило, что он

должен рассчитывать по меньшей мере на шесть тысяч человек.

В ожидании бала Селим, Мангогул и фаворитка начали обсуждать различные новости.

— Знаете ли, сударыня, — спросил фаворитку Селим, — что бедный Кодендо умер?

— Впервые слышу. Отчего же он умер? — спросила фаворитка.

— Увы, мадам, — отвечал Селим, — это жертва мирового притяжения. Он еще в молодости слепо уверовал в эту теорию, и на старости лет у него помутился разум.

— Как же это случилось? — спросила фаворитка.

— Он вычислил по методу Галлея и Чирчино, знаменитых астрономов Моноэмуги, что комета, наделавшая столько шуму к концу царствования Каноглу, снова должна была появиться третьего дня. И опасаясь, что она ускорит бег и он не будет иметь счастья первым ее заметить, он решил провести ночь на башне, и еще вчера, в девять часов утра, он сидел там, припав глазом к телескопу. Его сын, беспокоясь, как бы отцу не повредило столь длительное наблюдение, подошел к нему в восемь часов, потянул его за рукав и несколько раз позвал его:

«Отец, отец!» Ответа не было. «Отец, отец!» — повторял молодой Кодендо.

«Она придет! — отвечал Кодендо. — Она придет! Черт возьми, я ее увижу!»

«Что вы говорите, отец? Ведь сейчас ужасающий туман».

«Я хочу ее увидать и я увижу ее, говорю тебе».

Молодой человек, убедившись, что его отец заговаривается, принялся звать на помощь. Сбежались домашние. Послали за Фарфади. Я как раз был у него, так как он мой врач, когда прибежал слуга Кодендо.

«Скорее, скорее, сударь! Спешите! Старый Кодендо, мой хозяин…»

«Ну, в чем же дело, Шампань? Что случилось с твоим хозяином?»

«Сударь, он помешался».

«Твой хозяин помешался?»

«Ну да, сударь, он кричит, что хочет увидеть зверей, что увидит зверей, что они придут. Господин аптекарь уже там. Вас ждут. Идите скорей!»

«Мания! — говорил Фарфади, надевая свою мантию и разыскивая четырехугольную шапочку. — Мания! Ужасный приступ мании! Шампань, — спросил он слугу, — твой хозяин не видит бабочек? Не отрывает клочков шерсти от

своего одеяла?»

«О нет, сударь, — отвечал Шампань. — Бедняга в своей обсерватории, на самом верху. Его жена, дочери и сын вчетвером пытаются его удержать. Идите поскорей, вы разыщете завтра вашу четырехугольную шапочку».

Болезнь Кодендо заинтересовала меня. Мы сели с Фарфади в карету и поехали к обсерватории. Находясь внизу лестницы, мы услыхали, как Кодендо кричал, словно безумный: «Я хочу видеть комету! Я увижу ее! Убирайтесь вы, бездельники!»

По-видимому, родные Кодендо, которым не удалось убедить старика спуститься в его покои, велели поднять кровать на башню, так как мы застали ученого в постели. Позвали местного аптекаря и приходского брамина, который трубил ему в уши, когда мы пришли:

«Брат мой, дорогой брат, дело идет о вашем спасении. Вы не можете со спокойной совестью поджидать в этот час комету, вы навлекаете на себя вечную погибель».

«Это мое дело», — отвечал Кодендо.

«Что ответите вы Браме, перед которым должны предстать?» — продолжал брамин.

«Господин кюре, — отвечал Кодендо, не отры-

ваясь от телескопа, — я отвечу ему, что ваше ремесло — увещевать меня за деньги, а ремесло господина аптекаря расхваливать теплую водицу, что господин врач исполняет свои обязанности, щупая мне пульс и ничего не понимая, а моя обязанность — поджидать комету».

Сколько к нему ни приставали, больше ничего от него не добились. Он продолжал свои наблюдения с героическим мужеством и умер на крыше, прикрывая левой рукой левый глаз, с правой рукой на трубе телескопа, и прижавшись правым глазом к окуляру, между сыном, кричавшим ему, что он допустил ошибку в вычислении, аптекарем, предлагавшим какое-то средство, доктором, заявлявшим, покачивая головой, что уже ничего нельзя поделать, и кюре, говорившим ему: «Брат мой, покайтесь и положитесь на волю Брамы»…

— Вот что называется, — сказал Мангогул, — умереть на ложе чести.

— Оставим, — прибавила фаворитка, — бедного Кодендо покоиться в мире и перейдем к другим, более приятным предметам.

И, обращаясь к Селиму, она сказала:

— Сударь, вы много прожили, вы галантны, умны, обладаете талантами и счастливой внешностью, и это — при дворе, где царят удо-

вольствия; неудивительно, что сокровища всегда вас боготворили. Я подозреваю даже, что они не признались во всем, что им известно на ваш счет. Я не прошу, чтобы вы рассказали нам остальное, у вас могут быть веские основания мне отказать. Но после всех похождений, которые приписывают вам эти господа, вы должны знать женщин, с этим вы, конечно, согласитесь.

— Этот комплимент, сударыня, — отвечал Селим, — польстил бы моему самолюбию, будь мне двадцать лет. Но у меня есть жизненный опыт, и одно из основных моих убеждений состоит в том, что чем больше мы занимаемся этим делом, тем хуже в нем разбираемся. Вы думаете, я знаю женщин? Самое большее, что можно сказать, это что я их много изучал.

— Ну, так что же вы о них думаете? — спросила фаворитка.

— Сударыня, — отвечал Селим, — что бы ни разгласили о них сокровища, я считаю их всех достойными уважения.

— Честное слово, мой милый, — сказал султан, — вам следовало бы быть сокровищем, тогда вам не понадобился бы намордник.

— Селим, — прибавила султанша, — оставьте сатирический тон и говорите правду.

— Сударыня, — отвечал придворный, — я мог бы коснуться в своем рассказе некоторых неприятных черт, но не принуждайте меня оскорблять пол, который всегда был ко мне довольно благосклонен и который я глубоко чту.

— Ах! Вечно это поклонение! Нет ничего язвительнее слащавых людей, которые этим занимаются, — прервала его Мирзоза. Думая, что Селим отказывается говорить из уважения к ней, она прибавила:

— Пусть мое присутствие не стесняет вас. Мы хотим позабавиться, и я обещаю вам отнести к себе все, что вы скажете лестного о моем поле, и предоставить остальное другим женщинам. Итак, вы много занимались изучением женщин? Ну, так изложите нам ход ваших занятий; они были как нельзя более удачны, если судить по известным нам успехам, и остается предположить, что неизвестные нам достижения лишь укрепят нас в этом мнении.

Старый придворный уступил настояниям султанши и начал свой рассказ в таких выражениях:

— Сокровища много говорили обо мне, не отрицаю этого, — но они сказали далеко не все. Те из них, которые могли бы дополнить мою историю,

уже умерли или далеко, а те, которые обо мне рассказывали, лишь слегка коснулись предмета. До сих пор я хранил нерушимое молчание, как обещал им, хотя я умею говорить лучше их; но раз они нарушили молчание, мне кажется, тем самым они и с меня сняли запрет.

Будучи от природы огненного темперамента, я не успел узнать, что такое красивая женщина, как уже полюбил ее. У меня были гувернантки, которых я терпеть не мог, зато мне полюбились горничные моей матери. Они были, большей частью, молоды и красивы, они разговаривали между собой, раздевались и одевались передо мной без всяких предосторожностей, вызывали даже меня на вольности с ними; склонный интересоваться вопросами любви, я принимал все это к сведению. В возрасте пяти-шести лет я перешел в руки мужчин, уже обладая известными познаниями, которые значительно расширились, когда меня познакомили с древними авторами и мои учителя растолковали мне некоторые места, смысл которых они, быть может, и сами не постигали. Пажи моего отца рассказали мне

о кое-каких шалостях, а чтение «Алоизии»[63], которую они мне дали, внушило мне величайшее желание усовершенствовать свои познания. Мне было тогда четырнадцать лет.

Я стал осматриваться, разыскивая среди женщин, посещавших наш дом, ту, к которой я мог бы обратиться; однако все они показались мне в равной мере пригодными к тому, чтобы избавить меня от тяготившей меня невинности. Завязавшиеся отношения, а главное смелость, которую я испытывал в присутствии особы моего возраста и какой у меня не хватало перед другими, — побудили меня остановить выбор на одной из кузин. Эмилия, — так ее звали, — была юна, как и я. Я находил ее хорошенькой и нравился ей. Она была податлива, а я предприимчив. Мне хотелось поскорее научиться, ей же было не менее любопытно узнать. Нередко мы задавали друг другу вопросы весьма простодушные и рискованные. Однажды ей удалось обмануть бдительность своих гувернанток, и мы обучились. О, сколь великий учитель природа! Она быстро привела нас

[63] Примечания: 63

«Алоизия» — эротическое произведение на латинском языке, приписываемое французскому историку Никола Шорье (1612-1692), под названием «Aloysiae Sigeae Toletanae satira sotadica de arcanis Amoris et Veneris» (1658).

к наслаждению, и мы отдались ее внушениям, не предвидя возможных последствий. Однако таким путем нельзя было их избежать. Эмилия почувствовала недомогание, которое она не стала скрывать, ибо не подозревала его причины. Мать принялась ее расспрашивать, вырвала у нее признание в нашей связи и сообщила об этом моему отцу. Он сделал мне выговор, впрочем довольно одобрительным тоном, и тотчас же было решено, что я отправляюсь в путешествие. Я уехал с гувернером, которому было поручено внимательно наблюдать за моим поведением и не стеснять меня ни в чем. Пять месяцев спустя я узнал из газеты, что Эмилия умерла от оспы, а из письма отца — что страсть, которую она питала ко мне, стоила ей жизни. Первый плод моей любви в настоящее время доблестно служит в армии султана; я всегда поддерживал его, снабжая средствами, и он до сих пор считает меня лишь своим покровителем.

Мы находились в Тунисе, когда я получил известие о его рождении и о смерти его матери. Я был глубоко потрясен и, вероятно, был бы безутешен, если бы не интрига, которую я завязал с женой одного корсара, не оставлявшая мне времени для отчаяния. Туниска была отважна, я — безумен,

и каждый день при помощи веревочной лестницы, которую она мне бросала, я направлялся из нашего особняка на ее террасу и пробирался в уединенную комнату, где она меня совершенствовала в науке любви, ибо Эмилия сообщила мне лишь начатки. Ее супруг вернулся из плавания как раз в то время, когда мой гувернер, исполняя данные ему инструкции, стал торопить меня переехать в Европу. Я сел на корабль, отправлявшийся в Лиссабон. Само собой разумеется, что перед тем я весьма нежно простился с Эльвирой, от которой я получил вот этот брильянт.

Судно, на котором мы плыли, было нагружено товарами, но самым драгоценным из них была на мой вкус жена капитана. Ей было не больше двадцати лет. Муж был ревнив, как тигр, и не без оснований. Все мы очень скоро поняли друг друга; донна Велина сразу постигла, что нравилась мне, я — что был ей небезразличен, а муж, что он нам мешал. Моряк тотчас же решил не спускать с нас глаз до самого прибытия в Лиссабон; я прочел в глазах его дорогой жены, в каком бешенстве она была от бдительности своего мужа; мои взоры говорили ей о том же, а муж прекрасно нас понимал. Целые два дня мы провели в невероятной жажде наслаждения и, конечно, умерли бы

от нее, если бы не вмешался промысел, — впрочем, он всегда помогает страждущим душам. Не успели мы миновать Гибралтарский пролив, как поднялась яростная буря. Если бы я сочинял рассказ, я конечно заставил бы, сударыня, ветры свистеть вам в уши, гром рокотать над вашей головой, зажег бы небо молниями, вздыбил бы валы до облаков и описал бы самую ужасную бурю, какая вам когда-либо встречалась в романах. Но я просто скажу вам, что крики матросов вынудили капитана покинуть каюту и подвергнуться одной опасности из боязни другой. Он вышел вместе с моим гувернером, а я без колебаний устремился в объятия прекрасной португалки, совершенно забыв, что есть на свете море, гроза и бури, что нас уносит хрупкое суденышко и что мы всецело во власти коварной стихии. Наше плавание было поспешно, и вы сами понимаете, сударыня, что в такую бурю я достаточно повидал разные страны в короткий срок; мы расстались в Кадиксе, и я обещал синьоре, что встречусь с ней в Лиссабоне, если будет угодно моему ментору, в планы которого входило ехать прямо в Мадрид.

Испанки пользуются меньшей свободой и более влюбчивы, чем наши женщины. Интриги завязываются там через посредство особых посланниц,

которым приказано разглядывать чужестранцев, делать им предложения, сопровождать их, вновь приводить, а уж дамы берут на себя заботу их осчастливить. Мне не пришлось пройти через этот церемониал, благодаря чрезвычайным обстоятельствам. Великая революция только что возвела на трон этого королевства принца французской крови[64]; его прибытие и коронация дали повод к придворным празднествам, на которые я был допущен. На балу ко мне подошли и назначили мне свидание на следующий день. Я согласился и отправился в укромный домик, где нашел лишь замаскированного мужчину, закутанного в плащ; он подал мне записку, в которой донна Оропеза переносила свидание на следующий день в тот же час. Я прибыл к назначенному сроку, и меня провели в довольно пышно убранный покой, освещенный свечами. Моя богиня не заставила себя ждать. Она вошла вслед за мной и бросилась в мои объятия, не говоря ни слова и не снимая маски. Была ли она безобразна? Была ли красива? Я не знал этого. Я заметил только, очу-

[64] Примечания: 64

...принца французской крови. — Герцога Анжуйского (1683-1746), внука Людовика XIV, второго сына Монсеньера и Марии Анны Кристины Баварской, занявшего в 1700 г. испанский престол под именем Филиппа V.

тившись на софе, куда она меня увлекла, что она молода, хорошо сложена и любит наслаждения; когда она почувствовала себя удовлетворенной моими похвалами, она сняла маску и показала мне оригинал портрета, который вы видите на этой табакерке.

Селим открыл и передал фаворитке золотую коробочку великолепной работы, украшенную драгоценными камнями.

— Галантный подарок! — заметил Мангогул.

— Но что больше всего считаю ценным, — прибавила фаворитка, — так это портрет. Какие глаза! Какой рот! Какая грудь! Но не польстил ли ей художник?

— Так мало, сударыня, — отвечал Селим, — что Оропеза, быть может, навсегда удержала бы меня в Мадриде, если бы ее супруг, осведомленный о нашей связи, не напугал ее угрозами. Я любил Оропезу, но жизнь я любил еще больше. Да и гувернер мой был против того, чтоб я рисковал быть заколотым ее мужем из-за нескольких лишних месяцев блаженства. Итак, я написал прекрасной испанке весьма трогательное прощальное письмо, позаимствованное из какого-то испанского романа, и отправился во Францию.

Государь, царствовавший тогда во Франции,

был дедом испанского короля, и его двор справедливо считался самым пышным, самым изысканным и самым галантным в Европе. Мое появление там было событием.

«Молодой вельможа из Конго, — говорила одна красивая маркиза. — О, это весьма занятно! Их мужчины куда лучше наших. Конго — это, кажется, недалеко от Марокко».

Давались ужины, на которых я должен был присутствовать. Если в моих словах был хоть какой-нибудь смысл, их находили умными, восхитительными. Все этому удивлялись, ибо вначале заподозрили меня в том, что я не обладаю здравым смыслом.

«Он очарователен, — восклицала придворная дама. — Какая досада, что нам придется отпустить такого красавца обратно в Конго, где женщин охраняют мужчины, которые на самом деле вовсе не мужчины. Правда ли это, сударь? Говорят, у них ничего нет. Это так безобразит мужчину»…

«Но, — прибавляла другая, — надо удержать здесь этого большого мальчика. Он высокого происхождения. Почему бы не сделать его хотя бы мальтийским рыцарем? Я берусь, если угодно, достать ему хорошее место, а герцогиня Виктория, моя давнишняя подруга, замолвит за него

словечко королю, если понадобится».

Вскоре я получил самые неоспоримые доказательства их благосклонности и дал возможность маркизе высказать свое мнение о достоинствах обитателей Марокко и Конго. Я убедился, что должность, обещанная мне герцогиней и ее подругой, была обременительна, и отделался от нее. При этом дворе я научился завязывать увлекательные интрижки на одни сутки. Полгода я крутился в бешеном водовороте, где начинают одну интригу, не окончив другую, где гонятся лишь за наслаждением, и, если оно замедлит наступить или его добьются, летят к новым удовольствиям.

— Что это вы мне рассказываете, Селим? — прервала его фаворитка. — Разве в этих странах неведомо приличие?

— Прошу извинить меня, сударыня, — отвечал старый придворный, — это слово не сходит у всех с уст, но француженки — рабы приличия не более, чем их соседки.

— Какие же соседки? — спросила Мирзоза.

— Англичанки, — отвечал Селим. — Это женщины холодные и надменные с виду, но на деле горячие, сладострастные и мстительные; они менее остроумны и рассудительны, чем фран-

цуженки; последние любят язык чувств, первые предпочитают язык наслаждений; но в Лондоне, так же, как и в Париже, любят, расстаются, снова сходятся, чтобы опять разойтись. От дочери лорда-епископа (это — разновидность брамин-ов, которая не сохраняет целибата) я перешел к жене баронета; в то время как он горячился в парламенте, отстаивая интересы народа против натисков двора, у нас с его женой, в его доме, происходили прения совсем иного рода. Но когда парламент закрылся, она была принуждена следовать за своим супругом в его родовое поместье. Я перешел к жене полковника, чей полк находился в гарнизоне на морском побережье. Затем я принадлежал жене лорд-мэра. О, что за женщины! Я никогда бы не вернулся в Конго, если бы не благоразумие моего гувернера, который, видя, что я погибаю, спас меня от этой каторги. Он показал мне письма, якобы написанные моими родителями, спешно отзывавшие меня на родину, и мы отплыли в Голландию. В наши планы входило пересечь Германию и проследовать в Италию, откуда мы легко могли переправиться в Африку.

Мы видели Голландию лишь из окон кареты; наше пребывание в Германии было не более

продолжительным. Там всякая женщина, обладающая известным положением, похожа на цитадель, которую надо осаждать по всем правилам военного искусства. В конце концов, добьешься цели, но требуется столько всевозможных подходов, а когда зайдет речь об условиях капитуляции, встречается столько «если» и «но», что эти завоевания быстро мне надоели.

Всю жизнь буду помнить слова одной немки из высших слоев общества, которая была уже готова пожаловать мне то, в чем она не отказывала многим другим.

«Ах, — воскликнула она с прискорбием, — что сказал бы мой отец, великий Альзики, если бы он знал, что я отдаюсь ничтожному человеку из Конго, вроде вас!»

«Решительно ничего, сударыня, — отвечал я. — Такое величие меня пугает, и я удаляюсь».

Это был мудрый поступок с моей стороны, и если бы я скомпрометировал ее светлость связью с моей посредственной особой, — это мне не прошло бы даром. Брама, покровительствующий нашей благоразумной стране, надоумил меня, без сомнения, в этот критический момент.

Итальянки, которыми мы затем занялись, не заносятся так высоко. У них я научился различным

способам наслаждения. В этих утонченностях много прихотливого и причудливого. Но извините меня, сударыня, они нужны нам иногда, чтобы вам понравиться. Из Флоренции, Венеции и Рима я привез несколько рецептов удовольствий, неизвестных в наших варварских странах, честь их изобретения принадлежит всецело итальянкам, сообщившим их мне.

В Европе я провел около четырех лет и через Египет вернулся в нашу страну вполне образованным, владея секретом важных итальянских изобретений, которые я тотчас же разгласил.

Здесь африканский автор говорит: Селим, заметив, что многочисленные общие места в рассказе о его похождениях в Европе и о женских характерах в странах, которые он изъездил, навеяли на Мангогула глубокий сон, — из опасения его разбудить, подсел поближе к фаворитке и продолжал вполголоса:

— Сударыня, если бы я не опасался, что уже утомил вас рассказом, который был, может быть, слишком длинным, я рассказал бы вам свое первое похождение по приезде в Париж. Не знаю, как это я забыл о нем упомянуть.

— Говорите, мой дорогой, — отвечала фаворитка. — Я удвою внимание, чтобы вознаградить

вас за потерю второго слушателя, раз уж султан спит.

— Мы получили в Мадриде, — продолжал Селим, — рекомендательные письма к некоторым вельможам французского двора и, прибыв в Париж, очень легко вошли в общество. Было лето, и мы с моим гувернером ходили по вечерам на прогулку в Пале-Рояль. Однажды подошло к нам несколько петиметров, которые указали нам на хорошеньких женщин и рассказали их историю, правдивую или выдуманную, не забыв упомянуть о самих себе, как вы догадываетесь. В саду было уже изрядное множество женщин, но в восемь часов прибыло значительное подкрепление. Глядя на множество драгоценных камней, на великолепие их уборов и на толпу поклонников, я подумал, что это, по меньшей мере, герцогини. Я высказал эту мысль одному из молодых господ, составлявших мне компанию. Он отвечал, что сразу видит во мне знатока и что, если мне угодно, я буду иметь удовольствие поужинать сегодня же вечером с наиболее любезными из этих дам. Я принял его предложение, и тотчас же он шепнул словечко на ухо двум-трем своим приятелям, которые упорхнули в разные стороны и, меньше чем через четверть часа, вернулись

дать нам отчет о своих переговорах.

«Господа, — сказали они, — сегодня вечером вас ждут к ужину у герцогини Астерии».

Молодые люди, не входившие в нашу компанию, громко завидовали нашему счастью. Мы прошлись еще несколько раз, затем все разошлись, а мы сели в карету, чтобы ехать развлекаться.

Карета остановилась у маленькой двери. Мы вышли, поднялись по весьма узкой лестнице на второй этаж и очутились а апартаментах, которые теперь не показались бы мне такими обширными и великолепно меблированными. Меня представили хозяйке дома, которой я отвесил самый глубокий поклон, присоединив к нему такой почтительный комплимент, что очень смутил ее. Подали ужин. Меня посадили рядом с одной очаровательной маленькой особой, которая начала с успехом разыгрывать герцогиню. Сказать по правде, не знаю, как я посмел в нее влюбиться, однако это случилось со мной.

— Так, значит, вы любили хоть раз в жизни? — прервала его фаворитка.

— О да, сударыня, — отвечал Селим, — как любят в восемнадцать лет, с крайним нетерпением довести до конца начатое дело. Я не спал ночь,

и на рассвете начал сочинять моей красавице самое галантное в мире письмо. Я отослал его, мне ответили, и я добился свидания. Ни тон ответа, ни доступность дамы не вывели меня из заблуждения, и я помчался в указанное место, глубоко убежденный, что буду обладать женой или дочерью первого министра. Моя богиня поджидала меня, лежа на большой кушетке. Я взял ее руку и поцеловал с величайшей нежностью, поздравляя себя с благосклонностью, которую она мне оказывала.

»…Правда ли, — спросил я ее, — что вы разрешаете Селиму любить вас и сказать вам об этом? И может ли он, не оскорбляя вас, льстить себя самой сладкой надеждой?» С этими словами я поцеловал ее грудь, и так как она лежала навзничь, я был уже готов весьма поспешно вести атаку, когда она меня остановила, говоря:

»…Слушай, дружок, ты красивый молодчик, ты умен, ты говоришь, как ангел, но мне надо четыре луидора».

«Что вы говорите!» — прервал я ее.

«Я говорю, — продолжала она, — что тебе нечего здесь делать, если у тебя нет четырех луидоров».

«Как, мадемуазель, — отвечал я, пораженный, — вы цените себя так дешево? Стоило

приезжать из Конго ради такого пустяка!»

Я поспешно оправился, спустился вниз по лестнице и уехал.

Как видите, сударыня, я начал с того, что принял актрису за принцессу.

— Я крайне удивлена, — заметила Мирзоза, — ведь разница между ними так велика.

— Я не сомневаюсь, — продолжал Селим, — что у этих дам вырывались тысячи вольностей, но что вы хотите? Иностранец, молодой человек, не умеет разбираться. Мне рассказывали в Конго столько дурного о вольности европеянок…

При этих словах Селима Мангогул проснулся.

— Проклятие! — воскликнул он, зевая и протирая глаза. — Он все еще в Париже! Разрешите вас спросить, прекрасный рассказчик, когда вы рассчитываете вернуться в Банзу и сколько мне еще осталось спать? Ибо вы должны знать, мой друг, что стоит только начать в моем присутствии рассказ о путешествии, как на меня нападает зевота. Я получил эту дурную привычку от чтения Тавернье и других авторов.

— Государь, — отвечал Селим, — уже больше часа, как я вернулся в Банзу.

— С чем вас и поздравляю, — сказал султан и, обращаясь к султанше, прибавил: — Сударыня,

настал час бала. Пойдемте, если только вам это позволит усталость после путешествия.

— Государь, — ответила Мирзоза, — я готова.

Мангогул и Селим уже надели домино; фаворитка накинула свое, султан подал ей руку, и они направились в бальный зал, при входе в который расстались, чтобы затеряться в толпе. Селим следовал за ними. «И я также, — говорит африканский автор, — хотя предпочел бы спать, чем смотреть на танцы».

Глава сорок пятая
Двадцать четвертая и двадцать пятая пробы кольца. Бал-маскарад и его последствия

Самые сумасбродные сокровища Банзы не преминули сбежаться туда, куда призывало их удовольствие. Одни из них приехали в обывательских каретах, другие в наемных экипажах, некоторые даже пришли пешком.

— Я никогда бы не кончил, — говорит африканский автор, при котором я имею честь состоять шлейфоносцем, — если бы стал подробно описывать все шутки, которые сыграл с ними Мангогул. Он задал в эту ночь своему кольцу больше работы, чем за все время с тех пор, как получил его от гения. Он направлял его то на одно, то на другое, иногда сразу на двадцать. Вот когда поднялся шум! Одно кричало пронзительным голосом: «Скрипка! „Колокола Дюнкирхена“, пожалуйста!»; другое хриплым голосом: «А я хочу „Попрыгунчиков“!» — «А я хочу трикоте!» — кричало третье. И целое множество голосов зараз требовало всевозможных затасканных танцев.

Только и слышалось: «Бурре!»... «Четыре лица!»... «Сумасбродка!»... «Цепочка!»... «Пистолет!»... «Новобрачная!»... «Пистолет!»... «Пистолет!»... Все эти восклицания были пересыпаны тысячами вольностей. С одной стороны слышалось: «Черт бы подрал этого болвана! Его надо послать в школу!»; с другой: «Так я вернусь домой, не сделав почина?»; здесь раздавалось: «Кто заплатит за мою карету?»; там: «Он увильнул от меня, но я буду его искать, пока не найду!»; в другом месте: «До завтра! Прощайте! Но обещайте мне двадцать луи. Без этого дело не пойдет!» И со всех сторон раздавались слова, разоблачавшие желания или поступки.

В этом кавардаке одна буржуазка, молодая и хорошенькая, распознала Мангогула, стала его преследовать, дразнить и добилась того, что он направил на нее перстень. Тотчас же все услыхали, как ее сокровище воскликнуло:

— Куда вы бежите? Стойте, прекрасная маска! Неужели вы останетесь равнодушным к сокровищу, которое пылает к вам страстью?

Султан, шокированный таким наглым заявлением, решил наказать дерзкую. Он вышел, нашел среди своих телохранителей человека приблизительно его роста, уступил ему свою

маску и домино и предоставил буржуазке его преследовать. Обманутая сходством, она продолжала говорить тысячи глупостей тому, кого принимала за Мангогула.

Мнимый султан был не дурак. Он умел объясняться знаками и быстро заманил красавицу в уединенный уголок, где она в продолжение часа воображала себя фавориткой, и бог знает, какие планы роились в ее голове. Но волшебство длилось недолго. Осыпав ласками мнимого султана, она попросила его снять маску. Он повиновался и показал ей лицо, украшенное огромными усищами, отнюдь не принадлежавшими Мангогулу.

— Ах! Фи! Фи! — воскликнула буржуазка.

— Что с вами такой, мой маленький белка? — спросил ее швейцарец. — Я думать хорошо вам услужить, зачем вы сердиться, что меня узнайт?

Но богиня не удостоила его ответом, вырвалась из его объятий и затерялась в толпе.

Те из сокровищ, которые не претендовали на столь высокие почести, дорвались-таки до удовольствий, и все они направились обратно в Банзу, весьма удовлетворенные поездкой.

Публика расходилась, когда Мангогул встретил двух старших офицеров, оживленно разговаривавших.

— Она моя любовница, — говорил один. — Я обладаю ею уже год, и вы первый осмелились посягать на мое добро. Зачем вам беспокоить меня? Нассес, мой друг, обратитесь к другим. Вы найдете сколько угодно любезных женщин, которые сочтут за счастье вам принадлежать.

— Я люблю Амину, — отвечал Нассес. — Мне только она и нравится Она подала мне надежды, и вы позволите мне ими воспользоваться.

— Надежды! — воскликнул Алибег.

— Да, надежды.

— Черт возьми! Не может этого быть…

— Говорю вам, сударь, что это так. Вы оскорбляете меня недоверием и должны немедленно дать мне удовлетворение.

Тотчас же они спустились по главной лестнице. Сабли были уже обнажены, и спор их должен был кончиться трагически, когда султан остановил их и запретил им драться до тех пор, пока они не спросят свою прекрасную Елену.

Они повиновались и направились к Амине, Мангогул следовал за ними по пятам.

— Меня измучил бал, — сказала им она. — У меня слипаются глаза. Какие вы жестокие! Приходите как раз в тот момент, когда я собиралась лечь в кровать. Но у вас обоих какой-то странный

вид. Нельзя ли узнать, что привело вас сюда?..

— Пустяки, — отвечал Алибег. — Нассес хвалится и даже весьма высокомерно, — прибавил он, указывая на своего приятеля, — что вы подавали ему надежды. В чем дело, сударыня?..

Амина открыла рот, но султан тотчас же направил на нее перстень, и вместо нее отвечало сокровище:

— Мне кажется, Нассес ошибается. Нет, сударыне угодно совсем не его. Разве у него нет высокого лакея, который большего стоит, чем он? О, какие глупцы эти мужчины! Они думают, что почести, титулы, имена — пустые слова — в состоянии обмануть сокровище. У всякого своя философия, а наша состоит главным образом в том, чтобы различать достоинство от его носителя, подлинное достоинство от воображаемого. Не в обиду будь сказано господину де Клавиль[65], но он знает об этом меньше нас, и я сейчас вам это докажу.

Вы оба знаете, — продолжало сокровище, — маркизу Бибикозу. Вам известна ее связь с Клеандором, постигшая ее опала и глубокая на-

---

[65] Примечания: 65

Де Клавиль — Автор «Трактата об истинном достоинстве человека в любом возрасте и во всех обстоятельствах», выдержавшего множество изданий.

божность, в какую она теперь ударилась. Амина — добрая подруга, она сохранила связь с Бибикозой и не перестала посещать ее дом, где можно встретить браминов всех сортов. Один из них просил однажды мою хозяйку замолвить за него словечко перед Бибикозой.

«О чем же я должна ее попросить? — удивилась Амина, — она погибшая женщина и ничего не может сделать даже для себя самой. Право, она будет вам благодарна, если вы станете обращаться с ней как с особой, имеющей еще значение. Оставьте это, мой друг. Принц Клеандор и Мангогул ничего для нее не сделают, и вы будете зря терять время в передних».

«Но, сударыня, — отвечал брамин, — речь идет об одном пустяке, который зависит непосредственно от маркизы. Дело вот в чем. Она выстроила небольшой минарет в своем особняке; без сомнения это для того, чтобы совершать салу, — здесь необходим имам, и об этом месте я и прошу»…

«Что вы говорите! — возразила Амина. — Имам! Да вы шутите! Маркизе требуется лишь марабу, которого она и будет призывать время от времени, когда пойдет дождь или когда она захочет совершить салу перед тем, как лечь спать. Но

содержать в своем особняке имама, одевать его и кормить, — это не под силу Бибикозе. Я знаю положение ее дел. У бедной женщины нет и шести тысяч цехинов дохода, а вы думаете, что она может дать две тысячи имаму. Вот так фантазия!»...

«Клянусь Брамой, я очень этим огорчен, — отвечал святой муж, — ибо, видите ли, если бы я был ее имамом, я не замедлил бы стать ей необходимым, а когда этого добьешься, на тебя посыпятся деньги и всякие прибыли. Честь имею представиться, я из Мономотапы и хорошо знаю свое дело»...

«Ну, что же, — отвечала Амина с запинкой, — пожалуй, ваше дело имеет шансы на успех. Жаль, что в отношении достоинств, о которых вы говорите, недостаточно одной презумпции».

«Имея дело с людьми моей страны, ничем не рискуешь, — продолжал человек из Мономотапы. — Взгляните-ка».

И он тотчас же дал Амине доказательство таких исключительных достоинств, что с этого момента вы потеряли в ее глазах половину значения, которым она вас наделяла. Итак, да здравствуют жители Мономотапы!

Алибег и Нассес слушали с вытянутыми лицами, молча глядя друг на друга. Но вот они пришли

в себя от изумления, обнялись и, окинув Амину презрительным взглядом, поспешили к султану, чтобы броситься к его ногам и поблагодарить за то, что он открыл им глаза на эту женщину и сохранил им жизнь и дружбу. Они пришли в тот момент, когда Мангогул, вернувшись к фаворитке, рассказывал ей историю Амины. Мирзоза посмеялась над ней, и ее уважение к придворным дамам и браминам отнюдь не возросло.

Глава сорок шестая
Селим в Банзе

Мангогул пошел отдохнуть после бала, а фаворитка, которая не расположена была спать, велела позвать Селима и просила его продолжать свою любовную хронику. Селим повиновался и начал в таких выражениях:

— Сударыня, галантные похождения не занимали целиком всего моего времени. Я вырывал у развлечений время для серьезных занятий. Интриги, которые я завязывал, не мешали мне изучить фортификацию, стратегию, разные виды оружия, музыку и танцы, наблюдать обычаи и искусства европейцев, изучать их политику и военные науки. Вернувшись в Конго, я был представлен государю, деду султана, который предоставил мне почетный военный пост. Я появился при дворе, вскоре стал принимать участие во всех увеселениях принца Эргебзеда, и, естественно, оказался вовлеченным в интриги с хорошенькими женщинами. Я узнал женщин всех наций, всех возрастов, всех общественных положений, — немногие из них были жестоки со

мной. Не знаю, обязан ли я был этим своему высокому рангу, ослеплявшему их, или им нравилась моя речь, или, наконец, их привлекала моя внешность. В то время я обладал двумя качествами, с которыми быстро продвигаются в любовных делах: отвагой и самонадеянностью.

Сперва я занялся женщинами из общества. Я намечал себе одну из них вечером на приеме или за игрой у Манимонбанды, проводил с ней ночь, а на следующий день мы снова были почти незнакомы. Одна из забот этих женщин — раздобывать себе любовников, даже отбивать их у лучших подруг; другая забота — отделываться от них. Из опасения оказаться ни при чем они, будучи заняты одной интригой, уже выискивают случаи завязать две-три других. Они владеют несметным количеством уловок, чтобы привлечь мужчину, которого они себе наметили, и тысячами способов избавиться от любовника. Так всегда было и так всегда будет. Я не буду называть имен, но я узнал всех женщин при дворе Эргебзеда, отличавшихся молодостью и красотой. И все эти связи возникали, рвались, возобновлялись и забывались меньше, чем в полгода.

Разочаровавшись в свете, я кинулся к его антиподу. Там я увидал буржуазок и нашел, что они

притворщицы, гордятся своей красотой, любят разглагольствовать о чести, и почти при всех них состоят свирепые, зверские мужья или особого рода кузены, — последние целые дни напролет разыгрывали влюбленных перед своими кузинами и весьма мне не нравились. Нельзя было ни минуты побыть с ними наедине: эти скоты то и дело появлялись, расстраивали свидания и, под всякими предлогами, вмешивались в разговор. Несмотря на все препятствия, мне удалось добиться своего от пяти или шести таких дур, чтобы затем бросить их. Больше всего меня забавляло в связях с ними то, что они носились с чувствами, и надо было тоже с ними носиться; а говорили они о чувствах так, что можно было умереть со смеху. К тому же, они требовали внимания, маленьких услуг; если их послушать, то оказывалось, что вы погрешали против них каждую минуту. Они проповедовали такую корректную любовь, что, казалось, надо было отказаться от всяких притязаний. Но хуже всего то, что у них не сходило с языка ваше имя и что иногда вы бывали вынуждены показываться публично вместе с ними и подвергались риску нарваться на глупейшее буржуазное приключение. В один прекрасный день я убежал из этих магазинов, с улицы Сен-Дени,

чтобы никогда больше туда не возвращаться.

В то время все были помешаны на укромных домиках. Я снял себе такой домик в восточном квартале и помещал там одну за другой девушек из тех, что сегодня встречаешь, а завтра забываешь, с которыми сегодня говоришь, а завтра не удостаиваешь словом, и которых прогоняешь, когда они надоедят. Я собирал туда приятелей и оперных певиц, там устраивались интимные ужины, которые принц Эргебзед несколько раз почтил своим присутствием. Ах, сударыня, у меня были восхитительные вина, чудесные ликеры и лучший повар в Конго.

Ничто меня так не позабавило, как одна затея, которую я привел в исполнение в одной удаленной от столицы провинции, где квартировал мой полк. Я уехал из Банзы, чтобы сделать ему смотр, — только это дело заставляло меня удаляться из города. Моя поездка была бы непродолжительна, если бы не причудливая затея, которую я осуществил. В Барути был монастырь, где жили самые редкие красавицы; я был молод и безбород, и задумал туда проникнуть под видом вдовы, ищущей защиты от соблазнов развращенного века. Мне сшили женское платье, я нарядился в него и отправился для перегово-

ров к монастырской решетке. Меня встретили приветливо, утешили меня в потере супруга. Мы уговорились о размере моего вклада, и я был принят.

Помещение, которое мне отвели, примыкало к дортуару послушниц. Их было изрядное количество, в большинстве молодых и на редкость свежих. Я осыпал их любезностями и скоро сделался их подругой. Не прошло и недели, как меня посвятили во все интересы маленькой республики Мне обрисовали характеры, рассказали анекдоты. Я получил всякого рода признания и увидал, что мы, простые смертные, не лучше монахинь владеем даром злословия и клеветы. Я строго соблюдал устав. Я усвоил вкрадчивые манеры и слащавый тон, и уже перешептывались о том, что община будет счастлива, если я постригусь.

Не успел я приобрести репутацию в монастыре, как уже привязался к юной девственнице, которая только что приняла первое посвящение. Это была восхитительная брюнетка. Она называла меня своей мамой, а я называл ее: мой маленький ангел. Она дарила мне невинные поцелуи, а я возвращал ей весьма нежные. Юность любопытна. Зирзифила при всяком удобном случае

заговаривала со мной о браке и о супружеских радостях; она расспрашивала меня об этом, — я искусно подогревал в ней любопытство. Переходя от вопросов к вопросам, я довел ее до практического применения теории, которой ее обучал. Это была не единственная послушница, которую я наставил. Несколько молодых монахинь также приходили пополнять свое образование в моей келье. Я так искусно пользовался обстоятельствами, распределял свидания и время, что никто не сталкивался. Что же вам сказать еще, сударыня? Благочестивая вдова породила многочисленное потомство. Но когда, наконец, разразился скандал, о котором сначала потихоньку вздыхали, и совет старших сестер, собравшись, призвал монастырского врача, я стал обдумывать бегство. И вот однажды ночью, когда все в доме спали, я перелез через стену сада и удрал. Я отправился на воды в Томбино, куда доктор послал полмонастыря и где я закончил в костюме кавалера работу, начатую мной в платье вдовы. Вот, сударыня, деяние, о котором помнит вся страна и виновника которого знаете лишь вы одна.

— Остаток моей молодости, — прибавил Селим, — я провел в подобных же развлечениях, — много женщин всякого рода, — и обнаружил

полное отсутствие искренности, сколько угодно клятв и никакого соблюдения тайны.

— Но если судить по вашим рассказам, — заметила фаворитка, — выходит, что вы никогда не любили.

— Что вы! — отвечал Селим. — Разве я думал тогда о любви? Я гнался только за наслаждением и за теми, которые мне его обещали.

— Но разве можно испытывать наслаждение без любви? — прервала его фаворитка. — Какую все это имеет цену, когда сердце молчит?

— Ах, сударыня, — возразил Селим, — разве сердце говорит в восемнадцать, двадцать лет?

— Но в конце концов, каков же результат всех этих опытов? Что вы можете сказать о женщинах?

— Что они в большинстве случаев бесхарактерны, — отвечал Селим, — что ими руководят три силы: корысть, похоть и тщеславие и что нет, быть может, такой женщины, которой не владела бы одна из этих страстей, а те, что совмещают в себе все три страсти, — настоящие чудовища.

— Ну, похоть еще терпима, — сказал, входя, Мангогул. — Хотя на таких женщин и нельзя положиться, их все же можно извинить: когда темперамент возбужден, — это бешеный конь,

уносящий всадника в простор, а почти все женщины скачут на этом животном.

— Может быть, по этой причине, — сказал Селим, — герцогиня Менега называет кавалера Кайдара своим великим конюшим.

— Но неужели у вас не было ни одного сердечного увлечения? — спросила султанша Селима. — Неужели вы искренно хотите обесчестить пол, который доставлял вам наслаждения и которому вы платили тем же? Как! Неужели среди такого множества женщин не нашлось ни одной, захотевшей быть любимой и достойной этого? Нет, это неправдоподобно.

— Ах, сударыня, — отвечал Селим, — я чувствую по легкости, с какой вам повинуюсь, что годы не ослабили власть любезной женщины над моим сердцем. Да, сударыня, я любил, как и все. Вы хотите все знать, я все вам скажу, и вы будете сами судить, справился ли я как следует с ролью любовника.

— Будут путешествия в этой части вашей истории? — спросил султан.

— Нет, государь, — отвечал Селим.

— Тем лучше, — продолжал Мангогул, — ибо у меня нет никакого желания спать.

— Что касается меня, — сказала фаворитка, — я

с разрешения Селима немного передохну.

— Пусть он тоже идет спать, — заявил султан. — А пока вы будете отдыхать, я порасспрошу Киприю.

— Но, государь, — возразила Мирзоза, — ваше величество сами не знаете, что говорите. Это сокровище вовлечет вас в путешествия, которым не будет конца.

Африканский автор сообщает нам здесь, что султан, напуганный предостережениями Мирзозы, запасся самым сильным средством против сна, и прибавляет, что лейбмедик Мангогула, его личный друг, сообщил ему этот рецепт, который он и приводит в качестве предисловия к своему труду. Но от этого предисловия сохранились лишь последние строчки, которые я и привожу:

Взять…

Затем…

Далее…

«Марианны» и «Крестьянина»[66] по… четыре страницы.

«Заблуждений сердца» — один лист.

---

[66] Примечания: 66

«Марианны» и «Крестьянина»… — романы Пьера Шамблена де Мариво (1688-1763) «Жизнь Марианны» (1731-1741) и «Удачливый крестьянин» (1734-1735).

«Исповеди»[67] — двадцать пять с половиной строк.

[67] Примечания: 67
«Исповеди» — «Исповедь графа де ***» Шарля Дюкло.

Глава сорок седьмая
Двадцать шестая проба кольца. Сокровище-путешественник

Пока фаворитка и Селим отдыхали после утомительного дня и ночи, Мангогул с удивлением обозревал великолепные апартаменты Киприи. Эта женщина, при помощи своего сокровища, приобрела состояние, которое можно было сравнить с богатством крупнейшего откупщика. Пройдя длинную анфиладу комнат, одна роскошнее другой, он вошел в салон, где в центре многочисленного круга гостей узнал хозяйку дома по неимоверному количеству безобразивших ее драгоценных камней и ее супруга — по добродушию, написанному у него на лице. Два аббата, остроумец и три академика Банзы окружали кресло Киприи, а в глубине зала порхали два петиметра и молодой судья, преисполненный важности, который оправлял свои манжеты, то и дело поправлял парик, ковырял в зубах и радовался, глядя в зеркало, что румяна хорошо держатся. За исключением этих трех мотыльков, вся остальная компания испытывала глубокое

почтение перед величавой мумией, которая, раскинувшись в соблазнительной позе, зевала, говорила зевая, судила обо всем вкривь и вкось и никогда не встречала возражений.

«Как это ей удалось, — рассуждал сам с собой Мангогул, давно не говоривший в одиночестве и до смерти соскучившийся по такому занятию, — как ей удалось при таком жалком умишке и таком лице обесчестить человека знатного происхождения?»

Киприи хотелось, чтобы ее принимали за блондинку. Ее кожа, бледно-желтая, с красными прожилками, напоминала цветом пестрый тюльпан. У нее были большие близорукие глаза, короткая талия, длинный нос, тонкие губы, грубый овал лица, впалые щеки, узкий лоб, плоская грудь и костлявые руки. Этими чарами она околдовала своего мужа. Султан направил на нее перстень, и тотчас же услыхали тявканье. Все ошибочно подумали, что Киприя говорит по-прежнему ртом и собирается о чем-нибудь судить, но ее сокровище начало такими словами:

— История моих путешествий. Я родилось в Марокко в 17000000012 году и танцевало в оперном театре, когда содержавший меня Мегемет Трипатхуд был поставлен во главе посольства,

которое наш могущественный государь отправил к французскому монарху. Я сопровождало его в этом путешествии. Чары француженок вскоре отняли у меня моего любовника. Я тоже не теряло даром времени. Придворные, жадные до новинок, захотели познакомиться с марокканкой, — так называли мою хозяйку. Она обошлась с ними весьма приветливо, и ее любезность принесла ей в какие-нибудь полгода драгоценностей на двадцать тысяч экю и такую же сумму чистоганом, а сверх того, меблированный особнячок. Но французы непостоянны, и скоро я вышло из моды. Мне не хотелось ездить по провинциям; великим талантам нужна большая арена, я решило покинуть Трипатхуд и наметило себе столицу другого королевства.

Проведя год в Мадриде и в Индии, я отправилось морем в Константинополь. Я не приняло обычаев народа, у которого сокровища сидят под замком, и быстро покинуло страну, где рисковало утратить свободу. Тем не менее, пришлось иметь дело с мусульманами, и я убедилось, что они хорошо отшлифовались благодаря сношениям с европейцами; я обнаружило у них легкость французов, пылкость англичан, силу германцев, стойкость испанцев и довольно сильный налет

итальянской утонченности.

Одним словом, один ага стоит кардинала, четырех герцогов, лорда, трех испанских грандов и двух немецких графов, вместе взятых.

Из Константинополя я переехало, как вам известно, ко двору великого Эргебзеда, где я довершило образование самых галантных из наших придворных. А когда я оказалось уже никуда не годным, я подцепило вот эту фигуру, — заключило сокровище, показывая характерным для него жестом на супруга Киприи. Недурной финал!

Африканский автор заканчивает эту главу предупреждением дамам, которые пожелали бы, чтобы им перевели те места, где сокровище Киприи изъяснялось на иностранных языках.

«Я изменил бы долгу историка, — говорит он, — если бы опустил их; и нарушил бы почтение к прекрасному полу, если бы привел их в моем труде, не предупредив добродетельных дам, что у сокровища Киприи чрезвычайно испортился стиль во время путешествий и что его рассказы по своей вольности превосходят все произведения, которые им когда-либо случалось читать тайком».

Глава сорок восьмая
Сидализа

Мангогул вернулся к фаворитке, у которой уже сидел Селим.

— Ну, что же, государь, — спросила его Мирзоза, — принесли ли вам пользу путешествия Киприи?

— Ни пользы, ни вреда, — отвечал султан, — я их не понял.

— Почему же? — спросила фаворитка.

— Дело в том, — сказал султан, — что ее сокровище говорит, как полиглот, на всевозможных языках, кроме нашего. Оно довольно наглый рассказчик, но могло бы быть великолепным переводчиком.

— Как, — воскликнула Мирзоза, — вы так-таки ничего не поняли в его рассказах?

— Только одно, сударыня, — отвечал Мангогул, — что путешествия еще более пагубно действуют на добродетель женщин, чем на благочестие мужчин, и что мало заслуги в знании нескольких языков. Можно в совершенстве владеть латинским, греческим, английским и

конгским и быть ничуть не умнее сокровища. Вы с этим согласны, сударыня? А какого мнения Селим? Пусть начнет он свой рассказ, только не надо больше путешествий. Они до смерти меня утомляют.

Селим обещал султану, что действие будет происходить в одном и том же месте, и начал:

— Мне было около тридцати лет. Я только что потерял отца. Я женился, чтобы не оставить род без потомства, и жил с женой, как полагается: взаимные знаки внимания, заботы, вежливость, мало интимности, зато все крайне благопристойно. Между тем, принц Эргебзед взошел на престол. Еще задолго до его воцарения я заручился его благосклонностью. Он благоволил ко мне до самой своей смерти, и я старался оправдать его доверие, проявляя рвение и преданность. Освободилось место главного инспектора войск, я получил его, и этот пост потребовал постоянных поездок на границу.

— Постоянных поездок! — воскликнул султан. — Достаточно одной, чтобы усыпить меня до завтра. Имейте это в виду.

— Государь, — продолжал Селим, — в одной из этих поездок я познакомился с женой полковника спаги, по имени Осталук. Это был славный чело-

век, хороший офицер, но далеко не покладистый муж, ревнивый, как тигр; правда, его ярость была понятна, ибо он был чудовищно безобразен.

Незадолго перед тем он женился на Сидализе, молодой, жизнерадостной, хорошенькой, одной из тех редких женщин, которые при первом же знакомстве вызывают у вас нечто большее, чем простую вежливость, от которых уходишь с сожалением и о которых сто раз вспомнишь, прежде чем снова увидишь.

Сидализа судила обо всем здраво, выражалась изящно. В ее беседе было нечто притягательное, на нее нельзя было вдоволь насмотреться и без устали можно было слушать. Обладая этими качествами, она должна была производить сильное впечатление на всех мужчин, в чем я и убедился. Я преклонялся перед ней, вскоре у меня возникло еще более нежное чувство, все мое поведение приобрело оттенки самой настоящей страсти. Я был несколько избалован легкостью своих первых побед. Начиная атаки на Сидализу, я воображал, что она скоро сдастся и, польщенная преследованиями господина инспектора, окажет сопротивление лишь из приличия. Посудите же, в какое удивление поверг меня ее ответ на мои признания.

«Сударь, — сказала она, — если бы даже предполагать, что я произвела на вас впечатление некоторой привлекательностью, какую во мне находят, — с моей стороны было бы безумием принимать всерьез речи, которыми вы обманули до меня уже тысячи других женщин. Без уважения какая цена любви? Очень невысокая, а вы недостаточно меня знаете, чтобы уважать. Как бы умны и проницательны вы ни были, в два дня нельзя настолько изучить характер женщины, чтобы оказывать ей должное уважение. Господин инспектор ищет развлечений, и в этом он прав, но права и Сидализа, не желая никого развлекать».

Напрасно я клялся в том, что испытываю самую подлинную страсть, что мое счастье — в ее руках и что ее равнодушие отравит остаток моих дней.

«Слова, — сказала она, — пустые слова! Лучше не думайте обо мне и, во всяком случае, не воображайте, что я настолько легкомысленна, чтобы выслушивать такие избитые признания. То, что вы мне сказали, говорят все, не придавая этому значения, и слушают, не веря этому».

Если бы я не был пленен Сидализой, резкость ее слов уязвила бы меня, но я любил ее и был огорчен. Я отправился ко двору, но образ ее следовал

за мной; разлука, вместо того чтобы ослабить мою страсть к Сидализе, лишь усилила ее.

Образ Сидализы настолько овладел мною, что сотни раз я думал о том, чтобы пожертвовать для нее своим чином и обязанностями; привязывавшими меня ко двору, — однако всякий раз меня останавливала неуверенность в успехе.

Ввиду невозможности поехать туда, где я ее оставил, я придумал план привлечь ее туда, где сам находился. Я воспользовался доверием, какое оказывал мне Эргебзед, и стал ему расхваливать заслуги и доблести Осталука. Он был назначен лейтенантом гвардейского полка спаги, и этот пост приковал его ко двору государя. Итак, Осталук появился при дворе, а с ним Сидализа, тотчас же ставшая модной красавицей.

— Вы хорошо сделали, — сказал султан, — что остались на посту и призвали вашу Сидализу ко двору, ибо, клянусь Брамой, я не последовал бы за вами в провинцию.

— Ее со всех сторон лорнировали, разглядывали, преследовали, но безуспешно, — продолжал Селим. — Один я пользовался привилегией видеть ее каждый день. Чем больше я с ней знакомился, тем больше открывал в ней прелестей и достоинств и тем сильнее в нее влюблялся. Мне

пришло в голову, что, быть может, мне вредит в ее глазах еще свежее воспоминание о моих похождениях. Чтобы изгладить его и убедить ее в искренности моей любви, я покинул общество и не видел других женщин, кроме тех, которых случайно встречал у нее. Мне показалось, что такое мое поведение тронуло ее и что она несколько умерила свою строгость. Я удвоил внимание к ней; я просил о любви, а мне было даровано уважение. Сидализа стала ценить мое общество и удостоила меня своего доверия. Нередко она советовалась со мной о своих домашних делах, однако о своих сердечных делах она не обмолвилась ни единым словом. Если я заводил с ней речь о чувствах, она отвечала мне нравственными рассуждениями, повергая меня в отчаяние. Долго длилось такое тяжелое для меня положение; наконец, я решил выйти из него и узнать раз навсегда, на что мне рассчитывать.

— Как же вы взялись за дело? — спросила Мирзоза.

— Сударыня, сейчас вы это узнаете, — отвечал Мангогул.

Селим продолжал:

— Как я уже вам сказал, сударыня, я виделся с Сидализой каждый день. Так вот, я начал с того,

что стал видеться с ней все реже, а потом и совсем почти перестал с ней встречаться. Если мне случалось разговаривать с ней наедине, я так мало говорил ей о любви, как если бы у меня никогда не было в душе даже искры страсти к ней. Эта перемена удивила ее, она стала подозревать, что у меня завелась тайная связь, и однажды, когда я рассказывал ей про галантные придворные похождения, она спросила меня с рассеянным видом:

«Почему это вы ничего не расскажете про себя, Селим? Вы восхитительно рассказываете о чужих победах, но упорно молчите о своих собственных».

«Сударыня, — отвечал я, — очевидно, это потому, что у меня их не имеется, или же потому, что я нахожу нужным о них умалчивать».

«О да, — прервала она меня, — очень мило с вашей стороны скрывать от меня то, о чем весь свет завтра будет говорить».

«Пусть себе, сударыня, — отвечал я, — но, во всяком случае, никто ничего не узнает от меня».

«Честное слово, — сказала она, — вы прямо поражаете меня своей осмотрительностью. Кто же не знает, что вы заритесь на белокурую Мизис, на маленькую Зибелину и на темнокудрую

Сеферу?»

«Кого еще будет вам угодно назвать, сударыня?» — холодно спросил я ее.

«Право же, — продолжала она, — я склонна думать, что не только эти дамы владеют вашим сердцем. Ведь последние два месяца, когда вы показываетесь у нас только из милости, вы не пребывали в бездействии, а этих дам так легко победить».

«Как! Оставаться в бездействии, — воскликнул я. — Это было бы ужасно для меня. Я создан для любви и отчасти для того, чтобы быть любимым. Признаюсь вам, что я любим, но больше не спрашивайте меня ни о чем, я и так, быть может, слишком много сказал».

«Селим, — продолжала она серьезным тоном, — у меня нет от вас секретов, и я хочу, чтобы и вы ничего не скрывали от меня. В каком положении ваши сердечные дела?»

«Я почти довел до конца роман».

«А с кем же?» — с живостью спросила она.

«Вы знаете Мартезу?»

«О, конечно, это очень любезная женщина».

«Ну, так вот, не добившись вашей благосклонности, я повернул в другую сторону. Обо мне мечтали уже полгода, два свидания подготови-

ли мне победу, третье довершит мое счастье, и сегодня вечером Мартеза ждет меня к ужину. Она забавна, весела, немного язвительна, но, в общем, это лучшее в мире создание. С этими сумасбродками лучше иметь дело, чем с чопорными дамами, которые»…

«Сударь, — прервала меня Сидализа (глаза у нее были опущены), — хоть я и поздравляю вас с таким выбором, но позвольте вам заметить, что Мартеза не новичок в делах любви, и до вас у нее уже были любовники»…

«Что мне до того, мадам!.. — возразил я, — если Мартеза искренно любит меня, я могу считать себя первым. Однако, час свидания приближается. Разрешите».

«Еще одно слово, сударь: действительно ли любит вас Мартеза?»

«Я думаю, что да».

«А вы ее любите?» — прибавила Сидализа.

«Мадам, — отвечал я, — вы сами бросили меня в объятия Мартезы: этим все сказано».

Я поднялся, чтобы уйти, но Сидализа потянула меня за край моего доломана и резко отвернулась.

«Сударыня хочет чего-нибудь от меня? Вам угодно что-нибудь мне приказать?»

«Нет, сударь. Как, вы еще здесь! Я думала, что вы уже давно ушли».

«Сударыня, я поспешу удалиться».

«Селим…»

«Сидализа…»

«Итак, вы уходите?»

«Да, сударыня».

«Ах, Селим, кого вы мне предпочли! Разве уважение Сидализы не дороже благосклонности Мартезы?»

«Это было бы так, мадам, — возразил я, — если бы я не испытывал к вам ничего, кроме уважения. Но я вас любил»…

«Что же из того! — воскликнула она горячо. — Если бы вы меня любили, вы разобрались бы в моих чувствах, вы бы предугадали дальнейшее, вы бы надеялись, что, в конце концов, ваша настойчивость возьмет верх над моей гордостью. Но вам все это надоело. Вы отказались от меня, и, может быть, сейчас»…

Сидализа смолкла, у нее вырвался вздох, и глаза стали влажными.

«Говорите, сударыня, — сказал я, — продолжайте. Быть может, несмотря на всю вашу суровость, любовь еще жива в моем сердце, и вы могли бы»…

«Я ничего не могу, и вы меня не любите, а Мартеза вас ждет».

«А если Мартеза мне безразлична, если Сидализа сейчас дороже мне, чем когда-либо, что вы тогда скажете?»

«Входить в обсуждения одних предположений было бы безумием».

«Умоляю вас, Сидализа, ответьте мне, как если бы мы говорили всерьез. Если бы Сидализа попрежнему была самой желанной для меня в мире женщиной и если бы я никогда не имел никаких намерений по отношению к Мартезе, скажите, что бы вы сделали?»

«Да то, что я всегда делала, неблагодарный, — ответила, наконец, Сидализа. — Я любила бы вас»...

«А Селим вас боготворит!» — воскликнул я, бросаясь перед ней на колени, и я стал целовать ей руки, орошая их слезами радости.

Сидализа была ошеломлена. Неожиданная перемена во мне ее взволновала. Я воспользовался ее расстройством, и наше примирение ознаменовалось проявлениями нежности, отказать в которой она была не в силах.

— А как смотрел на это добрый Осталук? — прервал Мангогул. — Без сомнения, он разрешил

своей дражайшей половине быть благосклонной к человеку, которому был обязан чином лейтенанта спаги?

— Государь, — отвечал Селим, — Осталук считал долгом быть благодарным лишь до тех пор, пока меня отвергали, но едва я добился счастья, как он стал нетерпим, резок и несносен со мной и груб с женой. Мало того, что он сам нас изводил, он еще приставил к нам шпионов. Нас предали, и Осталук, уверенный в своем бесчестии, имел дерзость вызвать меня на дуэль. Мы сразились в большом парке сераля. Я нанес ему две раны и заставил его просить о пощаде. Пока он выздоравливал от ран, я ни на минуту не разлучался с его женой. Но первое, что он сделал по выздоровлении, было то, что он разлучил нас и стал жестоко обходиться с Сидализой. Она описывала мне всю тяжесть своего положения. Я предложил ее похитить, она согласилась, и наш ревнивец, вернувшись с охоты, куда он сопровождал султана, был очень удивлен, оказавшись вдовцом. Осталук, вместо того чтобы бесплодно сетовать на виновника похищения, стал тотчас же обдумывать месть.

Я спрятал Сидализу в загородном доме, в двух лье от Банзы. Через ночь я тайком ускользал из

города и отправлялся в Сизар. Между тем, Осталук назначил цену за голову неверной, подкупил моих слуг и проник в мой парк. В этот вечер я прогуливался там с Сидализой. Мы углубились в одну темную аллею, и я собирался оказать ей самые нежные ласки, когда невидимая рука на моих глазах пронзила ей грудь кинжалом. Это была рука жестокого Осталука. Я выхватил кинжал, и Сидализа была отомщена. Я бросился к обожаемой женщине. Ее сердце еще трепетало. Я поспешил перенести ее в дом, но она скончалась по дороге, прильнув устами к моим устам.

Когда я почувствовал, что тело Сидализы холодеет в моих руках, я стал испускать пронзительные крики. Сбежались мои слуги и увезли меня из этих мест, полных ужаса. Я вернулся в Банзу и заперся в своем дворце; я был в отчаянии от смерти Сидализы и осыпал себя самыми жестокими упреками.

Я искренне любил Сидализу и был горячо ею любим, и у меня было достаточно времени, чтобы понять всю глубину постигшей меня утраты и оплакать ее.

— Но, в конце концов, вы утешились? — спросила фаворитка.

— Увы, сударыня, — отвечал Селим, — долгое

время я думал, что никогда не утешусь; но тут я познал, что не существует вечного горя.

— Не говорите мне больше о мужчинах, — сказала Мирзоза. — Все вы такие. Я хочу сказать, господин Селим, что бедная Сидализа, история которой только что нас растрогала, была глупенькой, если верила клятвам. И теперь, когда Брама, быть может, жестоко карает ее за легковерие, вы приятно проводите время в объятиях другой.

— Успокойтесь, сударыня, — заметил султан. — Селим и сейчас любит. Сидализа будет отомщена.

— Государь, — отвечал Селим, — вероятно, вы плохо осведомлены. Неужели вы думаете, что встреча с Сидализой не научила меня, что истинная любовь вредит счастью?

— Конечно, так, — прервала его Мирзоза. — И, несмотря на ваши рассуждения, я готова держать пари, что сейчас вы любите другую еще более пылко…

— Не смею утверждать, что более пылко, — отвечал Селим, — уже пять лет я связан сердечной любовью с очаровательной женщиной. Не без труда мне удалось склонить ее к моим мольбам, ибо она всегда отличалась замечательной добродетелью.

— Добродетель! — воскликнул султан. — Смелее, мой друг! Я бываю в восторге, когда мне рассказывают про добродетель придворной дамы.

— Селим, — сказала фаворитка, — продолжайте ваш рассказ.

— И верьте всегда, как добрый мусульманин, верности вашей любовницы, — прибавил султан.

— О государь, — с живостью сказал Селим, — Фульвия мне верна.

— Верна она или нет, — отвечал султан, — это безразлично для вашего счастья. Вы этому верите, — и этого достаточно.

— Итак, вы любите сейчас Фульвию? — спросила фаворитка.

— Да, сударыня, — отвечал Селим.

— Тем хуже, мой дорогой, — прибавил Мангогул, — ибо я нисколько не верю ей. Ее вечно окружают брамины, а эти брамины — ужасный народ. Кроме того, у нее маленькие китайские глазки, вздернутый носик и такой вид, что она должна любить наслаждения. Скажите, между нами, как она на этот счет?

— Государь, — отвечал Селим, — мне думается, она их далеко не чуждается.

— Ну вот, — заявил султан, — никто не может противиться этим приманкам, вы должны это знать лучше меня, или вы…

— Вы ошибаетесь, — прервала его фаворитка, — можно быть умнейшим в мире человеком и не знать этого, — держу пари…

— Вечно эти пари! — воскликнул Мангогул. — Мне это надоело… Эти женщины неисправимы. Сначала выиграйте дворец, сударыня, а потом будете держать пари.

— Сударыня, — сказал Селим, — не может ли Фульвия быть вам чем-нибудь полезной?

— Каким же образом? — спросила Мирзоза.

— Я заметил, — продолжал Селим, — что сокровища до сих пор говорили лишь в присутствии его высочества, и мне пришло в голову, что гений Кукуфа, который совершил столько чудесных деяний ради Каноглу, вашего деда, вероятно, даровал и внуку способность заставлять говорить сокровища. Но сокровище Фульвии, насколько мне известно, еще не говорило; нельзя ли его порасспросить, таким путем выиграть дворец и заодно убедить меня в верности моей любовницы?

— Конечно, — отвечал султан. — Что вы на это скажете, сударыня?

— О, я не вмешиваюсь в такие скабрезные дела. Селим слишком близкий мой друг, чтобы из-за моего дворца подвергать его риску потерять счастье своей жизни.

— Что вы говорите! — возразил султан. — Фульвия добродетельна, — Селим в этом так уверен, что готов дать голову на отсечение. Он это сказал, и он не такой человек, чтобы отрекаться от своих слов.

— Нет, государь, — сказал Селим, — и если ваше высочество назначите мне свидание у Фульвии, я буду там первым.

— Подумайте о том, что вы предлагаете, — продолжала фаворитка. — Селим, бедный Селим, вы слишком торопитесь! И при всей вашей любезности…

— Не беспокойтесь, мадам. Жребий брошен, — я выслушаю Фульвию. Самое большее, что мне грозит, — это потерять неверную.

— И умереть, скорбя об этой утрате, — прибавила фаворитка.

— Что за чепуха! — сказал Мангогул. — Неужели вы думаете, что Селим стал дураком? Он потерял нежную Сидализу и, тем не менее, полон жизни, а вы воображаете, что, если бы он убедился в неверности Фульвии, он умер бы от этого.

Если ему грозят лишь такие удары, я уверен, что он будет жить вечно. Итак, Селим, до свидания, встретимся завтра у Фульвии, слышите? Вас известят, в котором часу.

Селим склонился, Мангогул вышел. Фаворитка продолжала доказывать старому придворному, что он затеял рискованную игру. Селим поблагодарил ее за благосклонность к нему, и они расстались в ожидании великого события.

Глава сорок девятая
Двадцать седьмая проба кольца. Фульвия

Африканский автор, обещавший нам дать характеристику Селима, решил привести ее здесь. Я слишком уважаю произведения древности, чтобы утверждать, что эта характеристика была бы уместнее в другой главе. «Существуют люди, — говорит он, — которым заслуги раскрывают все двери, которые благодаря красоте лица и изяществу ума в молодости являются любимцами женщин и в старости окружены почетом, ибо они сумели сочетать долг с удовольствиями и в зрелые годы жизни прославились услугами, оказанными государству, — одним словом, этих людей общество всегда принимает с восторгом. Таков был Селим. Хотя ему уже минуло шестьдесят лет, и он рано вступил на стезю наслаждений, — крепкое сложение и благоразумие избавили его от одряхления. Благородное выражение лица, свободные манеры, пленительная речь, глубокое знание света, вытекающие из долголетнего опыта, умение обходиться с

прекрасным полом — все это создало ему при дворе высокую репутацию, и каждый хотел бы на него походить. Однако тот, кто вздумал бы ему подражать, не добился бы успеха, не обладая дарованиями и талантами, которыми Селим был отмечен природой».

«Теперь я спрошу вас, — продолжает африканский автор, — имел ли этот человек основания тревожиться за свою любовницу и провести ночь, подобно безумцу? Но факт, что тысячи мыслей роились у него в голове, и чем больше он любил Фульвию, тем больше опасался обнаружить ее неверность».

«В какой лабиринт я зашел! — говорил он себе. — И ради чего? Мне-то что за корысть, если фаворитка выиграет дворец? И что мне до того, если она его не получит?.. Но почему бы ей не получить его? Разве я не уверен в нежности Фульвии?.. О, я владею всеми ее помыслами, и если ее сокровище заговорит, то лишь обо мне… Но если измена… Нет, нет, я почувствовал бы это в самом начале. Я заметил бы неровности в ее обращении со мной. Неужели за эти пять лет мне не удалось бы изобличить ее во лжи?.. А между тем, испытание сопряжено с большим риском… Но отступать уже поздно. Я поднес чашу

к устам, и надо испробовать напиток, хотя бы мне пришлось потом выплеснуть всю жидкость. Но, быть может, оракул будет мне благоприятен… Увы! Чего мне ждать от него? Почему бы другим не одолеть добродетель, над которой я восторжествовал?.. Ах, дорогая Фульвия, я оскорбляю тебя этими подозрениями, я забываю, чего мне стоило тебя завоевать. Мне сияет луч надежды, и я успокаиваю себя мыслью, что твое сокровище сохранит упорное молчание»…

Селим предавался этим тревожным мыслям, когда ему вручили записку султана, содержавшую лишь такие слова: «Селим, сегодня вечером, ровно в половине двенадцатого, будьте в известном вам месте». Селим взял перо и написал дрожащей рукой: «Повинуюсь вам, государь».

Селим провел остаток дня, как и предшествующую ночь, беспрестанно переходя от надежды к опасению. Не подлежит сомнению, что любовники обладают своего рода инстинктом; если их возлюбленная неверна, они испытывают волнение, подобное тому, какое охватывает животных при приближении непогоды. Охваченный подозрением, любовник подобен дикой кошке, у которой зудит в ушах в туманную погоду; у животных и у любовников есть еще то сходство, что

домашние животные утрачивают этот инстинкт, и он притупляется у любовников, когда они становятся супругами.

Время тянулось долго для Селима; сто раз он взглядывал на стенные часы; наконец наступил роковой час, и придворный отправился к своей любовнице. Время было позднее, но так как двери Фульвии были всегда для него открыты, его провели к ней.

— Я вас перестала ждать, — сказала она, — и легла в кровать с мигренью, вызванной досадой, какую вы мне причинили.

— Мадам, — отвечал Селим, — требования приличия, а также дела удерживали меня при дворе султана; с тех пор как я с вами расстался, у меня не было ни минуты свободной.

— А я, — заявила Фульвия, — была в ужасном настроении. Подумать только, целых два дня не видеть вас!

— Вы знаете, — продолжал Селим, — к чему обязывает меня мой сан, и как непрочна милость великих мира сего…

— Как? — прервала его Фульвия. — Неужели султан выказал вам холодность? Неужели он позабыл ваши заслуги? Вы рассеянны, Селим. Вы мне не отвечаете. Ах, если вы меня любите, не все

ли вам равно, ласково или холодно принял вас султан? Вы будете искать счастья не в его взоре, а в моих глазах и в моих объятиях.

Селим внимательно слушал, вглядываясь в лицо своей любовницы и стараясь подметить в ней выражение правдивости, в котором нельзя обмануться и которое невозможно подделать. Если я говорю невозможно, я имею в виду нас, мужчин, ибо Фульвия так артистически прикидывалась, что Селим начал уже упрекать себя в том, что мог в ней усомниться. Когда прибыл Мангогул, Фульвия тотчас же замолкла. Селим содрогнулся, а сокровище сказало:

— Сударыня может совершать паломничества во все пагоды Конго, у нее все равно не будет детей, и уж я, ее сокровище, знаю, по какой причине…

При этих словах смертельная бледность покрыла лицо Селима. Он хотел встать, но дрожащие ноги подкосились под ним, и он упал в кресло. Султан, оставаясь невидимым, приблизился к нему и спросил его на ухо:

— Не довольно ли с вас?

— Ах, государь, — горестно воскликнул Селим, — почему я не послушался советов Мирзозы и предостережений своего сердца? Счастье мое

померкло, я все потерял; я не выдержу, если ее сокровище будет молчать, а если оно заговорит — я погиб. Но все-таки пусть оно говорит. Я жду ужасных признаний, но они будут для меня не так мучительны, как та неуверенность, в какой я нахожусь.

Между тем, первым движением Фульвии было положить руку на сокровище и закрыть ему рот. То, что оно до сих пор сказало, могло быть истолковано в хорошую сторону, но она боялась дальнейшего. Она уже начала успокаиваться, видя, что сокровище хранит молчание, когда султан, по настоянию Селима, снова направил на нее перстень. Фульвия была принуждена раздвинуть пальцы, и сокровище продолжало:

— Я никогда не понесу плода, меня слишком утомляют. Слишком частые посещения стольких святых мужей вечно будут препятствовать моим намерениям, и у сударыни не будет детей. Если бы меня ублажал один Селим, я, быть может, и понесло бы плод, но я живу как на галерах. Сегодня один, завтра другой, гребешь — не выгребешь. В каждом новом мужчине Фульвия видит того, кого небо предназначило быть продолжателем ее рода. Никто не застрахован от этих ее посягательств. Как ужасно положение сокровища

титулованной женщины, у которой нет наследника! Уже десять лет, как я предоставлено людям, которые по своему положению не должны бы поднимать на меня и глаз.

Мангогул решил, что сказанного достаточно, чтобы вывести Селима из неизвестности. Не желая его дольше мучить, он повернул в обратную сторону кольцо и вышел, предоставив Фульвию упрекам ее любовника.

Сперва злополучный Селим остолбенел, но ярость вернула ему речь, он бросил на неверную презрительный взгляд и сказал:

— Неблагодарная, вероломная женщина! Если бы я еще любил вас, я отомстил бы вам; но вы показали себя недостойной моей нежности и моего гнева. Такого человека, как я! Обмануть меня с целой кучей негодяев!..

— В самом деле, — внезапно прервала его Фульвия тоном куртизанки, сбросившей маску, — есть из-за чего обижаться. Вместо того чтобы быть мне благодарным за то, что я скрывала от вас вещи, которые привели бы вас в отчаяние, — вы горячитесь, приходите в ярость, как если бы вас оскорбили. Какие основания у вас, сударь, ставить себя выше Сетона, Рикеля, Молли, Тахмаса, любезнейших придворных кавалеров, которым

можно оказывать милость, не скрывая от них своих измен? Вы уже стары, Селим, одряхлели и уже давным-давно не в силах удержать при себе молодую женщину, которая далеко не дура. Согласитесь же, что ваши претензии неуместны, ваш гнев непристоен. Впрочем, вы можете, если недовольны, очистить место для других, которые сумеют лучше вас воспользоваться им.

— Так я и сделаю, и с радостью, — заявил Селим в крайнем негодовании. И он вышел, твердо решив больше никогда не видеть этой женщины.

Он вернулся в свой особняк и заперся в нем на несколько дней, в глубине души менее огорченный своей потерей, чем своим продолжительным заблуждением. В нем была уязвлена гордость, а не сердце. Он боялся упреков фаворитки и шуток султана и избегал их обоих.

Он почти решил удалиться от двора, проводить дни в одиночестве и закончить, как философ, жизнь, большую часть которой он потерял в одежде придворного. Однако Мирзоза, угадавшая его мысли, решила его утешить, вызвала в сераль и сказала ему следующее:

— Как, мой бедный Селим, неужели вы решили меня покинуть? Ведь не Фульвию, а меня вы наказываете за ее неверность. Все мы огорче-

ны случившимся с вами, мы признаем, что все это весьма прискорбно, но если вы хоть сколько-нибудь цените благосклонность султана и мое уважение к вам, вы будете по-прежнему составлять нам приятную компанию и позабудете Фульвию, которая никогда не была достойна такого человека, как вы.

— Сударыня, — отвечал Селим, — возраст мой подсказывает мне, что пора удалиться. Я достаточно насмотрелся на свет; еще четыре дня тому назад я дерзнул бы утверждать, что знаю его, но случай с Фульвией сбил меня с толку. Женщины — непостижимые существа, и они все были бы мне ненавистны, если бы вы не принадлежали к полу, всеми прелестями которого вы обладаете. Да сохранит вас Брама от его пороков. Прощайте, сударыня, я удаляюсь в уединение и буду предаваться полезным размышлениям. Я навсегда сохраню воспоминание о расположении, которым вы и султан меня почтили, и если у меня родятся еще какие-нибудь желания, это будут пожелания счастья вам и славы султану.

— Селим, — отвечала фаворитка, — вами владеет досада. Вы боитесь быть смешным, но вам этого не удастся избегнуть, удалившись от двора. Будьте в душе философом, если вам это угодно,

но проводить в жизнь философию сейчас не время. Ваш уход объясняется лишь досадой и огорчением. Вы не созданы для того, чтобы жить в пустыне, и султан…

Приход Мангогула прервал слова фаворитки. Она рассказала ему о намерениях Селима.

— Он с ума сошел, — воскликнул государь, — неужели дурное поведение малютки Фульвии лишило его разума?

И обращаясь к Селиму, он прибавил:

— Этого не будет, мой друг. Вы останетесь. Я нуждаюсь в ваших советах, а мадам — в вашем обществе. Этого требует благо всего государства и удовольствие Мирзозы, и так будет.

Тронутый любовью Мангогула и фаворитки, Селим почтительно поклонился. Он остался при дворе и продолжал пользоваться благосклонностью султана и Мирзозы и всеобщей любовью и уважением, благодаря чему все его любили, ценили, высоко ставили и искали его общества.

Глава пятидесятая
Занимательные события в царствование Каноглу, деда Мангогула

Фаворитка была еще очень молода. Родившись в конце царствования Эргебзеда, она почти не имела представления о дворе Каноглу. Случайно вырвавшееся у Селима слово пробудило в ней любопытство; ей захотелось узнать, какие чудеса совершил гений Кукуфа для этого доброго государя, и никто не мог дать ей более точных сведений, чем Селим. Он был свидетелем этих чудес, принимал участие в событиях и знал эту эпоху. Однажды, когда они сидели вдвоем с Мирзозой, она завела разговор на эту тему и спросила его, совершались ли в царствование Каноглу, о котором так много толкуют, еще более поразительные события, чем те, что в настоящее время занимают все Конго.

— Сударыня, — отвечал Селим, — я не склонен предпочитать минувшие времена царствованию нашего государя. Сейчас происходит много замечательного, и это, может быть, лишь начало

событий, которые прославят Мангогула, а я слишком много прожил, чтобы надеяться их увидать.

— Вы ошибаетесь, — возразила Мирзоза, — ведь вы приобрели прозвище бессмертного и сохраните его. Но расскажите мне о том, что вы видели.

— Сударыня, — продолжал Селим, — царствование Каноглу было весьма продолжительным, и наши поэты назвали его золотым веком. Это название подходит к нему во многих отношениях. Оно было ознаменовано различными успехами и победами, однако, к хорошим сторонам примешивались и дурные, доказывающие, что это золото было иной раз низкой пробы. Двор, который задает тон всему государству, был весьма галантен. У султана были возлюбленные, вельможи спешили ему подражать, и народ незаметно перенял их замашки. Роскошь костюмов, мебели и экипажей была чрезвычайной. В кулинарии достигли высокого искусства. Вели крупную игру, делали долги и не платили их, растрачивали все свои деньги и использовали весь свой кредит. Против роскоши были изданы прекрасные постановления, которых никто не выполнял. Захватывали города, завоевывали провинции, начинали строить дворцы; страна обезлюдела и обнищала. Народ воспевал победы

и умирал с голоду. У вельмож были роскошные дворцы и чудесные сады, а земли их оставались необработанными. Флотилия из сотни линейных кораблей царила на море, наводя ужас на соседей, но одна умная голова вычислила, сколько стоило государству содержание этого флота, и, несмотря на протесты остальных министров, был отдан приказ устроить из него потешные огни. Королевская казна представляла собой огромный пустой ящик, который отнюдь не наполнялся благодаря такому жадному хозяйничанию. Золото и серебро стали таким редким металлом, что в один прекрасный день монетный двор был превращен в бумажную фабрику. В довершение всеобщего блаженства Каноглу дал себя убедить фанатикам в том, что крайне необходимо, чтобы все его подданные на него походили, чтобы у них были голубые глаза, вздернутый нос и рыжие усы, как у него, и он изгнал из Конго более двух миллионов людей, не обладавших такими чертами или отказавшихся их подделать.

Таков был, сударыня, золотой век, таково было это доброе старое время, о котором постоянно сожалеют. Но предоставьте болтать пустоме-

лям и поверьте, что у нас есть еще Тюренны[69] и Кольберы, что наше время, в общем, лучше прошлого и что, если народ счастливее при Мангогуле, чем при Каноглу, значит, царствование его величества более славно, чем царствование его деда, ибо счастье подданных — точное мерило величия государей. Но вернемся к удивительным событиям, случившимся при Каноглу.

Итак, я начну с рассказа о появлении паяцев.

— Вы можете не рассказывать мне о них, Селим, — сказала фаворитка, — эту историю я знаю наизусть. Переходите к другим темам.

— Разрешите вас спросить, сударыня, — сказал придворный, — откуда вы знаете об этом?

— Но об этом же писали, — отвечала Мирзоза.

— Да, сударыня, но люди, ничего не понимавшие, — возразил Селим. — Я начинаю раздражаться, когда вижу, что незначительные частные лица, видевшие государей лишь во время их въезда в столицу или других торжественных церемоний, лезут туда же, в историки.

— Сударыня, — продолжал Селим, — мы провели ночь на маскараде в залах сераля, когда под утро перед нами появился гений Кукуфа, при-

---

[69] Примечания: 68

Тюренн Анри де Ла Тур д'Овернь (1611-1675) — маршал Франции, с 1660 — фельдмаршал, выдающийся французский полководец.

знанный покровитель царствующей фамилии, и приказал нам лечь в кровать и проспать сутки. Мы повиновались, и когда миновал этот срок, сераль превратился в обширную и великолепную галерею паяцев. В одном конце можно было увидеть Каноглу на троне; между ног у него болталась длинная потертая веревка; старая дряхлая фея то и дело дергала за нее и приводила в движение несметное множество подчиненных паяцев, к которым протягивалась целая сеть незримых веревочек от рук и ног Каноглу. Она дергала, и сенешал мигом составлял разорительные эдикты и прикладывал к ним печать или произносил в честь феи похвальное слово, которое ему подсказывал его секретарь. Военный министр посылал на войну брандскугели; министр финансов строил дома и морил голодом солдат; то же самое случалось и с прочими паяцами.

Если некоторые из паяцев неохотно производили свои движения, недостаточно высоко поднимали руки и слишком мало сгибали колени, фея быстрым ударом руки наотмашь обрывала их привязь, и они становились паралитиками. Никогда не забуду двух весьма доблестных эмиров, на которых обрушилась ее кара и которые на всю жизнь остались парализованными, с бессильно

опущенными руками.

Нити, исходившие от всех частей тела Каноглу, простирались на громадные расстояния и приводили в движение или в покой на границах Моноэмуги армии паяцев; протягивалась веревочка — и осаждались города, атаковались траншеи, проламывались бреши, и неприятель готовился к капитуляции; но вот, новое подергивание, — и артиллерийский огонь стихал, атаки больше не производились с прежней энергией, в крепость прибывали подкрепления, между нашими генералами вспыхивала рознь, нас атаковали, застигали врасплох и разбивали наголову.

Такого рода дурные известия никогда не огорчали Каноглу, он узнавал их только тогда, когда о них уже забывали его подданные, и фея позволяла сообщать их ему только тем паяцам, у которых была прикреплена нить к концу языка и которые говорили лишь то, что ей было угодно, под страхом навсегда онеметь.

В другой раз всех нас, молодых безумцев, привело в восторг приключение, которым были жестоко скандализованы ханжи женщины вдруг принялись кувыркаться и ходить вниз головой и вверх ногами, вдев руки в туфельки.

Сперва это сбило всех с толку, и пришлось

знакомиться с новыми физиономиями, многих из них перестали находить привлекательными, когда они нам показались в таком виде, другие же, о которых раньше никогда не говорили, бесконечно много выиграли при ближайшем знакомстве. Так как юбки и платья закрывали глаза, легко можно было ошибиться и сделать неверный шаг, — поэтому юбки укоротили, а платья сделали открытыми. Таково происхождение коротких юбок и открытых платьев. Когда женщины вновь стали на ноги, они сохранили свой туалет в том же виде и, если как следует всмотреться в юбки наших дам, легко заметить, что они не были созданы для того, чтобы их носить так, как носят теперь.

Всякая мода, преследующая лишь одну цель, скоро проходит, для того чтобы быть длительной, она должна преследовать, по крайней мере, две цели. В то время открыли способ поддерживать бюст, а теперь им пользуются чтобы поддерживать живот.

Ханжи, с удивлением обнаружив, что у них голова внизу а ноги наверху, сперва закрылись руками, но такое положение заставляло из терять равновесие и неуклюже спотыкаться. По совету браминов, они впоследствии обвязали

юбки вокруг ног черными ленточками, светские женщины нашли этот прием смешным и оповестили публику о том, что это стесняет дыхание и вызывает истерики. Это чудо имело счастливые последствия оно вызвало много браков или союзов, близких к брачным, а также массовые обращения. Все женщины, обладавшие безобразными бедрами, очертя голову ударились в религиозность и завели черные ленточки, целых четыре миссии браминов не добились бы таких результатов.

Новое знамение: двор Каноглу изобиловал петиметрами, и я имел честь быть в их числе. Однажды, когда я им рассказывал о молодых французских вельможах, я вдруг заметил, что плечи у всех нас поднялись выше головы. Но это было еще не все. Внезапно мы все стали выделывать пируэты, крутясь на одном каблуке.

— Что же в этом особенного? — спросила фаворитка.

— Ничего, — отвечал Селим, — если не считать, что первая метаморфоза вызвала к жизни заносчивых людей, а вторая пересмешников, господство которых еще не миновало. В то время, как и сейчас, обращались к кому-нибудь с речью и затем, выделывая пируэты, продолжали ее,

обращаясь уже ко второму или к третьему лицу, которым она казалась и непонятной, и дерзкой.

В другой раз мы все внезапно сделались близорукими. Пришлось прибегнуть к Биону[71]. Этот жулик соорудил подзорные трубы, которые он продавал нам по десять цехинов и которыми мы продолжали пользоваться даже тогда, когда к нам вернулось нормальное зрение. Так произошли, сударыня, театральные бинокли.

Не знаю, чем провинились в эту эпоху легкомысленные женщины перед Кукуфой, но он жестоко с ними расправился. К концу одного года, все ночи которого они провели на балах, за столом или за игрой, а дни — в экипажах или в объятиях любовников, они все с удивлением обнаружили, что сделались безобразными: одна стала черной, как крот, другая угреватой, третья бледной и тощей, четвертая — желтой и морщинистой. Необходимо было замаскировать эти жуткие превращения, и наши химики изобрели белила, румяна, помады, туалетные воды, платочки Венеры, девичье молоко, мушки и тысячи других секретов, которые женщины стали применять и из безобразных сделались чудовищными.

---

[71] Примечания: 69

Бион Никола (ок. 1625-1733) — французский инженер-оптик, создатель астрономических приборов.

Кукуфа держал их под гнетом такого проклятия, когда Эргебзед, любивший красивых женщин, вступился за них. Гений сделал, что смог. Но чары были так могущественны, что ему удалось снять их лишь отчасти. И придворные дамы остались такими, каковы они теперь.

— Так же обстояло дело и с мужчинами? — спросила Мирзоза.

— Нет, сударыня, — отвечал Селим. — Некоторые из перемен, с ними произошедших, держались долго, другие же прошли быстрее. Высокие плечи опустились, и мы выпрямились; из боязни прослыть горбунами, стали высоко закидывать голову и жеманиться. Пируэты продолжали выделывать, да и теперь их еще выделывают. Начните серьезный, глубокомысленный разговор в присутствии молодого вельможи-франта, и — фью! — он мигом упорхнет от вас, размахивая тросточкой, и, если кто-нибудь спросит его о военных новостях или о его здоровье, он начнет сыпать шутками, шептать на ухо о том, что вчера он ужинал с Рабон, — что это восхитительная девушка; что вышел новый роман; что он прочел из него несколько страниц, что это прекрасно, чудесно; а потом — фью! — подлетит с пируэтом к женщине, спросит ее, видела ли она новую

оперу, и сообщит ей, что Данжевилль[72] была неподражаема.

Мирзоза нашла эти смешные происшествия весьма занятными и спросила Селима, не было ли и с ним чего-нибудь подобного.

— Как, сударыня, — воскликнул старый придворный, — неужели вы думаете, что можно было обойтись без всего этого и не прослыть за человека, свалившегося с луны? Я горбился и шипел, как кошка, жеманился, лорнировал, выделывал пируэты, гримасничал не хуже других; и мои усилия были направлены к тому, чтобы первым усвоить эти пороки и последним от них отделаться.

При этих словах Селима появился Мангогул.

Африканский автор ничего не говорит о том, что с ним было и чем он занимался в предыдущей главе; по-видимому, государям Конго дозволено совершать незначительные поступки, говорить иной раз ничтожные вещи и походить на прочих смертных, у которых большая часть жизни уходит на пустяки или на вещи, не заслуживающие того, чтобы о них упоминали.

---

[72] Примечания: 70

Данжевиль Мария Анна Бото (1714-1796) — прославленная актриса театра Французской комедии.

Глава пятьдесят первая
Двадцать восьмая проба кольца. Олимпия

— Порадуйтесь, сударыня, — сказал Мангогул, входя к фаворитке. — Я принес вам приятное известие. Сокровища — просто дурочки, которые сами не знают, что говорят. Кольцо Кукуфы может заставить их болтать, но оно не в силах вырвать у них правду.

— Каким же образом, ваше высочество, вы уличили их во лжи? — спросила фаворитка.

— Вы это сейчас узнаете, — ответил султан. — Селим вам обещал рассказать все свои похождения. И вы не сомневаетесь, что он сдержал слово. Ну, вот, я поговорил с одним сокровищем, которое обвиняет его в дурном поступке, какой он, будто бы, от вас скрыл, какого, наверное, и не было и какой даже не в его характере. Тиранить хорошенькую женщину, требовать от нее контрибуции под угрозой расстрела — похоже это на Селима?

— Почему же нет, государь? — отвечала фаворитка. — Нет такой злостной выходки, на

которую Селим был бы неспособен, и если он умолчал о похождении, которое вы открыли, это, может быть, потому, что он примирился с этим сокровищем, они в хороших отношениях, и он, не изменяя своему обещанию, думал прикрыть таким образом свои грешки.

— Вечная несостоятельность ваших догадок, — сказал султан, — должна была бы излечить вас от них. Это совсем не то, что вы воображаете. Это одно из сумасбродств ранней юности Селима. Дело идет об одной из таких женщин, которыми бывают заняты на минуту и которых потом бросают.

— Сударыня, — сказал Селим, — как я ни напрягаю память, я больше ничего не могу припомнить, и совесть моя совершенно чиста.

— Олимпия… — произнес Мангогул.

— Ах, государь, — перебил его Селим, — я знаю, что это такое. Это очень старая история, и неудивительно, что она ускользнула от меня.

— Олимпия, — продолжал Мангогул, — жена главного казначея, увлеклась молодым офицером, капитаном Селимова полка. В одно прекрасное утро ее любовник с растерянным видом объявил ей приказ, данный всем военным, присоединиться к своим корпусам. Мой дед, Каноглу, решил в том году начать военные дей-

ствия раньше обыкновенного, — и превосходный план, который он выработал, не удался лишь вследствие огласки его приказаний. Политики стали фрондировать, а женщины проклинали этот план, — у тех и у других были на то основания. Я расскажу вам, какие были у Олимпии. Эта женщина задумала, повидавшись с Селимом, помешать, если возможно, отъезду Габалиса — так звали ее любовника. У Селима уже была и тогда репутация опасного мужчины. Олимпия решила взять с собой провожатых. Две из ее подруг, такие же красивые, как она, предложили сопровождать ее. Селим находился в своем особняке, когда они пришли. Он принял Олимпию, вошедшую без подруг, с той приветливостью, какая вам известна, и спросил, чему он обязан таким счастливым посещением.

«Я пришла по делу Габалиса, — сказала Олимпия, — у него есть важные дела, которые требуют его присутствия в Банзе, и я хочу попросить у вас для него полугодовой отпуск».

«Полугодовой отпуск, сударыня? Вы шутите! — сказал Селим. — Приказ султана вполне точен; я в отчаянии, что не могу оказать вам услугу, которая неминуемо погубила бы меня».

Олимпия продолжала просить, Селим продол-

жал отказывать.

«Визирь обещал мне повышение по службе в ближайшее время. Неужели вы потребуете от меня, сударыня, чтобы я топил себя, исполняя ваше желание?»

«О нет, сударь, вы не утонете, а мне окажете огромную слугу»…

«Сударыня, это невозможно; но если бы вы повидались с визирем»…

«Ах, сударь, к кому вы посылаете меня! Этот человек никогда не делает ничего для дам».

«Я стараюсь что-нибудь придумать, так как был бы счастлив оказать вам услугу, но я вижу только одно средство»…

«Какое?» — с живостью спросила Олимпия.

«В ваши намерения входит сделать Габалиса счастливым на полгода, но разве вы не можете разделить с другим на четверть часа наслаждения, какие предназначены для Габалиса?»

Олимпия прекрасно поняла, о чем он говорит, покраснела, пробормотала что-то невнятное и кончила тем, что возмутилась жестокостью условия.

«Не будем больше говорить об этом, — холодно произнес полковник, — Габалис отправится в поход, — воля государя должна быть выполнена.

Я мог бы взять кое-что на себя, но вы ничем не хотите поступиться. Во всяком случае, сударыня, если Габалис уедет, то лишь потому, что вы этого пожелали».

«Я! — вскричала Олимпия. — Ах, сударь, отошлите скорее его документы, и пусть он останется».

Существеннейшая часть договора была заключена на софе, и дама уже считала, что Габалис в ее руках, когда злодей, который сейчас перед вами, спросил, как будто вспомнив невзначай, кто эти две дамы, которые с ней пришли и которых она оставила в соседней комнате.

«Это мои подруги», — ответила Олимпия.

«И также подруги Габалиса, — прибавил Селим, — тут не может быть сомнений. Ввиду этого я думаю, что каждая из них не откажет уплатить следуемую с нее треть за договор. Это мне кажется вполне справедливым, сударыня, и я предоставляю вам уговорить их».

«По правде говоря, сударь, это очень странно с вашей стороны. Могу вас уверить, что эти дамы не имеют никаких прав на Габалиса. Но чтобы вывести их и себя из затруднительного положения, я обещаю, если это вам по вкусу, оправдать вексель, который вы предъявляете им».

Селим принял предложение. Олимпия оправдала свое слово. Вот что, сударыня, Селим должен был рассказать вам.

— Я прощаю его, — сказала фаворитка. — Олимпия не настолько была интересна, чтобы я стала обвинять его в том, что он ее забыл. Я не знаю, откуда выкапываете вы этих женщин. Поистине, государь, вы ведете себя, как человек, который сильно опасается проиграть дворец.

— Сударыня, мне казалось, что вы изменили ваше мнение за эти дни, — сказал Мангогул. — Разрешите мне напомнить вам, над кем я хотел произвести первый опыт. И вы увидите, что не от меня зависело проиграть раньше.

— Да, — отвечала султанша, — я знаю, что вы дали мне слово исключить меня из числа говорящих сокровищ и что с того времени вы обращались только к женщинам, утратившим доброе имя, — к Аминте, Зобеиде, Фелисе, Зюлейке, чья репутация была почти установлена.

— Я согласен, — сказал Мангогул, — что смешно было рассчитывать на их сокровища, но, за неимением других, пришлось иметь дело с ними. Я уже говорил вам и сейчас повторяю, что хороший тон у сокровищ встречается реже, чем вы предполагаете; и если вы сами не захотите

выиграть…

— Я, — с живостью перебила его Мирзоза, — отказываюсь от дворца, если для этого нужно решиться на что-нибудь подобное. Говорящее сокровище. Какая гадость. В этом есть что-то непристойное. Словом, государь, вы знаете мои взгляды на это, и я не на шутку повторяю свои угрозы.

— В таком случае, не жалуйтесь на мои опыты, или, по крайней мере, укажите мне, к кому, по вашему мнению, теперь нам прибегнуть, так как я не предвижу этому конца. Распутные сокровища да распутные сокровища — и так до бесконечности.

— У меня большое доверие к сокровищу Эгле, — сказала Мирзоза. — И я с нетерпением жду, когда истечет двухнедельный срок, который вы у меня просили.

— Сударыня, — ответил Мангогул, — он истек вчера; в то время как Селим забавлял вас рассказами о старом дворе, я узнал от сокровища Эгле, что, вследствие дурного настроения Селеби и ухаживания Альманзора, его хозяйка уже для него непригодна.

— Ах, государь, что вы говорите! — воскликнула фаворитка.

— Это факт, — подтвердил султан. — Я позабавлю вас этой историей в другой раз, но пока — поищите другой тетивы для вашего лука.

— Эгле, добродетельная Эгле, в конце концов, изменила себе! — с удивлением повторяла фаворитка. — Я никак не могу опомниться.

— Вы совсем растерялись, — сказал Мангогул, — и не знаете больше, куда вам метнуться.

— Дело не в том, — возразила фаворитка, — но признаюсь, я сильно рассчитывала на Эгле.

— Бросьте об этом думать, — промолвил султан, — скажите нам только, была ли она единственной безупречной женщиной из всех, каких вы знаете.

— Нет, государь, я знаю их сотни, — возразила Мирзоза, — и премилых. Я вам сейчас их назову. Я отвечаю за них, как за себя. Это… это…

Мирзоза внезапно остановилась, не выговорив ни одного имени. Селим не удержался от улыбки, а султан рассмеялся при виде смущения фаворитки, которая знала стольких безупречных женщин и не могла припомнить ни одной. Задетая за живое, она обернулась к Селиму и сказала:

— Помогите же мне, Селим, вы знаток по этой части. Государь, — прибавила она, — обратитесь к… к кому бы это? Да помогите же мне, Селим.

— К Мирзозе, — подсказал Селим.

— Вы не оказываете мне достаточно уважения, — сказала фаворитка, — я не боюсь испытания, но чувствую к нему отвращение. Назовите скорее кого-нибудь другого, если хотите, чтобы я вас простила.

— Можно было бы посмотреть, — сказал Селим, — нашла ли Заида в действительности такого идеального любовника, о котором мечтала и с которым сравнивала всех своих ухаживателей?

— Заида? — переспросил Мангогул. — Сознаюсь, что из-за этой женщины я могу проиграть.

— Это, — прибавила фаворитка, — может быть, единственная, репутацию которой пощадили и чопорная Арсиноя, и фат Жонеки.

— Это очень много, — сказал Мангогул. — Но свидетельство моего кольца значит больше. Отправимся к ее сокровищу.

«Этот оракул правдивей Калхаса».

— Как! — воскликнула фаворитка со смехом, — оказывается, вы декламируете Расина, как актер.

Глава пятьдесят вторая
Двадцать девятая проба кольца. Зулейман и Заида

Мангогул, не отвечая на шутку Мирзозы, быстро вышел и направился к Заиде. Он нашел ее уединившейся в кабинете у маленького столика, на котором он увидал письма, портрет, несколько безделушек, полученных в дар от возлюбленного, о чем легко было догадаться по тому, как она ими дорожила. Она писала, слезы струились у нее из глаз и орошали бумагу. Она с жаром осыпала поцелуями портрет, перечитывала письма, писала несколько строк, опять бралась за портрет, хватала безделушки, о которых я упоминал, и прижимала их к сердцу.

Султан был несказанно удивлен. Он знал только двух нежно любящих женщин — фаворитку и Заиду. Он считал себя любимым Мирзозой. Но Заида не больше ли любила Зулеймана? И эти два любовника, может быть, единственные заслуживали этого имени в Конго.

Слезы, которые Заида проливала над письмом, не были слезами печали, — это были слезы люб-

ви. Ее переполняло в эту минуту восхитительное чувство уверенности, что сердце Зулеймана всецело принадлежит ей.

— Милый Зулейман, — говорила она, — как я люблю тебя! Как ты мне дорог! Как мне хорошо с тобой! В минуты, когда Заида лишена счастья видеть тебя, она пишет тебе о том, что она твоя и в разлуке с Зулейманом ничто не занимает ее, кроме ее любви к нему.

Она предавалась этим нежным мечтам, когда Мангогул направил на нее кольцо. В ту же минуту он услышал, как сокровище ее вздыхает и лепечет первые слова монолога его хозяйки.

— Милый Зулейман, как я люблю тебя, как ты мне дорог! Как мне хорошо с тобой!

Сердце и сокровище Заиды были в таком единении, что речи их не могли быть несходны.

Заида сначала была изумлена, но она так была уверена, что ее сокровище не может сказать ничего неприятного для Зулеймана, что ей захотелось, чтобы он был здесь.

Мангогул возобновил свой опыт, и сокровище Заиды повторило тихим и нежным голосом:

«Зулейман, милый Зулейман, как я тебя люблю, как ты дорог мне!»

— Зулейман — счастливейший из смертных в

моей империи, — вскричал султан, — покинем эти места, где образ счастья, большего, чем мое, огорчает меня.

Он быстро вышел и явился к фаворитке с беспокойным и задумчивым видом.

— Что с вами, государь? — спросила она. — Вы ничего не говорите мне о Заиде.

— Заида, мадам, — отвечал Мангогул, — чудесная женщина. Она любит, как никто никогда не любил.

— Тем хуже для нее, — сказала Мирзоза.

— Что вы говорите! — воскликнул султан.

— Я говорю, — отвечала фаворитка, — что Кермадес — один из неприятнейших людей в Конго, что расчеты и авторитет родителей принудили ее к этому браку и что нет супружества более неравного, чем Кермадес и Заида…

— Э, мадам, — прервал ее султан, — она любит вовсе не своего супруга.

— Кого же? — спросила Мирзоза.

— Зулеймана, — ответил Мангогул.

— Прощай фарфор и маленькая обезьянка, — сказала Мирзоза.

— Ах, — шептал Мангогул, — эта Заида меня поразила. Она меня преследует, я одержим ею. Мне необходимо ее повидать.

Мирзоза задала ему несколько вопросов, но он отвечал на них односложно, отказался от партии в пикет, которую она ему предложила, пожаловался на головную боль, которой у него не было, ушел к себе, лег спать без ужина, чего еще не случалось в его жизни, и не мог уснуть. Прелести и нежность Заиды, достоинства Зулеймана и его счастье мучили его целую ночь.

Легко догадаться, что на другой день он прежде всего поспешил к Заиде; он вышел из дворца, даже не справившись, как себя чувствует Мирзоза. Он позабыл об этом в первый раз. Заиду он застал в том же кабинете, как и накануне. С нею был и Зулейман. Он держал возлюбленную за руки и смотрел ей в глаза; Заида, сидя у него на коленях, кидала на него взгляды, полные страсти. Они замерли в этой позе; но через несколько мгновений, повинуясь силе желаний, бросились друг к другу в объятия и крепко обнялись. Глубокое молчание, царившее между ними до этого, нарушилось вздохами, звуками поцелуев и бессвязными словами, вырывавшимися из их уст:

— Вы любите меня?..

— Обожаю…

— Будете любить меня всегда?..

— До последнего вздоха, Заида…

Опечаленный Мангогул откинулся на кресла и закрыл глаза рукой. Он боялся увидать то, что обычно в этих случаях происходит, но чего здесь не произошло. После нескольких минут молчания Заида сказала:

— Дорогой мой, нежный мой возлюбленный, отчего вы не всегда были таким, как сейчас? Я любила бы вас не меньше, но мне было бы не в чем упрекать себя… Ты плачешь, милый Зулейман? Постой, дорогой мой, нежно любимый, постой, я осушу твои слезы. Ты опускаешь глаза, Зулейман: что с тобой? Посмотри же на меня. Дай мне утешить тебя, дорогой друг: прижми твои губы к моим, вдохни в меня твою душу; прими мою… Остановись. Ах, нет… нет…

Заида закончила речь громким вздохом и умолкла.

Африканский автор сообщает нам, что эта сцена поразила Мангогула; что у него явилось подозрение в несостоятельности Зулеймана и что он с своей стороны сделал некое предложение Заиде, которое она отвергла, не ставя себе этого в заслугу перед своим любовником.

Глава пятьдесят третья
Платоническая любовь

— Но неужели Заиде нет равных? Мирзоза не уступает ей в прелести, и у меня тысячи доказательств ее нежной привязанности; я хочу быть любимым, и я любим. И кто поручится, что Зулейман больше любим, чем я? Я был безумцем, завидуя его счастью. Нет никого на свете счастливее Мангогула.

Так начал убеждать себя султан. Автор не приводит полностью всех его доводов и лишь сообщает нам, что государь оказал им больше внимания, чем обычно словам своих министров, и перестал думать о Заиде.

В один из вечеров, когда он был особенно доволен фавориткой и собой, он предложил позвать Селима, чтобы побродить вместе с ним в рощах и садах сераля. Там были беседки из зелени, где можно было все говорить и многое делать. Направляясь туда, Мангогул завел разговор о причинах любви.

Мирзоза, поклонница высоких принципов, одержимая идеей добродетели, которая совер-

шенно не подходила ни к ее положению, ни к лицу, ни к возрасту, утверждала, что часто любят лишь для того, чтобы любить, и что связи, основанные на сходстве характеров, поддерживаемые уважением и скрепленные доверием, отличаются продолжительностью и постоянством, без притязаний любовника на ласки возлюбленной и без желания их с ее стороны.

— Видите, мадам, — сказал султан, — как испортили вас романы. Вы начитались там о почтительных героях и о принцессах, добродетельных до глупости. И вы не подумали, что эти персонажи существовали только в голове авторов. Если вы спросите у Селима, который знает лучше всех катехизис Цитеры, что такое любовь, бьюсь об заклад, он ответит, что любовь не более, чем…

— Но готовы ли вы побиться об заклад, — перебила султанша, — что нежность чувств — химера, что без надежды на наслаждение в мире не может быть любви? Поистине, для этого нужно быть очень плохого мнения о человеческом сердце.

— Какого я и придерживаюсь, — ответил Мангогул. — Наши добродетели не более бескорыстны, чем наши пороки. Храбрый гонится за славой, презирая опасность; трус любит покой и цепля-

ется за жизнь, а любовник хочет наслаждаться.

Селим присоединился к мнению султана и прибавил, что если бы случились две вещи, любовь была бы изгнана из общества навсегда.

— Какие же это две вещи? — спросила фаворитка.

— Это вот что, — ответил Мангогул, — если бы вы, сударыня, и я, и все другие люди потеряли то, что Танзай и Неадарна нашли во сне…

— Как! — вскричала Мирзоза, — вы думаете, что без этих ничтожных вещей не было бы ни уважения, ни доверия между двумя лицами разного пола! Талантливая, умная, с обаятельной наружностью женщина не привлекала бы мужчин? И богато одаренный мужчина с интересным лицом, с превосходным характером не был бы благосклонно выслушан женщиной?

— Нет, мадам, — ответил Мангогул, — ибо что, по-вашему, он мог бы сказать ей?

— Очень много прекрасных вещей, какие, мне кажется, всегда приятно слышать, — отвечала фаворитка.

— Заметьте, мадам, что эти вещи говорятся каждый день без всякой любви. Нет и нет, сударыня. У меня есть веские доказательства, что без тела, снабженного надлежащими органами, нет

любви. Аженор, красивейший юноша в Конго, самый изящный ум в придворной среде, мог бы, если бы я был женщиной, сколько угодно выставлять передо мной свою красивую ногу, глядеть на меня своими большими синими глазами, осыпать меня самыми изысканными любезностями, — я бы, оценив все это по достоинству, сказал ему только одно слово, и если бы он не ответил на него со всею точностью, я бы сохранил к нему уважение, но без капли любви.

— Это несомненно так, — прибавил султан. — И справедливость, и нужность этого таинственного слова вы признаете сами, когда любите. Вам следовало бы для вашей пользы познакомиться с беседой одного из просвещенных людей Банзы — со школьным учителем. Вы поняли бы тогда, почему остроумец, поддерживавший ваш тезис, согласился одновременно, что он неправ и что противник его рассуждает, как сокровище. Но Селим расскажет вам все это. Я слышал от него эту историю.

Фаворитка подумала, что история, о которой умолчал Мангогул, должна быть очень непристойной; она вошла в одну из беседок, не задав никаких вопросов. Это было к счастью для Селима; потому что со всем его умом, он плохо

удовлетворил бы любопытство фаворитки или задел бы ее стыдливость. Но чтобы переменить тему и отсрочить историю школьного учителя, он рассказал ей следующее.

— Сударыня, — начал придворный, — в обширной стране близ истоков Нила проживал юноша, прекрасный, как любовь. Ему не исполнилось еще восемнадцати лет, когда все девушки перессорились из-за его сердца, и не было женщины, которая не взяла бы его в любовники. Обладая от природы нежным сердцем, он полюбил, едва стал в состоянии любить.

Однажды на богослужении, посвященном Великому идолу, он должен был совершить семнадцать установленных коленопреклонений; в это время проходила мимо него красавица, в которую он был влюблен, и бросила на него такой взгляд, сопровождаемый улыбкой, что он сразу впал в рассеянность, потерял равновесие, ткнулся носом в землю, привел в смущение всех присутствующих, забыл число поклонов и сделал только шестнадцать.

Великий идол, оскорбленный и возмущенный скандалом, жестоко покарал его. Гилас, — так его звали, — бедный Гилас почувствовал, что его охватило жгучее желание и что он окончательно

лишен возможности его удовлетворять. Удивленный и огорченный такой бедой, он вопросил идола.

«Ты вновь найдешь себя, — сказал ему голос, сопровождаемый чиханьем, — лишь в объятиях женщины, которая, зная о твоем несчастье, не разлюбит тебя».

Самонадеянность нередко является спутницей молодости и красоты. Гилас вообразил, что его ум и очарование его наружности скоро привлекут к нему чье-нибудь чувствительное сердце, которое, довольствуясь тем, что осталось у юноши, будет любить его и не замедлит вернуть ему утраченное им благо. Прежде всего он обратился к той, которая была невольной причиной его беды. Это была молодая особа, живая, страстная и кокетливая. Гилас обожал ее. Он добился свидания, где его ласкали и ласкали, и доласкали до предела, которого он не мог перешагнуть; он долго мучился в объятиях возлюбленной и ждал исполнения, обещанного оракулом; все было напрасно. Когда ей наскучило ждать, она быстро оправила платье и покинула его. Самое худшее в этом приключении было то, что маленькая сумасбродка рассказала о нем одной из своих подруг, которая по секрету передала это трем-четырем другим подругам; они

же поделились секретом с таким количеством подруг, что Гиласа, за два дня до этого любимого всеми женщинами, все стали презирать, считать чудовищем и показывать на него пальцем.

Несчастный Гилас, обесславленный на родине, отправился путешествовать, чтобы отыскать лекарство от своей болезни. Без спутников, инкогнито, он появился при дворе абиссинского императора. Началось с того, что многие женщины влюбились в молодого иностранца, — чуть не передрались из-за него. Но осторожный Гилас избегал таких встреч, где он боялся не найти того, что ему было нужно, и знал, что женщины не найдут того, что им нужно. Но подивитесь женской проницательности. «Такой молодой, такой умный и красивый и так ведет себя, — говорили о нем. — Не странно ли это?» Чуть было не усмотрели среди стольких его прекрасных качеств его недостатка и, боясь подарить ему все, что нормальный мужчина может пожелать, ему отказывали в единственной вещи, которой ему недоставало.

После первого ознакомления со страной Гилас привязался к одной молодой женщине, которая, неизвестно по какому капризу, перешла от легкомысленной жизни к крайнему ханжеству.

Он мало-помалу вкрался в ее доверие, усвоил ее взгляды, подражал ее поступкам, подавал ей руку в храме и так часто беседовал о суетности мирских удовольствий, что незаметно пробудил в ней вкус к ним вместе с воспоминанием о них. Больше месяца он ходил по мечетям, присутствовал на проповедях, навещал больных, когда, наконец, он решился приступить к излечению себя, но здесь его ждала неудача. Благочестивая возлюбленная его, хотя и знала все, что делается на небе, была не менее хорошо осведомлена о том, как иные вещи происходят на земле. И бедный юноша в одну минуту лишился плодов своих добрых дел. Единственно, что его утешало, это ненарушимостъ тайны, которая была соблюдена. Одно словечко сделало бы неисцелимой его болезнь, — но оно не было произнесено. Гилас завязал дружбу еще с несколькими благочестивыми женщинами, к которым он прибегал за исцелением, предписанным оракулом; они не сняли с него чар, потому что любили его именно за то, чего у него недоставало. Привычка все одухотворять ни к чему не послужила им. Они искали чувства, но именно того, которое порождается наслаждением.

«Так вы меня не любите?» — грустно спрашивал

их Гилас. — «Но разве вы не знаете, сударь, — отвечали ему, — что нужно сначала знать то, что хочешь любить? И вы должны сознаться, что, вследствие вашей обездоленности, вы недостаточно любезны в тот момент, когда вас хотят узнать».

«Увы, — говорил он, удаляясь, — нигде нет этой чистой любви, о которой столько говорят. Эта тонкость чувств, которою хвалятся столько женщин и мужчин, не более, чем химера. Оракул обманул меня, и я останусь таким на всю жизнь».

Попутно он встречался с женщинами, которые ищут только сердечных связей и ненавидят дерзкого мужчину как жабу. Они ему так настоятельно советовали не вносить ничего земного и грубого в свое отношение к ним, что он стал надеяться на исцеление с их помощью. С открытым сердцем он подошел к ним; и был очень удивлен тем, что после чувствительных бесед, какие они с ним завязывали, он оставался неисцеленным.

«Нужно, — сказал он себе, — попробовать другой способ, кроме слов».

Он стал поджидать случая, удобного для выполнения предписаний оракула. Случай представился. Молодая последовательница платонизма, до безумия любившая прогулки, увлекла его в

глубину леса. Они были далеко от посторонних глаз, когда ей сделалось дурно. Гилас бросился к ней и прибегнул к всевозможным средствам, чтобы привести ее в чувство. Но все усилия его оказались напрасными. Находившаяся в обмороке красавица заметила это не хуже его.

«Ах, сударь, — сказала она, — освобождаясь из его объятий, — какой же вы мужчина! Никогда мне больше не придет в голову забираться в такие уединенные места, где, почувствовав себя дурно, сто раз рискуешь погибнуть без помощи».

Подруги, узнав об этом, пожалели ее и поклялись, что нежные чувства, которые они к нему питали, также не были утолены, после чего они перестали с ним видеться.

Так бедный Гилас вызвал неудовольствие у стольких женщин, несмотря на прекрасное лицо и самые утонченные чувства.

— Какой же он простофиля, — сказал султан. — Почему не обратился он к весталкам, которыми полны наши монастыри? Они влюбились бы в него до безумия, и он был бы наверняка исцелен через решетку.

— Государь, — отвечал Селим, — история гласит, что он избирал и этот путь и убедился, что нигде не хотят любить впустую.

— В таком случае, — сказал султан, — я отчаиваюсь в его выздоровлении.

— Он, как и ваше высочество, отчаивался в нем, — продолжал Селим. — Устав от попыток, которые ни к чему не привели, он ушел в уединение, подавленный приговором бесконечного количества женщин, которые слишком ясно дали ему понять, что он бесполезен в обществе.

Уже несколько дней бродил он в уединении, когда до него донеслись из отдаленного места чьи-то вздохи. Он прислушался. Вздохи снова раздались, приблизившись, он увидел молодую девушку, прекрасную, как светила небесные. Она сидела в грустной и задумчивой позе, опустив голову на руки, с лицом, орошенным слезами.

«Что вы здесь делаете, мадемуазель? — спросил он ее. — Для вас ли созданы эти пустынные места?»

«Да, — отвечала она печально, — здесь, по крайней мере, можно всецело предаваться своей горести».

«Что же так огорчает вас?»

«Увы!»

«Откройтесь, мадемуазель, что с вами?»

«Ничего».

«Как, ничего?»

«Ровно ничего. И в этом причина моей горести. Два года тому назад я имела несчастье оскорбить Пагоду, и она отняла у меня все. Вещь была так невелика, что для этого не требовалось больше могущества. С этого дня все мужчины бегут и будут бежать от меня, — так сказал идол, — до тех пор, пока я не встречу кого-нибудь, кто, зная о моем несчастии, привяжется ко мне и полюбит меня такую, как я есть».

«Что я слышу! — вскричал Гилас. — Этот несчастливец, который сейчас перед вами на коленях, также не имеет ничего. И в этом его болезнь. Он имел несчастье несколько времени тому назад оскорбить Пагоду, которая отняла у него то, чем он обладал. Не тщеславясь можно сказать, что это было нечто значительное. С тех пор все женщины бегут от него и будут убегать, — так говорит Пагода, — пока не встретится хоть одна, которая, зная о его несчастии, привяжется к нему и будет любить его таким, как он есть».

«Возможно ли это?» — спросила молодая девушка.

«Верно ли то, что вы мне сказали?» — спросил Гилас.

«Смотрите», — сказала девушка.

«Смотрите», — сказал Гилас.

Оба удостоверились, что на них обрушился небесный гнев. Общее горе соединило их. Ифис, так звали молодую девушку, была создана для Гиласа, Гилас — для нее. Они, как легко себе вообразить, полюбили друг друга платонически, потому что не могли любить иначе, но тут же кончилась власть чар, они вскрикнули от радости, и платоническая любовь исчезла.

За те месяцы, в какие они наслаждались своей близостью в уединении, они имели достаточно времени убедиться в происшедшей с ними перемене. Когда они покинули пустыню, Ифис была основательно излечена. Про Гиласа же автор говорит, что ему грозил возврат болезни.

Глава пятьдесят четвертая
Тридцатая и последняя проба кольца.
Мирзоза

В то время как Мангогул беседовал в садах с фавориткой и Селимом, ему принесли известие о смерти Суламека. Суламек начал с того, что сделался учителем танцев у султана против желания Эргебзеда; несколько интриганок, которых он научил делать рискованные прыжки, проталкивали его изо всех сил и добились того, что он был предпочтен Марселю и другим, которым не годился и в подручные. Он обладал мелочным умом, придворным жаргоном и даром занимательно рассказывать и забавлять детей, но он ничего не понимал в высоком искусстве танца. Когда освободилась должность великого визиря, он сумел, с помощью реверансов, опередить старшего сенешала, неутомимого танцора, но человека недостаточно гибкого и не умевшего грациозно приседать. Правление его не было ознаменовано никакими славными событиями. Его враги (а у кого же их нет? Их достаточно у

самых достойных людей) обвиняли его в том, что он плохо играет на скрипке и ничего не понимает в хореографии; что он позволил дурачить себя пантомимами пресвитера Иоанна и пугать себя медведем из Моноэмуги, который однажды плясал перед ним; что он издержал миллионы на императора Томбута, чтобы помешать ему танцевать в то время, как у него самого была подагра; что он просаживал ежегодно больше пятисот тысяч цехинов на канифоль и еще больше на преследование скрипачей, которые играли менуэты других композиторов, а не его. Словом, его обвиняли в том, что он продремал пятнадцать лет под звуки бандуры толстого гвинейца, который аккомпанировал себе, напевая песенки, сложенные в Конго. Надо отдать ему справедливость, что он ввел в моду голландские липы и т.д. У Мангогула было прекрасное сердце. Он сожалел о Суламеке и заказал ему катафалк и надгробную речь, поручив ее проповеднику Брррубубу.

В день, назначенный для церемонии, главы браминов, весь диван и султанши, сопровождаемые евнухами, собрались в большую мечеть. Брррубубу доказывал два часа подряд неподражаемой скороговоркой, что Суламек возвысился благодаря своим исключительным талантам.

Он громоздил предисловие на предисловие; не забыл ни Мангогула, ни подвигов, совершенных им во время управления Суламека, и рассыпался в восторженных восклицаниях, когда Мирзоза, которую ложь приводила в истерическое состояние, впала в летаргию. Офицеры и придворные дамы бросились к ней на помощь, положили ее в паланкин и тотчас же отнесли в сераль. Прибежал Мангогул, которого уведомили о несчастии, и была пущена в дело вся аптека: были испробованы гарус, капли генерала Ламотта, английские капли, но без всякого успеха. Пораженный горем, султан то плакал над Мирзозой, то проклинал Оркотома и потерял надежду на все средства, кроме перстня.

— Если я вас потерял, услада моей души, — воскликнул он, — ваше сокровище так же, как ваши уста, должно хранить вечное молчание.

Он немедленно приказал всем выйти. Ему повиновались, и он остался наедине с фавориткой. Он направил на нее перстень, но сокровище Мирзозы, соскучившееся на проповеди, как это постоянно случается с другими, и, по-видимому, также впавшее в летаргию, пробормотало лишь несколько невнятных слов. Султан снова направил перстень, и сокровище явственно про-

изнесло:

— Что было бы со мной в разлуке с вами, Мангогул? Верное вам до гроба, я не переставало бы вас искать, и, если любовь и постоянство награждаются за гробом, я бы нашло вас, дорогой государь! Увы! Без вас дивные чертоги Брамы, которые он обещал верующим в него, были бы для меня в тягость.

Мангогул, вне себя от радости, не заметил, что фаворитка приходит в сознание и что, если он не повернет вовремя перстень, она может услышать последние слова своего сокровища. Так и случилось.

— Ах, государь, — сказала она, — где ваши клятвы? Поняли ли вы, наконец, несправедливость ваших сомнений? И ничто не удержало вас: ни состояние, в каком я была, ни оскорбление, какое вы мне этим нанесли, ни слово, данное вами.

— О сударыня, — отвечал султан, — не приписывайте постыдному любопытству поступок, который внушен только отчаянием от мысли, что я потерял вас. Я вовсе не испытывал вашей верности при помощи кольца. Я счел возможным, не изменяя своим обещаниям, прибегнуть к этому средству, которое вернуло вас моей любви и отдало вам мое сердце навсегда.

Я верю вам, государь, — сказала фаворитка, — но пусть этот перстень будет возвращен гению, и пусть его роковой дар не тревожит больше ни ваше сердце, ни ваше государство.

Мангогул тотчас же стал на молитву, и перед ним появился Кукуфа.

— Всемогущий гений, — сказал султан, — возьмите обратно свое кольцо и будьте и впредь ко мне благосклонны.

— Государь, — отвечал гений, — да протекут ваши дни между любовью и славой. Первую подарит вам Мирзоза а вторую обещаю вам я.

С этими словами страшилище надвинуло на голову капюшон, схватило за хвосты сов и умчалось прочь, как и примчалось, выделывая в воздухе пируэты.

1748